

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

№ 4 (15)

научно-
теоретический
журнал

Выходит
4 раза в год

Основан
в 2006 г.

ТЕМА НОМЕРА: ЗАРУБЕЖНАЯ РОССИЯ

- Латушко Ю.В.** От редактора рубрики **5**
- Хисамутдинов А.А.** Русские в Америке:
проблемы адаптации **9**
- Аргудяева Ю.В.** Русские старообрядцы в США **16**
- Шугайло Т.С.** Антисоветская пропаганда
в русских эмигрантских изданиях в 1950-е годы
(на примере газет "Россия" и "Новое русское слово") ... **24**
- Солодовник И.В.** Русскоязычные СМИ
в Австралии и Канаде **38**
- Ставров И.В.** Некоторые вопросы адаптации россиян
в Маньчжурии в первой половине XX века **59**

СОЦИАЛЬНЫЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ

- Вацук А.С.** Демографические угрозы и
миграционные риски на юге российского
Дальнего Востока в начале XXI в. **66**

КУЛЬТУРНЫЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ

- Постников В.В.** К осмыслению названия
"Владивосток": историко-политические образы
Тихоокеанской России **75**

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И УПРАВЛЕНИЕ РЕГИОНОМ

- Исхаков Р.Л.** Исторический прообраз
федерального округа (к истории Штата Идель-Урал) **84**
- Золотухин И.Н.** Особенности национальной
политики в странах Юго-Восточной Азии
после Второй мировой войны **92**

МИРОВАЯ СИСТЕМА И МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Журбей Е.В.** Внешняя политика
и внешнеполитический процесс администрации
Дж. Буша-старшего **102**

STUDIO

- Наливайко П.Н.** Российско-американские отношения
на современном этапе: произошла ли "перезагрузка"? ... **115**

ПРОЕКТЫ

- Научно-методический семинар
"Трансграничные отношения в Северо-Восточной
Азии в политическом, экономическом и
социокультурном измерениях" **123**

Владивосток
2010

Эмпирика	
Жерновой М.В. Проблемы обеспечения личной безопасности граждан в Приморском крае	144
Научные сообщения	
Голобоков А.С. КНР и военные контакты в рамках Шанхайской организации сотрудничества	149
Рецензии и обзоры	
Барбенко Я.А. Антология экономической мысли на Дальнем Востоке	153
Научная жизнь	
Каневская Г.И. Третья международная конференция "Нансеновские чтения, 2009"	161
Караман В.Н. IX Российско-японский форум	165
Кондратенко Г.В. Фестиваль науки во Владивостоке	167
К ЧИТАТЕЛЯМ	170
СОКРАЩЕНИЯ	171
НАШИ АВТОРЫ	172

Редакционная коллегия:

Т.Г. Римская (главный редактор), В.А. Бурлаков, М.Г. Ганопольский, А.Н. Демьяненко, Е.В. Журбей, И.Н. Золотухин, М.А. Калугина, В.Н. Караман, А.А. Киреев (ответственный редактор), Л.И. Кирсанова, В.В. Кожевников, А.М. Кузнецов, Ю.В. Латушко, Д.А. Литопенко, О.В. Лобода, А.Л. Лукин, Ю.А. Наумов, С.В. Севастьянов, Чой Нак Джун, О.И. Шестак.

Учредитель: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Владивостокский государственный университет экономики и сервиса".

Адрес редакции: 692000, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.

Официальный сайт журнала: <http://www.ojkum.ru>

E-mail: oikomene@rambler.ru; ojkum@rambler.ru

Редактор электронной верстки: В.Н. Караман

Графическое оформление: Я.А. Барбенко, В.Н. Караман, В.В. Постников.

Корректор: В.В. Караман

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации – серия ПИ № ФС77-30578, выданное 12.12.2007 г.

OJKUMENA

Regional researches

№ 4 (15)

*Scientific-
theoretical
journal*

Issued
4 times a year

Founded
in 2006

THE THEME: RUSSIA ABROAD

- Latushko Yi.V.** From the editor of a heading 5
- Khisamutdinov A.A.** The Russians in America:
problems of adaptation 9
- Argudyaeva U.V.** Russian Old Believers in the USA 17
- Shugailo T.S.** Anti-Soviet propaganda in the Russian
emigrant editions in 1950 (the example of newspapers,
"Russia" and "New Russian Word") 24
- Solodovnik I.V.** Russian-speaking mass-media
in Australia and Canada 38
- Stavrov I.V.** Some aspects of Russian's adaptation in
Manchzhuria in the first half of the XXth century 59

THE SOCIAL AND DEMOGRAPHIC STRUCTURES

- Vashchuk A.S.** The demographic threats and the risks
of migrations in the south of the Russian Far East
in early of the XXI century 66

CULTURAL AND IDEOLOGICAL FACTORS OF REGIONALIZATION

- Postnikov V.V.** To the comprehension of the name
"Vladivostok": historical and political images
of the Pacific Russia 75

POLITICAL RELATIONS AND MANAGEMENT OF REGION

- Iskhakov R.L.** The historical prototype of the federal
district (About history of the Idel-Ural State) 84
- Zolotuhin I.N.** The Peculiarities of the National Policy
in the South-East Asia after WWII 92

WORLD SYSTEM AND INTER-REGIONAL RELATIONS

- Zhurbey E.V.** Foreign policy and foreign political process
of the George H.W. Bush administration 102

STUDIO

- Nalivaiko P.N.** Russian-American relations
at the present stage: was there a "reboot"? 115

PROJECTS

- Scientific seminar
"Cross-border relations in the North-East Asia
in political, economic and socio-cultural dimensions" 123

EMPIRIC

- Zhernovoj M.V.** Security of the person
in the Primorye Territory: problems of providing 144

Vladivostok
2010

SCIENTIFIC MESSAGES

Golobokov A.S. China and military contacts
in the Shanghai cooperation Organization **149**

REVIEW

Barbenko Y.A. The Anthology of Economic Thought
in the Far East **153**

SCIENTIFIC LIFE

Kanevskaya G.I. The Third International Conference
"Nansen Reading, 2009" **161**

Karaman V.N. IX Russian-Japan forum **165**

Kondratenko G.V. Science Festival in Vladivostok **167**

TO READERS **170**

REDUCTIONS **171**

OUR AUTHORS **172**

Editorial board:

T.G. Rimskaja (Editor-in-chief), V.A. Burlakov, M.G. Ganopolskij
A.N. Demyanenko, I.N. Zolotuhin, E.V. Zhurbey, M.A. Kalugina, V.N. Karaman,
A.A. Kireev (Editor), L.I. Kirsanova, V.V. Kojevnikov, Yi.V. Latushko,
A.M. Kuznetsov, D.A. Litoshenko, O.V. Loboda, A.L. Lukin, Yi.A. Naumov,
S.V. Sevastyanov Choi Nak Jun, O.I. Shestak.

Founder: State educational institution of the higher professional education "Vladivostok
state university of Economics and Service".

Address: 2 Ozernaja St., Nakhodka 692000, Primorskyi krai, Russia.

Official site of journal: <http://www.ojkum.ru>

E-mail: oikomene@rambler.ru; ojkum@rambler.ru

Electronic computer is made up by V.N. Karaman

Graphic registration: J.A. Barbenko, V. N. Karaman, V.V. Postnikov.
Corrector V.V. Karaman

Authors' points of view on the problems under investigation do not necessarily coincide with
those of the Editorial Board.

Journal is registered by Federal service on supervision in sphere of mass communications,
connection and cultural heritage protection.

Certificate on registration of the journal ser. PI № FS77-30578, given by 12.12.2007.

<http://www.ojkum.ru/>

От редактора рубрики

Тема, к которой мы решили обратиться, не нова, но оттого ничуть не тривиальна – Зарубежная Россия. Осмысление ее невозможно без понимания на первый взгляд очевидных вещей – что есть Россия во времени и пространстве, где простираются ее границы и кто мы – все те, кто зовут себя россиянами? Мы осознаем, что не сможем расставить здесь все точки над "i". Понятно, что подобная сверхзадача является неразрешимой по ряду причин. Саморефлексия всегда ограничена интересом эпохи, кругозором авторов, а наш журнал – объемом. Поэтому, как кажется, столь неисчерпаемая тема, может и должна быть продолжена. Публикуемые нами статьи – это лишь небольшой срез указанной проблематики.

Пространственные границы нашего Отечества изменялись и еще не раз поменяются во времени. Понимание того, что есть Россия, также не константно. На современном этапе, который начался с крушением СССР, одни видят закат нашей страны, а другие – новые горизонты для ее развития. Пессимисты полагают, что мы сходим с исторической сцены как игроки первой лиги и уже навсегда. Сама постановка вопроса – какое наследие оставила Россия в мировой культуре – похожа на приговор. С другой стороны, то, что нас до сих пор мучит этот вопрос – свидетельство историчности, в гегелевском смысле слова – нашей культуры. Мы не можем и не хотим остаться незамеченными в числе великих народов. Но кто такие "мы", что это за особая психофизическая среда, порождающая знакомую каждому из "нас" красоту и глупость "нашего" бытия?

Популярное ныне увлечение многих гуманитариев – клиометрия – успокаивает нас, говоря, что Россия всегда переживала циклы подъема, расцвета, кризиса, распада и нового подъема (как, впрочем, и другие культурные агломерации первого порядка или цивилизации, если угодно). Для русской истории характерен столетний цикл, и вот уже все с опаской ждот нового "17-го" и "37-го". Спекулятивные чары подобного подхода мало отвечают критериям науки, они скорее квазинаучны (вроде бы цифры, прогнозы, но фундамент неточен: исторические процессы стихийны, а люди непредсказуемы и далеки от рационального поведения). Милые охранительно-патриотические лубки сменяются либеральными тревогами глобализации и прочими суверенными социофобиями. История же идет своим чередом.

Границы России проходят не только по суше и морю, но и в головах соотечественников. По поводу данных границ между людьми нет согласия. Мы сегментирующийся социум, сжимающийся как шагреновая кожа. У многих сегодня возникает вопрос – не исчерпала ли страна свой человеческий потенциал (качественный и количественный)? Раздаются идеи "сбережения" России. Отметим здесь же, что наша беда и счастье как раз и состоит в известном консерватизме и раздвоенности сознания в отношении традиций и инноваций. Двуглавым орлом мы смотрим на мир: то желая объять его, то раствориться в глобальном прогрессе без остатка.

Как известно, носителем культуры является человек. В индустриальную эпоху, а в особенности после нее миграционные процессы на пла-

нете приняли огромные масштабы. Они значительно ускорили обмен культурной информацией между народами. Проводниками ее выступают различного рода социальные сети в широком смысле этого слова. Непосредственными носителями национальной культуры в инокультурной среде были и остаются мигранты, по ним судят о стране исхода. Здесь мы сталкиваемся с двумя взаимосвязанными вопросами – каков адаптивный потенциал русской культуры, и какие элементы формируют каркас, поддерживающий ее целостность в глазах иностранцев и этнофоров? Согласно закону энтропии, который на свой лад интерпретировали неозолучионисты, превратив в закон потенциала развития, все закрытые системы менее стабильны и приспособлены к развитию (на этом фундаменте в мире выстраиваются сложнейшие более или менее успешные иерархии и горизонтальные сети – языковые, национальные, этнические, профессиональные и т.п.). Каждый новый столетний цикл Россия начинала со стремительного роста производительных сил, который впоследствии сменялся откатом назад и реакцией. В такие периоды Россия "исторгала" из себя волны мигрантов. Сегодня выходы из бывшего СССР и России образуют одну из самых больших диаспор на планете (численно сопоставимую с крупнейшей китайской).

Большинство представленных в настоящем выпуске статей затрагивает проблему адаптации русскоязычного населения в англоговорящих странах – США, Канаде, Австралии. Этот процесс адаптации был многогранным. В предметном плане внимание уделяется вышеупомянутой проблеме диаспоры. Сам термин имеет библейские корни и означает "рассеяние": во Второзаконии и других местах Ветхого завета этот термин употреблялся в контексте наказания Господнего за деяния неправедные, следствием которых является "рассеяние" народа. В научном лексиконе данный термин обозначает группу людей, живущих за пределами исторической родины, с которой они могут быть связаны не только происхождением, но и определенными чувствами. У диаспоры должны быть институты, поддерживающие ее единство. Русская (шире российская) диаспора не имеет такой самоорганизации, как, скажем, китайская, и выглядит более разобщенной.

В работе А.А. Хисамутдинова рассматривается деятельность русской (российской) диаспоры на тихоокеанском побережье США в XX в., дается ее социальная и структурная характеристика.

Автор, опираясь на солидный источниковый фундамент и собственные данные, рисует нам яркую картину взаимоотношений между россиянами и американцами. Показательно следующее мнение одного из цивилизованных отношений с нами, людьми доброжелательными и воспитанными. Чтобы ни говорилось, мы все-таки хозяева этой страны. В них, по-видимому, нет достаточного такта, чтобы понять, что известный декорум должен быть соблюден. В лучших случаях они позволяют нам присутствовать на своих развлечениях, где они веселятся по-своему и требуют, чтобы мы полностью всецело подчинялись их чуждым для нас обычаям и приемам. Вообще же они чуть не подчеркивают, что мы для них "безразличны".

Несмотря на ряд традиций, пришедшихся по душе американцам, они отмечали чуждость установлений русских местному образу жизни, сетуя на то, что русские в Америке всегда были озабочены сохранением национальной культуры.

Очень рано в русской диаспоре произошел раскол по вопросу – в какой мере необходимо сохранять свою "русскость", свои национальные особенности, нужно ли передавать русские традиции последующему поколению, не помешает ли это новой жизни в США. Особенно волновала

мигрантов проблема сохранения языка. Пожалуй, именно он, да еще религия являлись теми краеугольными камнями, на которые опиралось здание русской идентичности. Оно сильно накренилось со второй половины XX в. и дало трещины. Тому есть простые причины – в современных условиях для того, чтобы успешно социализироваться в стране-реципиенте, необходимо преодолеть культурные барьеры (в первую очередь языковые). В англоязычных странах данный процесс шел и идет быстрее, так как эти барьеры сравнительно невелики (в сравнении с тем же Китаем).

Статья Ю.В. Аргудяевой посвящена исследованию уникальной и наиболее консервативной среды – русским старообрядцам в Америке. В настоящей работе автор делает еще один шаг к осмыслению закономерностей бытования русской старообрядческой культуры за рубежом на основе собственных полевых материалов, полученных в ходе экспедиций в штате Аляска (США) 2009 – 2010 гг.

Данный пример ставит перед исследователем ряд сложных вопросов о специфике адаптации к новому региону инокультурных и иноконфессиональных групп, влиянии на данный процесс национальных особенностей и их трансформации в хозяйственном и семейном быту, материальной культуре, и ряд других.

Ведущая роль религиозных традиций в сохранении и развитии русской культуры за пределами России очевидна. Нельзя не согласиться с Ю.В. Аргудяевой, что существование на современном этапе старообрядчества – в той форме, в которой оно смогло сохраниться – можно считать явлением уникальным. Сегодня старообрядчество продолжает существовать как самобытная, устойчивая к изменениям форма русской культуры. Это особенно удивительно в наши дни, когда, с одной стороны, отмечается общесистемный кризис духовной культуры России, выраженный в бесконечном поиске национальной идеи, исторических корней и в попытках самоидентификации в мировом историческом процессе, а с другой, все более усиливается процесс глобализации как формы существования современной западной цивилизации. Опыт же старообрядцев показал удивительную "живучесть" их культуры как на Востоке (в Китае), так и на Западе (в США).

Как было отмечено, сохранение и поддержание групповой солидарности диаспоры опирается на определенные институты. В массовом обществе важнейшим из них являются печатные, а ныне электронные, медиа. Сегодня СМИ играют не только прямую роль (информационную), но и являются средством массовой коммуникации. В этом ключе интересны статьи Т.С. Шугайло и И.В. Солодовник.

Статья Т.С. Шугайло посвящена анализу антисоветской пропаганды на страницах русской эмигрантской периодической печати в США в 1950-е годы. Нетрудно заметить, что образ врага всегда способствовал сплочению группы антагонистов. Эмигрантская периодика играла непосредственную роль в формировании взглядов русской диаспоры в США в отношении Советского Союза, способствовала ее консолидации. С другой стороны, антикоммунистическая риторика обеспечивала эмигрантам лояльность и понимание со стороны общества-реципиента. В период "холодной войны" русская эмиграция и издаваемая ею периодическая печать стали так же рассматриваться в США как один из важных пропагандистских инструментов в противодействии Западу СССР. Автор, прежде всего, обращается к публикациям старейших русскоязычных газет в Америке – "Нового русского слова" и "России". Эти издания отражали идейные настроения широких слоев русской общественности в США того времени.

В работе И.В. Солодовник рассматриваются русскоязычные СМИ

в Австралии и Канаде. Уже в конце XIX в. в этих двух доминионах Великобритании образовалась большая община выходцев из Российской империи. Сегодня данные страны по-прежнему привлекательны для трудовых мигрантов из бывшего СССР и России. По данным департамента статистики Канады в 2006 г. в ней проживало свыше полумиллиона русских. В Австралийском союзе – свыше 67 тысяч человек¹. Это значительно меньше, чем в США (2652 тыс. человек), но намного больше, чем в Китае (15,5 тыс. человек). Автор оценивает привлекательность Австралии и Канады в разные периоды времени для тех или иных групп мигрантов из России, рассматривает истоки местных печатных и аудиовизуальных русскоязычных СМИ, и современное их состояние.

Завершает рубрику исследование И.В. Ставрова, посвященное адаптации русских в Маньчжурии во второй четверти XX века. Автор вводит в научный оборот не использовавшиеся ранее материалы Государственного архива Хабаровского края. Жизнь русских в Китае имела свою средовую специфику и сильно отличалась от таковой в англоязычных странах. В особенности это проявилось в такой сфере как культурно-просветительская. Несмотря на расцвет русской печати, образования и даже науки, сохранению замкнутого образа жизни здесь способствовали большие цивилизационные барьеры. Чуждые язык и культура консервировали русскую общину. С одной стороны, это сохраняло целостность диаспоры, с другой, делало ее инородным телом в китайском социуме. Для большинства русских Китай не стал второй родиной. Дело обстоит так, что сегодня именно китайская сторона активно поощряет интерес к русской культуре в указанном регионе, исходя из потребностей бизнеса и других причин.

Латушко Ю.В.

---

¹ Данные по Канаде (2006) доступны из [Электронный ресурс]. URL: <http://www40.statcan.gc.ca/l01/cst01/demo26a-eng.htm>; по Австралии: <http://www.abs.gov.au/websitedbs/D3310114.nsf/home/Census+data>; по США (2000): http://factfinder.census.gov/servlet/QTTable?_bm=y&-geo_id=01000US&-qr_name=DEC_2000_SF3_U_QTP13&-ds_name=DEC_2000_SF3_U; по Китаю (2000): <http://141.211.142.26/member/census2000/ybtableview.asp?ID=13945>.

В англоязычных странах русскими принято называть всех, кто в ходе переписи указал Россию как страну своего происхождения.

УДК 94

Хисамутдинов А.А.

Русские в Америке: проблемы адаптации

The Russians in America: problems of adaptation

Рассматривается деятельность русской (российской) диаспоры на тихоокеанском побережье США: дается ее социальная структура и характеристика.

Ключевые слова: *российская эмиграция, тихоокеанское побережье США, социальная структура, русская культура, адаптация*

The article describes the history of the Russian Diaspora in the Pacific coast of the USA and gives its social structure and characteristics.

Key words: *Russian emigration, Pacific coast of the USA, social structure, Russian culture, adaptation*

Эмиграция или иммиграция не есть безмятежный переход от вчера в завтра, это результат потрясения, болезненной оторванности от родного пласта и примыкания к чуждому. Если для первой волны (до 1917) были более характерны экономические мотивы, которые примирили человека с непривычной обстановкой, то иммиграция второй (1917 – 1941) и третьей волн (1945 – 1960-е) была борьбой за существование, попыткой после катастрофы построить новую жизнь, вернуть благосостояние.

По социальному составу взрослое население русской диаспоры делилось на пять основных категорий: студенты, бывшие военные, деятели искусства и интеллигенция, аристократия и люди, занимавшие высокое положение на родине, мелкие служащие и квалифицированные рабочие. Все они по-разному вписались в жизнь Америки. Лучше других устроились в США студенты. Несмотря на финансовые трудности и проблемы с языком, многие из них смогли закончить учебные заведения, сделать хорошую карьеру и добиться благополучия. Неплохо также жили мелкие служащие и квалифицированные рабочие. Эти люди, морально подготовленные начать все с нуля, пополнили средний класс и даже выиграли в США, где уровень заработной платы и стандарты жизни были значительно выше, чем в России. Из представителей ин-

---

Статья выполнена при финансовой поддержке гранта Президиума РАН, код проекта 09-И-П25-01, а также Grant in – Aid for Scientific research (21251013)(A). Cultural Adaptation to the Natural and Social Environment in the Forest Areas in the Russian Far East (Roshia kyokuto shinrin chitai ni okeru bunka no kankyo tekio).

теллигенции, в том числе деятелей искусства, наиболее удачно устроились инженеры и врачи, сумевшие подтвердить свои дипломы или пройти переаттестацию. Именно эта группа прежде всего явилась для американцев носителем русских традиций, культуры и искусства.

Сложнее других в США пришлось людям с военным прошлым: сказывалось отсутствие профессиональных навыков, пережитые трагедии, неврозы, психологическая надломленность. Окружающие, даже русские, часто не понимали их проблем. Представители этой группы в США в основном занимались физическим трудом: работали уборщиками или разнорабочими на заводах. Для многих были характерны пьянство и семейные трагедии, приводившие порой к самоубийству. Судьбу военных во многом разделили и известные деятели администрации, которые занимали высокое положение в России, а также члены аристократических фамилий. В основном, они жили прошлым, создав духовный барьер между собой и окружающим миром.

Подавляющему большинству россиян было свойственно разочарование. Над ними довлели воспоминания о пережитом, но вместе с тем имелося желание добиться успеха на новом месте. Легче других было реалистам, которые без особой драмы продолжили жизнь в новых условиях [5]. Для помощи новым иммигрантам в США в 1913 г. был образован Международный (Интернациональный) институт, где имелся русский отдел. Отделения Института, среди сотрудников которого были и русские, открылись в Сан-Франциско, Лос-Анджелесе и других крупных городах США [16]. Он работал в тесном контакте с иммиграционными властями и благотворительными организациями. Русским иммигрантам предоставлялись бесплатные консультации, помощь в поисках работы, в адаптации, принятии гражданства, изучении языка, а также в сохранении собственной культуры. Для этого Институт регулярно устраивал "Праздник всех национальностей", предоставлял помещения для национальных клубов и пр. Помогая вновь прибывшим сохранить собственную культуру, организация ставила также целью познакомить с новой культурой американцев [2].

Всех русских иммигрантов можно было разделить на два основных типа. Одни предпочитали как можно быстрее приспособиться к американскому образу жизни и, оставив свои национальные особенности и привычки, слиться с американцами. Другие, напротив, боялись чужой земли и непривычных нравов и старались придерживаться круга бывших соотечественников. Если в первой группе превалировали лица, не испытывающие потребности в моральной поддержке своей общины, то для второй было характерно тесное сближение с соотечественниками внутри одной общины или национальной группы. Нередко русские общины превращались в совершенно замкнутые группировки, говорившие только на русском языке и жившие чисто русской жизнью. Для них американская действительность была скорее киноэкраном. Между этими диаметрально противоположными тенденциями имелись и промежуточные.

В общине наблюдался постоянный процесс приспособления отдельных индивидуумов к новой жизни, постепенная потеря ими связи со своей национальностью и прошлым. Как только группа начинала тормозить их развитие, она становилась им просто неинтересна. Если же некоторые и возвращались к ней, то это в большей степени было вызвано сентиментальностью и воспоминаниями. Исторический опыт показал, что полное отчуждение отдельных иммигрантов от своей общины было ошибкой. Человек не может зачеркнуть свое прошлое, выбросить из него переживания, в том числе и вызванные событиями, приведшими к эмиграции. Но если пренебрежение общиной и отказ от прошлого

приводил к обеднению внутреннего мира, то стремление к объединению под национальным флагом лишало человека возможности лучше узнать новую страну, привыкнуть к ее особенностям. Лишь умение приспособиться к различным условиям могло помочь человеку наладить жизнь на чужбине.

Болезненность первых испытаний, выпавших на долю русских в США, привела к тому, что большинство людей предпочли идти по пути наименьшего сопротивления. Это касалось и языка, и многих других аспектов повседневной жизни. Жизнь в Америке оказалась более разнообразной, чем в разбитой на классы России. Демократичность, энергичность, активное участие в жизни страны и интерес к окружающему миру были присущи каждому американцу. Те из вновь прибывших, кто не проявлял такого "американского интереса к жизни", поневоле изолировались и замыкались в своей среде. Это было замечено и американцами: "Склонность русской колонии, или, вернее, многих русских, держаться в стороне от всего американского, жить отдельно и отказываться признаться самим себе, что они следуют по линии наименьшего сопротивления, т.к. "своими ловчее", может непоправимо повредить русскому престижу в Америке..." [4] Американцы также рассуждали: "Русские не умеют вести непринужденные, дружеские и цивилизованные отношения с нами, людьми доброжелательными и воспитанными. Чтобы ни говорилось, мы все-таки хозяева этой страны. В них, по-видимому, нет достаточного такта, чтобы понять, что известный декорум должен быть соблюден. В лучших случаях они позволяют нам присутствовать на своих развлечениях, где они веселятся по-своему и требуют, чтобы мы полностью всецело подчинялись их чуждым для нас обычаям и приемам. Вообще же они чуть не подчеркивают, что мы для них "безразличны" [4]. Несколько по-другому вела себя молодежь, которая стремилась к деятельному общению со своими американскими сверстниками (Собр. А.А. Хисамутдинова. Интервью с В.В. Шкуркиным (Беркли, США 1997)).

Между тем, многочисленные возможности, которые предоставляла Америка, создавали весьма благоприятные условия для предприимчивых людей, тем более, что желание завоевать место под солнцем было характерно для многих иммигрантов. Другой предпосылкой для успешной жизни в Америке, создания мостика между прошлым и будущим, являлись не формальная принадлежность к русской национальности, в которой привычки вырабатывались в соответствии со вкусами, темпераментом и характером данной группы, а личная культура, собственный уклад жизни и индивидуальная психология [17, p. 176]. Поэтому для культурных людей был закономерен активный интерес к окружающему миру и взаимоотношение с другой культурой. При знании как американской, так и русской культур они стремились сохранить свою индивидуальность. Это стремление создать собственную атмосферу в условиях культурного обмена можно считать наиболее важным аспектом жизнедеятельности каждого русского американца.

Русские пришли в Америку не с пустыми руками, они принесли с собой потенциальные возможности. Некоторые особенности русско-американской жизни убедительны и симпатичны. Тепло русской семейственности отличается от формальной любезности американцев. Русская манера стремиться, чтобы все чувствовали себя как дома, не укладывается в формальные правила приличия. Выразительность и живописность русского языка иногда звучит и в английском языке. Русская музыкальность находила выражение в музыкальных произведениях американцев. Русская хлебосольность, пасхальные и именные праздники с традиционным застольем и радушием хозяев казались

привлекательными многим американцам. Правда, русский обычай встречать гостей пельменями, блинами с икрой и другой обильной закуской многих поражал и озадачивал, из-за чего некоторые семьи отказывались от такого способа устраивать застолье, но это скорее можно считать исключением (**Собр. А.А. Хисамутдинова. Интервью с Э.М. Люри-Визвел, Гонолулу, США, 1994 – 9; с В.Н. Осиповым, Гонолулу, США, 1996**). Многие же русские обычаи настолько органично вошли в американскую жизнь, что нынешние их носители даже не задумываются о первооснове.

Русские в Америке всегда были озабочены сохранением национальной культуры [11]. "Русская жизнь" писала: "В те же самые беспробудные для русской культуры времена русские эмигранты, все потерявшие, рассеянные по всему миру, унесли в своих сердцах и мыслях духовное творение – единственное наследие Обездоленной Родины. И не было странным, если в их пустых, дырявых карманах вместе с залежавшимися крошками солдатских сухарей находились бережно сохраненные томики Пушкина, Блока или других любимых поэтов. И, едва успев осесть в непрочных местах их скитаний, едва успев заработать тяжелым трудом первый кусок хлеба, они начинают восстанавливать по кусочкам духовные ценности, которыми жили они на Родине. Создаются литературные и театральные кружки, культурные объединения, уже звучат первые стихи зарубежных поэтов, открываются выставки русского искусства, издаются первые, еще тоненькие книжечки, звучит русская музыка, ставятся в подвалах, в сараях и на чистом воздухе русские пьесы, пишутся ученые труды высокой ценности, вырастают на чужих, иноверческих землях православные храмы" [9].

Выходцев из России беспокоило, в какой мере необходимо сохранять свою русскость, свои национальные особенности, нужно ли передавать русские традиции последующему поколению, не помешает ли это новой жизни в Америке. Эти вопросы вызвали внутренний конфликт у многих русских иммигрантов, особенно интеллигенции, тем более, что в США они столкнулись с совершенно другим проявлением культурных особенностей, чем у себя на родине [18, p. 655]. Несмотря на то, что в Америке, как и в России, имелось несколько уровней культуры: городская, фермерская, этническая и т.д., для России была характерна развитая классовая культура, в США такого разделения не существовало, в России национальная культура проявлялась в огромном разнообразии аспектов, в эмиграции могли получить развитие лишь отдельные. К тому же американские формы культуры отличались от российских. Эти особенности приходилось учитывать всем этническим группам выходцев из России. За рубежом сравнение или сопоставление различных уровней и проявлений культурной жизни ставило – и продолжает ставить – каждого перед выбором [12, с. 128 – 129].

Огромную роль в жизни русской диаспоры играл русский язык. Именно по этому признаку в наибольшей степени происходила самоидентификация русских американцев. При переписи в США 1940 г. из 1 040 884 бывших жителей России русский язык назвали родным только 356 940 человек. К ним надо добавить и 214 160 лиц, родившихся в Америке, но также назвавших русский язык родным. Были и 13 980 человек, которые указали, что их родители родились в Америке, но родным языком они считают все-таки русский [15].

Можно выделить несколько путей воспитания русских детей в США по отношению к родному языку. Наиболее характерный предусматривал воспитание ребенка в свободном режиме, но дома все говорили по-русски, соблюдали российские обычаи, и родители регулярно ходили в церковь. В этом случае дети, пользуясь предоставленной свободой, ча-

сто теряли контакт с родителями и в присутствии сверстников стеснялись разговоров по-русски. Приверженцы второго пути рассуждали: я – русский эмигрант и несчастный человек, потерявший Родину. Чтобы мои дети не были несчастными, их нужно воспитать в американском духе.

"Русская дама, – писал П.В. Шкуркин о таких родителях, – заявляет: "Мы в семье принципиально не выписываем ни одной русской газеты и русских книг не читаем. Мы – демократы..." Другая дама просит: "Пожалуйста, в моем доме не говорите по-русски. Мой муж не любит русского языка, и потому своему сыну я не позволяю играть с русскими детьми". Мы в яме. Глубоко. В ней вонь, мерзость, грязь, смрад, гной" (**Архив Музея русской культуры, коллекция Русско-го исторического общества. Коробка 4. Письмо В.П.Шкуркина А.П.Фарафонову (13 дек. 1938, Сиэтл)**). В таких семьях говорили только по-английски. Однако, дети, вырастая, чувствовали внутреннее противоречие родителей, что также приводило к утрате духовной связи с ними. Был и третий путь, к которому призывали русские педагоги в Америке. "Русская семья должна воспитать ребенка в своем духе, передать ему все те духовные ценности, которыми она обладает. А когда у ребенка будет создан прочный моральный фундамент, не препятствовать его восприятию иностранной культуры" [13].

Газета "Новая заря" отмечала: "Первые эмигранты, за редким исключением, не воспитали своих детей русскими. Их дети получили хорошее образование, но не интересовались Россией, и многие даже изменили свои русские фамилии. Следующее поколение ассимилировалось на сто процентов, т.е. полностью растворилось среди местного населения. Вторая эмиграция (после 1945 г. – А.Х.), не обладающая высоким культурным уровнем, идет по той же дорожке ассимиляции" [6].

Конфликты между детьми и родителями были характерным явлением, с которым столкнулись выходцы из России. "Знаете ли вы, любезный читатель, – писала та же "Новая заря", – что значит быть настоящей эмигранткой? Это значит, что вы потеряли не только свое отечество, но и всех своих родных и, оставшись в чужой стране с единственной своей дочерью, всей вашей надеждой в жизни, которая презирает вас на все 100%, в конце концов, вы одинокая и всеми брошенная умираете в чужом доме" [8]. Идеальный крах после гражданской войны привел не только к потере иллюзий, но и права на определенную жизнь, что нередко выливалось в семейные конфликты. Личная драма лежала в основе многих самоубийств, уровень которых среди русских в Америке был выше, чем в других этнических группах [3]. Это не могло не отразиться на детях. Существовавшее в русской диаспоре крайне негативное отношение к смешанным бракам еще больше отделяло детей от родителей [1]. Сотрудники Американского комитета помощи русским эмигрантам отмечали: "Русские здесь склонны хранить тесные семейные устои – особенно в больших семьях, где есть всех родов тети, дяди по крови, по браку, кузины и кузены. Сплоченность такой семьи обеспечивает большой контроль над ее отдельными членами. В результате высоко развито чувство чести. На детей оказывается большой нажим. Но дети – неперемные участники всех семейных сборищ и приемов в знакомых семьях. Очень редко, когда знакомые говорят: "Наш прием только для взрослых" [10].

Одной из проблем русской диаспоры были те изменения, которым подвергался русский язык в чужой стране. Известные филологи зарубежья подчеркивали, что угроза языку существовала в лексическом, фонетическом, этимологическом и синтаксическом аспектах. По их мнению, язык денационализировался, хирел и беднел, утрачивая живой

и творческий дух, превращаясь в техническое средство практического значения. Причиной этого стала жизнь в чужой стране, а также пренебрежение старыми правилами речи. "Сотни тысяч русских представителей интеллигенции оказались оторванными от родины и были брошены в чужеродную среду – совершенно иных культурных вкусов и навыков, материальных, социальных и политических условий, а главное – другого языка, а, следовательно, и всего духовного содержания. Это тесное, вот уже третье десятилетие, продолжающееся сожительство эмиграции с иноязычным миром заметно сказалось на многих сторонах эмигрантской жизни, особенно же на языке. А ведь язык это не только свидетельствовал, но и был орудием культуры. Это мощный выразитель глубоко народного духа и самосознания. Поэтому-то опасность, угрожающая нашему языку в эмигрантской среде, должна вызывать нашу общую тревогу и укреплять нашу заботу о борьбе с этой опасностью" [14].

В русском языке, который используют на чужбине, более всего поражает обилие разноязычных слов и оборотов – гораздо больше, чем при обычном заимствовании. Особенно много в русскую речь входило искаженных англоязычных слов и оборотов. К примеру, в среде американцев русского происхождения можно было слышать "схватил автобус" вместо "сел в автобус". Под неизбежным влиянием среды некоторые слова выходили из употребления и забывались, но, с другой стороны, приобретались черты чужого языка. Произношение некоторых характерных букв русского алфавита (и, е, л и др.) теряло свою особенность, подпадая под правила чужой фонетики. Несмотря на то, что сохранение русского языка было одной из задач, которые несла русская печать в Америке, в газетах давалась реклама с сильным искажением русского языка. Даже цитаты из русских классических произведений, которые были усвоены еще в детстве, публиковались порой с искажениями.

Среди путей сохранения русского языка было приглашение русскими общинами деятелей культуры и искусства из других стран. Особенно активной в этом деле была православная церковь. При всех проблемах, которые испытывали общины в связи с русским языком, русские американцы с гордостью подчеркивают, что именно они сохранили в чистоте русский литературный язык. В большей степени это верно в отношении слов, которые появились с приходом советской власти. В периодической печати неоднократно публиковались статьи в защиту русского литературного языка от всякого рода "советизмов" [7].

Литература

1. В.К. Русское зарубежье // Рус. жизнь. Сан-Франциско, 1983. 2 сент.
2. Грилл Ю. Международный институт в Лос-Анджелесе: (Беседа с Т.С. Ламбриной) // Новая заря. Сан-Франциско, 1941. 27 нояб.
3. Грот Е. Мы // Рус. новости. Сан-Франциско, 1938. 16 сент.
4. Мак-Гвайер А. Друзья-американцы // Рус. жизнь. 1947. 18 янв.
5. Мак-Гвайер А. Старшее поколение русской эмиграции в Америке // Рус. жизнь. 1946. 15 нояб.
6. Назаров С.И. Три эмиграции // Новая заря. 1966. 28 июня.
7. Осипов А. Мысли вслух о современном русском литературном языке // Рус. жизнь. 1982. 22 сент.

8. Остренко А. Настоящие эмигрантки: (Мысли читательницы) // Новая заря. 1941. 28 мая.
9. Правление. Праздник сорокалетней деятельности Литературно-художественного кружка в Сан-Франциско // Рус. жизнь. 1962. 21 апр.
10. Работники призрения о русской иммиграции // Новая заря. 1966. 15 февр.
11. Раев М. Россия за рубежом: Ист. культуры рус. эмиграции, 1919 – 1939: Пер. с англ. / Предисл. О. Казниной. М.: Прогресс-Академия, 1994. 296 с.
12. Русская женщина в эмиграции: Лит.-художеств. кружок в Сан-Франциско и в Берклее, 1922-1970. Вашингтон, 1970.
13. Селивановский В. Русская эмиграция и американизм // Рус. жизнь. 1954. 12 мая.
14. Федоров Н. Эмигрантский язык // Новая заря. 1941. 17 мая.
15. Флис-Коммон Каунсил. Последняя перепись показывает уменьшение населения иностранного происхождения // Новая заря. 1942. 31 окт.
16. Хейз А. "Праздник всех национальностей" (в Сан-Франциско) // Рус. жизнь. 1951. 18 окт.
17. Davis, Jerome. The Russian immigrant. NY: Macmillan, 1922. xi, 219 p.
18. The Slavonic (and East European) Review. A Survey of the Slavonic peoples, The History, Economics, Philology and Literature. V. 17. School of Slavonic and East European studies in the University of London, 1939. 731 p.

УДК 39(= 82) (791+798)

Аргудяева Ю.В.

Русские старообрядцы в США

Russian Old Believers in the USA

Статья посвящена этнокультурной группе русских – старообрядцам, эмигрировавшим в США в 1960-е годы из Азии. Рассматриваются проблемы адаптации к новому региону, национальные особенности и их трансформация в хозяйственном и семейном быту, материальной культуре. Отмечена ведущая роль в сохранении и развитии русской культуры и религиозных традиций.

Ключевые слова: *Русские, старообрядцы, эмиграция, адаптация, хозяйство, материальная культура, семья, религиозные традиции*

The article is devoted to the ethno-cultural group of Russian – Old Believers, who emigrated to the U.S. in the 1960's from Asia. The problems of adapting to a new region, national identities and their transformation in the economic and family life, material culture are discussed. The leading role in preserving and promoting of the Russian culture and religious traditions is taken shape.

Key words: *Russians, Old Believers, emigration, adaptation, material culture, family and religious traditions*

Существование на современном этапе старообрядчества – в той форме, в которой оно могло сохраниться – можно считать явлением уникальным. Сегодня старообрядчество продолжает существовать как самобытная, устойчивая к изменениям русская культура. Именно поэтому она вызывает интерес у исследователей, в том числе ученых Дальнего Востока, куда в разные периоды отечественной истории мигрировали значительные группы старообрядцев практически из всех российских регионов.

Весной и летом 2010 г., в рамках гранта Президиума РАН "Русские Дальнего Востока России: развитие традиций и трансляция культурного наследия в страны АТР" российскими исследователями – дальневосточниками Ю.В. Аргудяевой и А.А. Хисамутдиновым были осуществлены две поездки в США – в старообрядческие общины штатов Орегон и Аляска. Это отвечало части задач проекта – изучение степени сохранения традиционной русской культуры в иноэтничном окружении у локальной группы русских – старообрядцев. Во время второй поездки к ним присое-

Работа выполнена при поддержке гранта Президиума РАН. Код проекта 09-И-П25-01 и японского проекта "Grant-in-Aid for Scientific Research". Код проекта (21251013) (А).

динилась японский исследователь из университета г. Токио Нахо Игауэ для выполнения аналогичного японского проекта "Культурная адаптация к природной и социальной среде в лесном ареале на российском Дальнем Востоке" с целью сравнения особенностей природопользования у российских и американских старообрядцев.

В США первые староверы появились в конце XIX в. из Сувалкской губернии Царства Польского. В начале XX в. прибыла небольшая группа староверов из Виленской губернии. Эти староверы расселились в Пенсильвании и Калифорнии. Работая преимущественно на шахтах и заводах, часть из них сравнительно быстро ассимилировалась, а некоторые, уже в 80-х гг. XX в. воссоединились с Русской православной церковью за границей.

Самые большие группы старообрядцев прибыли в штат Нью-Джерси США уже в 60-е годы XX в. Впоследствии они расселились в другие штаты – в Нью-Йорк, Монтану, Орегон, на Аляску и др. Наиболее крупные из них обосновались в штатах Орегон и Аляска. Здесь первоначально поселились исключительно старообрядцы-беспоповцы часовенного согласия. Они представляли собой локальные группы староверов, получившие в зависимости от места выхода неофициальные названия "турчане", "синьцзянцы", "харбинцы". Их единая религиозная принадлежность позволила им быстро сблизиться и наладить, что было особенно важно для дальнейшего существования общин, брачные контакты. История их миграции в Северную Америку довольно сложна и берет свое начало с 60-х гг. XVII в., с раскола в русской православной церкви.

Раскол русской православной церкви, окончательно оформившийся на церковных соборах 1666-1667 гг., вовлек в противоборство не только церковных иерархов, бояр и царя, но и служивых людей и крестьян. В конце XVII в. часть старообрядцев вынуждена была бежать от преследования и казни из России в турецкие владения на Балканах, в XVIII–XIX вв. они уходили в российские Польшу и Литву, в северные леса, на Урал и в Сибирь, оседали на Алтае и на Дальнем Востоке. Уже в те времена среди староверов образовались два основных течения – поповцев (все службы осуществлял священник) и беспоповцев, во главе с wybranymi из числа грамотных мирян начетчиками (наставниками), совершавшими в общине все основные требы.

Каждая из этих групп на протяжении длительного исторического периода развивалась по-своему. Так, старообрядцы, осевшие в Приамурье и Приморье во второй половине XIX – начале XX в. впитали черты северорусских, среднерусских и южнорусских традиций – с одной стороны. С другой – испытали в условиях многочисленных перемещений этнокультурное влияние со стороны народов, встреченных ими на продолжительном пути через Урал и Сибирь в дальневосточный регион и, отчасти, уже на Дальнем Востоке – от восточноазиатских народов. Другие, ушедшие на Балканы, в Малую Азию, Синьцзян, Маньчжурию прошли разные стадии адаптации к местным условиям жизни в иноэтничном окружении, но сумели сохранить главное – русский язык и русские традиции.

После Октябрьской революции уход староверов из России продолжался. В 1920-х и, особенно в начале 1930-х годов, в период коллективизации, часть их с Алтая переселилась в Синьцзян, а из Приморья – в Маньчжурию, где староверы поселились, главным образом, сравнительно недалеко от Харбина, создав там несколько русских старообрядческих деревень.

Старообрядцы – "турчане", проживавшие до миграции в США в Турции, попали в Северную Америку не сразу. После поражения восстания под предводительством Кондратия Булавина донской атаман Игна-

тий Некрасов увел в сентябре 1708 г. на Кубань 8 тыс. мужчин, женщин и детей. Казаки, собравшиеся около этого атамана стали именоваться некрасовцами. Затем, по разным причинам, в 1740-1741 гг. они ушли в Добруджу, а в конце XVIII в. – в Азиатскую Турцию на берега озера Маньяс (Майнос по-некрасовски), поселившись впоследствии и в других местах Турции. Их основными занятиями являлись земледелие и рыболовство. Наиболее крупными были две группы – майноская, следовавшая традициям старообрядцев-поповцев Белокриницкой церковной иерархии, и дунайская ("дунаки"), включавшие старообрядцев-беспоповцев во главе с выбранным из их среды начетчиком. Все общины жили замкнуто, не смешиваясь браками с турецким населением. К 30-м годам XX в. эти общины, особенно дунайская, достигли такого положения, когда браки внутри них стали проблематичными, а затем и вовсе невозможными. У старообрядцев не принято вступать в брак до восьмой степени кровного родства и с детьми крестных родителей. Возникла угроза кровосмешения, избежать которой можно было только растворившись в массе турецкого населения. Однако казаки твердо придерживались заветов Игната Некрасова, записанных в "Игнатовой книге" – своеобразном своде казачьего обычного права, определявшего все аспекты жизнедеятельности некрасовцев. Одними из самых важных считались заветы не родниться с турками и не возвращаться в Россию при царе. В этот же период турецкие власти потребовали от казаков взять турецкие фамилии. Поэтому в настоящее время каждый американский старовер-турчанин по документам именуется по-турецки, но все знают свою русскую фамилию.

После окончания Второй мировой войны, когда остро встал вопрос о необходимости некрасовцам, как и прочим мужчинам Турции, служить в армии, старообрядцы, откупавшиеся до сих пор от этой повинности, решили покинуть турецкие пределы. К тому же проблема кровосмешения по-прежнему оставалась нерешенной. Когда же принципиально вопрос с отъездом из Турции был решен, община раскололась. Две противоборствующие страны – СССР и США приглашали некрасовцев к себе. В итоге 999 чел. на советском пароходе (тысячный переселенец родился на этом судне) прибыли в сентябре 1962 г. на землю предков. Однако около двухсот человек при помощи Толстовского фонда и главы департамента юстиции США Роберта Кенеди, на самолетах, в 1963 г. были переправлены в США, в штат Нью-Джерси. Те некрасовцы, что прибыли из пос. Коджагель ("Большое озеро") называли себя "кубанцами", те же, которые переселились из центральной части Турции из пос. Казаккей – "дунаками" (**Рукописный фонд автора – РФА. Информация Кем (Стеклова) В.Г.**). Работая по найму, некоторые из них довольно быстро стали на путь ассимиляции, а другие стали посещать Русскую православную церковь [2, с. 12-13]. Однако некоторые, наиболее крепкие в вере спустя несколько лет, боясь "разложения" своей молодежи искусами городской жизни перебрались на северо-запад США, в штат Орегон, в сельские окрестности г. Вудборна, где и получили общее название "турчане".

"Синьцзянцы" – в прошлом старообрядцы – "кержаки", пришли на северо-запад Китая из российского Алтая в основном в 1930-е годы. Это были крестьяне, спасавшиеся от коллективизации, хотя некоторые поселения русских возникли там еще в более ранний период. Занимаясь земледелием, скотоводством и охотой они расселились в двух основных регионах – в китайском Алтае и в районе Кульджи, создав там ряд населенных пунктов. После окончания Второй мировой войны многих мужчин арестовали "за незаконный переход границы" и отправили в СССР, в лагеря. После победы в 1949 г. в Китае коммунистов новые власти стали отбирать землю, принуждая людей создавать коллективные хозяйства. В итоге часть старообрядцев вернулась в СССР, но некоторые,

с трудом оформив соответствующие документы, двинулись через весь Китай в Гонконг, откуда в конце 1950-х годов при помощи различных международных организаций выехали в страны Южной Америки – Аргентину, Бразилию, Парагвай, Уругвай. Оттуда часть синьцзянцев в начале 1960-х годов попала в США.

Примерно такая же ситуация складывалась у старообрядцев-"харбинцев". Действия советской власти в 20-30-е гг. XX в., в том числе введение непосильных налогов, коллективизация, атеизация и другие мероприятия, подорвали экономическую и нравственную основы крестьянских хозяйств. Многие домохозяйства подверглись так называемому раскулачиванию, в процессе которого забиралось практически все имущество, главы семей были арестованы и отправлены на общественные работы. Это послужило причиной бегства ряда крестьянских семейств в близлежащую Маньчжурию. Так в 1932-1935 гг. начался очередной виток миграционной подвижности старообрядцев, который привел их в иное культурное окружение. В Маньчжурии возникло несколько сельских поселений, основанных преимущественно старообрядцами из Приморья. Все они были образованы сравнительно недалеко от КВЖД и Харбина на совершенно незаселенных землях [1, с. 8]. Хозяйство староверов-харбинцев было натуральным, основанным, по традициям русских, на земледелии и скотоводстве. В этих отраслях хозяйства придерживались земледельческого календаря и земледельческих традиций. Хорошим подспорьем были охота и пчеловодство. Поселившиеся здесь крестьяне-старообрядцы впоследствии получили название "харбинцы". С приходом в Маньчжурию Красной Армии почти всех взрослых мужчин, как и у "синьцзянцев", отправили в советские лагеря. После 1949 г. и этим старообрядцам китайские власти дали понять, что их дальнейшее пребывание в стране нежелательно и будет лучше, если они покинут Китай. Как и в Синьцзяне, советские консулы убеждали старообрядческие семьи вернуться в СССР. И некоторые на этот призыв откликнулись. Но большинство, оформив правдами и неправдами соответствующие документы, перебрались в Гонконг, откуда в конце 1950-х годов попали в разные южноамериканские страны. Основная часть обосновалась в Бразилии, где им с помощью Всемирного Совета церквей, в 200-х милях от Сан-Пауло удалось получить 6 тыс. акров земли [3, с. 319]. Однако, не сумев адаптироваться к местным природным условиям, они в начале 1960-х годов, при помощи Толстовского фонда и некоторых спонсоров, в основном молокан, живших в Америке уже давно, перебрались в США, преимущественно в штат Нью-Джерси, откуда впоследствии отправились в штат Орегон.

Прожив несколько лет в Орегоне часть старообрядцев, чтобы спасти подрастающую молодежь от "разлагающего" влияния телевидения, табака, алкоголя, наркотиков, уже широко распространившихся в этом штате среди американцев, решила снова "уйти от греха подальше" – переселиться на Аляску. В 1967 г., по совету Толстовского фонда, на разведку туда для поиска подходящего места отправились четыре "ходока". За 14 тыс. долл. там, на Кенайском полуострове, недалеко от г. Хомера была куплена квадратная миля земли. В 1968 г. на ней появилась первая палатка, а затем возникли рубленые избы первых переселенцев-староверов из Орегона, потомков "харбинцев". За ними потянулись и другие семьи. Первую старообрядческую деревню на Аляске назвали Николаевском. Впоследствии в окрестностях возникло еще несколько населенных пунктов.

Непросто было старообрядцам приживаться в США. В штате Орегон первоначально они работали на фермах своих спонсоров – многим надо было оплатить долги за переезд, встать на ноги. Местным фермерам это

было выгодно, так как на сбор ягоды выходила вся многодетная староверческая семья. Первым переселенцам быстро освоиться мешало незнание английского языка. Но постепенно языковой барьер был преодолен, и они стали искать заработки в других местах. Выручали природное трудолюбие и смекалка. Поскольку многие из них, особенно харбинцы и синьцзянцы имели навыки работы с деревом (сами возводили себе в Китае рубленные избы и хозяйственные постройки), их охотно принимали работать на мебельные фабрики. Мужчины изготавливали мебель, женщины шили на нее покрытие. Даже отсутствие на работе старообрядцев в дни религиозных праздников не смущало хозяев, так как они знали, что староверы всегда отработают пропущенные дни и выполняют свою работу качественно. Определенный доход давала работа в лесу на посадках деревьев. Постепенно, заработав нужные суммы, они завели на арендованной или собственной земле фермы (фермы) по выращиванию ягод, новогодних елок и различных декоративных растений. Часть староверов всю неделю работала на фабрике, а по вечерам и в субботные дни – на своих фермах. Некоторые параллельно занимались охотой в окрестных лесах и промышленным ловом рыбы в штате Аляска.

Постепенно жизнь наладилась. В сфере экономической и хозяйственной жизни орегонские эмигранты-староверы адаптировались сравнительно быстро и успешно, создав материальную основу жизни своим детям и внукам. В настоящее время живет и трудится уже второе и третье поколения бывших переселенцев-староверов. Многие из них приобрели другие профессии, в частности создали фирмы по строительству и сборке жилых домов и преуспевают в этом деле. Хорошие заработки получают и от промышленного рыболовства на Аляске, многие имеют в собственности свои рыболовные катера. Ушли в прошлое нужда, неустроенность, плохо налаженный быт.

Хозяйственная деятельность старообрядцев на Кенайском полуострове была иной, чем в Орегоне. На суровой по природным условиям Аляске заниматься традиционным земледелием, хотя бы в виде выращивания ягод, было невозможно. Средства к существованию добывали иными способами. Первоначально мужчины, соорудив жилища и хозяйственные постройки, устраивались работать на ближайшие рыбоконсервные заводы, нанимались к американцам на строительство катеров и коммерческое рыболовство. Но вскоре, научившись у американцев строительству маломерных морских судов, стали строить их сами, используя как для себя, так и на продажу. Значительное развитие получило и рыболовство. Доходы стали не только ощутимыми, но и значительными. Это позволило отказаться от некоторых видов домашней деятельности, в частности от разведения молочного скота, для которого, в условиях продолжительной суровой зимы, необходимо было накашивать много сена. Легче и выгоднее стало приобретение молочных продуктов в магазинах ближайших городков. Однако огородные культуры выращивать продолжали. Картофель, репу, капусту и некоторые другие овощи выращивали в грунте. Для помидоров и огурцов пришлось заводить теплицы.

Приехавшие в США синьцзянцы, турчане и харбинцы все были старообрядцами-беспоповцами часовенного согласия (*переходное между поповщиной и беспоповщиной.* – Ю.А.). У них все службы ведет выбранный общиной наставник (начетчик).

В 1983-1985 гг. некоторые аляскинские и орегонские старообрядцы пришли к выводу о необходимости принятия ими священства. Некоторые их наставники, пройдя соответствующее обучение в Румынии, были рукоположены в священники. Так в Николаевске и Вудборне появились старообрядцы-поповцы, осуществлявшие службу в построенных приходами церквях. Однако переход некоторых старообрядцев-беспоповцев

в поповство расколол некогда единые старообрядческие общины. В результате часть старообрядцев, к примеру, на Аляске, покинула Николаевск и возникшие рядом с этим населенным пунктом деревеньки, и создало новые на расстоянии примерно 70-80 км. Этот раскол эхом отозвался на всей социальной жизни старообрядческих общин. Не только прежние соседи и хорошие друзья, но и родные братья и сестры, оказавшиеся теперь в лагере поповцев и беспоповцев, перестали общаться и до сих пор не желают видеть друг друга. Более того, хорошо разрешившаяся по приезду в США демографическая проблема – создание семей при наличии достаточно широкого круга брачных партнеров, теперь была под угрозой. Браки между поповцами и беспоповцами стали проблематичными, так как оба молодых супруга должны были придерживаться либо тех, либо других канонов. Возникали коллизии как между наставниками и священниками, так и между родителями и многочисленной родней новобрачных.

Что характерно для современной повседневной жизни старообрядцев США? Какие традиции сохраняются, а какие уходят? Как уже говорилось, старообрядцам пришлось в значительной степени изменить свою хозяйственную деятельность. Изменение традиций в этой области жизнедеятельности – свидетельство их хорошей приспособляемости к местным природным и экономическим условиям.

В социальной жизни сохранилось главное – религиозная традиция, которая является основным стержнем бытования русской культуры. У каждой из региональных групп староверов-беспоповцев, как в Орегоне, так и на Аляске в настоящее время имеются моленные дома и наставники; у поповцев в Николаевске и в Вутборне есть действующие старообрядческие церкви. В них проходят еженедельные и праздничные службы. Совершаются и ежедневные домашние моления. Большинство старообрядцев употребляют постную пищу в определенные дни недели и дни годового календаря. Во всех домах имеются иконы, а у первопоселенцев и старинные книги религиозного содержания, вывезенные из России. Молодежь сама выбирает себе брачного партнера, родители в этот процесс не вмешиваются, хотя неукоснительно соблюдают принцип не разрешать браки до восьми степеней кровного родства и родства с крестными. Увеличивается возраст вступления в брак, как у девушек, так и у юношей, хотя по-прежнему есть случаи создания семьи в довольно юном возрасте. Новым феноменом в общине стал выход девушек замуж за лиц иной веры и иной национальной принадлежности. Часть коренных американцев, вступивших в брачные отношения со старообрядкой, принимают веру ее родителей. Но большинство продолжает быть верными своим религиозным убеждениям, если они имеются, и в таком случае, нередко, со временем, наступает разрыв семейных отношений. Как негативное явление наблюдается увеличение числа разводов и, по мнению стариков – уменьшение числа рожденных детей. В настоящее время не рожают, как прежде 10-15 детей, обычно – не более пяти. Последнее связано с использованием контрацепции и в меньшей степени абортов, хотя, как известно, религия всегда выступала против этого. Полностью сохранился регламент свадебного ритуала – сватовство, пропой, девичник, брачение или венчание в моленном доме или церкви, собственно свадьба (духовные обед, одаривание, продажа сундука невесты и др.), хотя отдельные элементы свадебного торжества ушли в прошлое.

Определенные изменения претерпела материальная культура. В настоящее время не возводят рубленых изб. Жилища строят по американским технологиям – из облегченного материала сборных панелей с межстенными наполнителями. В пище широко используются покупные продукты; собственную молочную продукцию можно встретить только в

отдаленных аляскинских деревнях, хотя мясо диких копытных животных и рыба из озер и океана, добытые самими старообрядцами, повсеместно дополняют пищевой рацион, как и домашние заготовки овощных солений и ягодных варений. Этому способствует широкое использование бытовой техники – холодильники, холодильные камеры и т.п. Определенные изменения произошли в одежде, особенно в мужской. В повседневной жизни мужчины, особенно в Орегоне носят общепринятую цивильную одежду, их отличие от основной массы мужского населения – наличие бороды. В воскресные, праздничные дни и в молельни обязательно одевается вышитая по вороту и разрезу рубаха с вытканым поясом. У женщин ушли в прошлое модные в 1960-1970-е годы разноцветные, непременно с рисунком в "цветочек" средней длины сарафаны, сильно присборенные на спине. В настоящее время основной нательный женский костюм – однотонный, разнообразных цветов нежной гаммы, непременно длинный, до пят, он может быть трех видов: сарафан с белой рубашкой; сарафан, верхняя часть которого пришита к рубашке, составляя единое целое и заимствованное у турчан, но широко распространенное среди всех региональных групп староверок платье таличка. Девушки могут ходить с непокрытой головой, замужние женщины – в шашмуре – традиционном женском головном уборе, одеваемом на женщину в момент ее венчания (брачания). Поверх шашмуры – непременно в тон сарафана легкая косынка, поверх которой голову, во время посещения службы, покрывают белым нарядным платком.

Но особенно большие изменения произошли в повседневной речи. Английский язык постепенно становится основным разговорным языком, однако степень владения им неодинаковая у разных поколений. Мужчины старших возрастных групп владеют им относительно сносно. И это неудивительно, ведь именно им приходилось зарабатывать на жизнь, общаясь с работодателями и другим англоязычным населением на местном языке. Их жены владеют английским плохо, а некоторые почти не знают его, поскольку были заняты в основном воспитанием многочисленных детей и домашними заботами. Среди этих семейных пар в домашних условиях разговаривают исключительно на русском.

Старшие владели в основном церковнославянской грамотой, хотя некоторые мужчины знали современное им русское письмо. Поэтому родители-первопоселенцы были заинтересованы в приобретении их детьми школьного образования, но первоначально лишь на уровне шести-семи классов. Главное, как полагали они – знание основ арифметики и местного языка, церковнославянскому языку учили обычно дома. Окончание школы, а тем более колледжа или университета, родителями не приветствовалось, так как в этом видели опасность для сохранения семейных и духовных традиций. Поэтому многие забирали детей после окончания шестого-седьмого класса, предпочитая для своих отпрысков, дабы обезопасить их от "греха", ранние браки. Это привязывало молодежь к семье, укрепляло приверженность к религии и верность общине.

Постепенно ситуация менялась. В настоящее время дети старообрядцев повсеместно заканчивают среднюю школу, учатся в колледжах, а некоторые получают и высшее образование. Хуже обстояло дело со знанием русского языка. Первоначально федеральное правительство субсидировало в школах двуязычные программы обучения, с преподаванием русского языка в начальных классах. Однако в 1980-е годы эта программа в местных школах была отменена, ибо в начальные классы стали приходиться дети с достаточно высоким уровнем владения английским языком [3, с. 321]. Однако отмена занятий по русскому языку вызвала недовольство родителей-староверов. Поэтому они, а также жившие в окрестностях Вудборна молокане и прибывшие туда в 1970-е годы

пятидесятники, создали общую частную русскую школу. В последние годы в Вудборне, население которого значительно пополнилось испаноговорящими мексиканцами, стала функционировать и государственная "русская" школа, где есть русские, мексиканские и английские классы с подготовкой на этих языках школьников до 12 класса. Параллельно в первых-пятых классах преподавание ведется сразу на двух языках: английском/русском, русском/испанском, английском/испанском (**РФА. Информация Басаргиной У.Ф.**). В знании детьми староверов русского языка заинтересованы и родители детей из отдаленных аляскинских школ; некоторые приглашают к детям частных учителей, хорошо владеющих русской грамотой. Однако английский язык все шире укореняется в речи детей и молодежи. Этому способствует не только школа, но и телевидение, уже широко вошедшее в быт молодежи и брачных пар среднего возраста, а также производственные контакты с местным населением. Русская речь молодежи в разговоре с родителями и посторонними русскоязычными, постоянно перемешивается с английскими словами. Молодым людям уже привычнее и проще общаться на английском языке. Они понимают, что для жизни в новой стране и ради своего будущего необходимо овладеть американской культурой, в том числе языком, да и соблазнов для тех, кому уже не мешал языковой барьер, немало. Старики резко осуждают новые веяния и настаивают на сохранении наиболее важных традиций и духовных ценностей. Противоречия между взглядами молодого и старшего поколения дают о себе знать все чаще. Старшие считают малейшие отклонения от традиций опасными и стремятся их не допускать. А молодые все чаще ставят эти взгляды и требования под сомнения и стремятся порвать с традицией, заявляя, что они вынуждены "жить в двух мирах" – в англоязычном сообществе на работе, в процессе трудовых отношений, и в общении с родителями, от которых, особенно недавно поженившиеся супруги, стремятся отделиться как можно быстрее. Однако родители, которые практически тоже оказались "в двух мирах", вынуждены все чаще идти на компромиссы, хотя и это им дается с большим трудом [**3, с. 321**].

Как будет развиваться жизнь русских старообрядцев в США – покажет время. Во всяком случае, полувековое пребывание последней крупной волны староверов – турчан, синьцзянцев и харбинцев – на американском континенте показало, что, изменив в значительной степени свои хозяйственные традиции, они в определенной степени сохранили материальную культуру, традиционный семейный уклад и семейные обряды, русский язык, и целиком – религиозные традиции, которые являются основной цементирующей составляющей сохранения русской культуры в иноэтничном окружении

Литература

1. Аргудяева Ю.В. Русские старообрядцы в Маньчжурии. Владивосток: ДВО РАН, 2008. 400 с.
2. За рубежом. 1990. № 42.
3. Нитобург Э.Л. Русские в США: История и судьбы, 1870-1970: Этноисторический очерк. М.: Наука, 2005. 421 с.

УДК 130.2

Шугайло Т.С.

Антисоветская пропаганда в русских эмигрантских изданиях в 1950-е годы (на примере газет "Россия" и "Новое русское слово")

**Anti-Soviet propaganda in the Russian emigrant editions in 1950
(the example of newspapers, "Russia" and "New Russian Word")**

Данная статья анализирует антисоветскую пропаганду на страницах русской эмигрантской периодической печати в США в 1950 годы. В этот период "холодной войны" русская эмиграция и издаваемая ей периодическая печать, стала рассматриваться в США как один из важных пропагандистских инструментов в противодействии Западу СССР. Автор в материале обращает, прежде всего, внимание на публикации старейших русскоязычных газет в Америке – "Нового русского слова" и "России". Эти эмигрантские издания отражали идейное настроение широких слоев русской диаспоры в США. Они остро реагировали на любые изменения на международной арене и знакомили русское население в США с проблемами, существующими в Советском Союзе.

Ключевые слова: *русская эмиграция, США, СССР, эмигрантские издания, пропаганда.*

The article analyzes anti-soviet propagation on pages of the Russian emigrant press in USA in the 1950s. It determines the role of emigrant press in the forming of views in the Russian diaspora in the USA in respect of the Soviet Union. In the period of the cold war Russian emigrants and their press were considered in USA as an instrument of propagation between the West and the USSR. The author pays her attention to the russian newspapers NEW RUSSIAN WORD and RUSSIA in USA. These newspapers showed the ideology of the Russian diaspora in USA. The Russian people reacted to any changes in the international world and learnt problems which took place in the USSR.

Key words: *Russian emigration, the United States, Soviet Union, emigrant editions, propaganda.*

В 1950-е гг. XX века перед Русским зарубежьем в США вновь встал вопрос об отношении к исторической Родине. Его решение осложнялось мощным противостоянием США и Советского Союза – двух ядерных сверхдержав. Суть этого длительного конфликта – политическая, экономическая, идеологическая и даже психологическая конфронтация двух систем, сопровождавшаяся гонкой вооружений. Идеологическим обоснованием "холодной войны" стала доктрина президента США Трумена, выдвинутая им в 1947 г. Согласно этой доктрине, конфликт западной демократии с коммунизмом был непримирим. Задачи США – борьба с

коммунизмом во всем мире с целью не допустить расширения советской сферы влияния и распространения коммунистической идеологии, а при благоприятном стечении обстоятельств "отбрасывание" СССР к прежним границам. В 1950-е гг. США и Советский Союз вели между собой настоящую информационную войну. С 1949 г. США стали рассматривать также и русскую эмиграцию как один из важных пропагандистских инструментов в противодействии Западу СССР.

На страницах русской зарубежной периодики в США, словно в зеркале, отражаются все эти процессы. Ведущие эмигрантские газеты того времени отслеживали события на международной арене, но особенно пристально они наблюдали за постоянно меняющейся обстановкой в Советском Союзе. Эмигрантские газеты и журналы в 1950 гг. делали регулярные обзоры советской прессы, анализируя и цитируя наиболее важные публикации в "Правде", "Известиях", "Комсомольской правде", "Красном Знамени", "Труде", "Юности", "Молодой Гвардии", "Советской России", "Литературной газете", "Пионерской правде", "Советской культуре", "Вечерней Москве", "Голосе Родины" (издание НКВД). Из журналов чаще всего эмигрантские журналисты обращали внимание на статьи "Коммуниста", "Звезды", "Знамени", "Литературной России", "Огонька" и "Нового мира". Помимо статей, оценивавших международные события, эмигрантские издания в каждом номере публиковали язвительные антисоветские материалы, критикуя все области жизни в СССР.

Целью данной статьи является выявление и анализ идеологических атак представителей русской эмиграции в США на советскую власть на страницах прессы в 1950-е гг. А также определение роли эмигрантской периодики в формировании взглядов на Советский Союз в русской диаспоре в США, на примере публикаций в газетах "Новое русское слово" и "Россия".

После Второй мировой войны в Америке резко выросло число русскоязычных газет и журналов, что было связано с прибытием в США в начале 1940-х гг. из Европы целой плеяды публицистов и ученых, оказавшихся там после революции в России. Нью-Йорк сменил на время Париж в качестве нового центра интеллектуальной жизни русского зарубежья. В 1950 г. в США существовали и действовали пять крупных русскоязычных ежедневных газет, возникших в довоенное время, ("Русская жизнь", "Новая заря", "Россия", "Новое Русское Слово", "Русский Голос") с общим тиражом в 42,2 тыс. экз. Но более половины данного тиража приходилось на долю "Нового Русского Слова". Зародившись еще в 1910 г. в Нью-Йорке, "Новое Русское Слово" спустя двадцать с лишним лет превратилось в крупнейшую ежедневную русскоязычную газету в Америке. В 1950-е гг. эта газета регулярно сообщала своим читателям американские и международные новости, освещала жизнь русских в США и знакомила их с проблемами, существующими в Советском Союзе. Как отмечал в свое время Глеб Струве, "Новое Русское Слово" волею судеб стало центральной газетой русского зарубежья и втянуло в себя большинство наиболее талантливых писателей и публицистов эмиграции независимо от их политических взглядов – от социал-демократов и меньшевиков до умеренных правых. Начиная с 40-х годов, с этой газетой сотрудничали М.В. Вишняк, Д.Ю. Далин, Б. Двинов, Е.Д. Кускова, Б.И. Николаевский, С.М. Шварц, Д.Н. Шуб, публиковался известный фельетонист М. Железнов-Аргус. Главным редактором "Нового русского слова" с 1922 до начала 70-х гг. был приехавший в Америку в 1913 г. с Украины М.Е. Вейнбаум [13, с. 260-261]. В годы холодной войны, освещая важнейшие американские международные события, газета "Новое Русское Слово" продолжала уделять особое внимание событиям в СССР и советской политике, однако интерпретировала их с позиций Вашинг-

Газета "Россия" от 3 сентября 1955 года.

тона. На сегодняшний день "Новое русское слово" остается одной из ведущих русскоязычных газет в США.

Ежедневная монархическая газета "Россия" под руководством главного редактора полковника Н.П. Рыбакова появилась в Нью-Йорке в 1933 г., и издавалась "реакционными группами русской эмиграции" [16, с.319, 333, 340]. Газета примыкала к политическим объединениям правого толка, в частности, оказывала информационную поддержку Российскому Национальному Фронту (РНФ), политической конфедерации патриотических организаций белой эмиграции и другим монархическим организациям. В 1946 г. тираж газеты "Россия" достиг 12 тыс. экз. [13, с. 258]. В публикациях этого издания наиболее ярко отражался антагонизм между США и Советским Союзом в период "холодной войны".

В 1950-е гг. изменились отношения между русской общиной в США и американским обществом, которые всегда определялись ситуацией на международной арене. Значительный антисоветский слой русской диаспоры вовсе не приветствовал, как следовало ожидать, а, напротив, осуждал антисоветскую политику Вашингтона. Для российских политических организаций различного толка было очевидно, что Запад не заинтересован в сильной России, а многие американские политики были бы не против ее раздела на ряд более мелких государственных образований. В связи с этим многие монархические и либеральные русские группы выступили против деятельности Американского комитета за свободу народов СССР (основанного в 1951 г.), Фонда "Свободная Россия" под руководством Д. Кеннана и других организаций, ратовавших за расчленение Советского Союза. Также они не принимали поддерживаемую Конгрессом США "политику борьбы за независимость" проживающих в СССР эстонцев, латышей, литовцев, белорусов, украинцев, казаков и других [13, с. 258].

В то же время в результате усилий хорошо отлаженной пропагандистской машины к началу 1950-х гг. в Европе и Америке широко распространились предствления о Советском Союзе, как о военной и

Газета "Новое русское слово" от 23 декабря 1958 года.

политической угрозе. В сентябре 1945 г., отвечая на вопрос о наиболее важной проблеме, стоящей перед США, лишь 7% американцев назвали внешней политикой, т.е. отношение к СССР. На протяжении последующих четырех лет доля аналогичных ответов выросла от 11% в июне 1946 г. (когда публика еще не осознала, что "холодная война" уже идет) до 73% в 1948 г., в дни Берлинского кризиса. В 1950-е гг. на первое место в списке проблем, стоящих перед американским народом, абсолютное большинство ставило угрозу войны с русскими [23, с. 193].

"Холодная война" вызвала в США всплеск "красного психоза". Висконсинский сенатор Дж. Маккартни сумел внушить американцам, что "любой русский красен и опасен" как потенциальный предатель. Слово "русский", в конце концов, стало тождественным слову "советский". И не случайно, газета "Россия" вела в те годы сбор пожертвований в Фонд правды о России, русском народе и борьбы с русофобством [13, с. 208]. В США развернулась настоящая война против "красных шпионов". На первых полосах русских эмигрантских изданий того времени мы встречаем множество сообщений о поимке все новых и новых предателей родины и о судебных процессах над ними. Со страниц газеты "Россия" член Палаты Представителей США Фр. Волтер заявил, что возглавляемая им Комиссия по антиамериканской деятельности выяснила имена двух очередных членов советской шпионской организации. Эти бывшие граждане США, врач Генри и его жена Беатриса Шпитц, встречались с Миррой Собль, якобы для того, чтобы установить связь с советским шпионским аппаратом. Как пишет издание, Мирру Собль в Нью-Йорке приговорили к пяти с половиной годам тюремного заключения за шпионаж [3, с. 1]. В другом номере "России" в заметке "Учителя коммунисты" сообщается о скором судебном процессе над двадцатью учителями городских школ Нью-Йорка, обвиненными в том, что они состояли членами коммунистической партии. В заметке говорится, что всего год назад пятеро преподавателей были отстранены от своих обязанностей в связи с теми же обвинениями [28, с. 1].

Для формирования негативного имиджа СССР в американских изданиях и в русской эмигрантской прессе журналисты использовали ряд проверенных аргументов, находивших горячий отклик у тысяч читателей. В это время и в последующие годы Советский Союз в западной, и в том числе в русской эмигрантской прессе, представлялся читателям как государство, не проявлявшее стремления к конструктивному диалогу во имя мира и стабильности, как страна, уверенная в том, что никто не осмелится на вторжение на ее территорию, и готовая противодействовать усилиям Запада по установлению мира всеми средствами. Большевизм называли "красным фашизмом" и проводили параллели с событиями недавнего прошлого. Публицисты на страницах газет писали, что тоталитарное полицейское государство склонно к экспансии и репрессиям, поэтому русским нельзя доверять [23, с. 196-197].

Главный редактор монархической газеты "Россия" Николай Рыбаков часто говорил в своих статьях и обращениях к читателям в авторской колонке о единой природе коммунистического режима Сталина и нацистского тоталитаризма Гитлера, желавших поработить мир через свою революционно-завоевательную диктатуру. Рыбаков сравнивал мирные цели Советского Союза с троянским конем, который приобретает многообразные формы – то "демократического фронта", то "фронта мира" или "анти-атомного" фронта". Также и Гитлер прикрывал свою агрессию заключением многочисленных "договоров ненападения". Рыбаков призывал американцев не подписывать никаких шпионско-заговорщицких петиций коммунистов [24, с. 2].

В то же самое время именно представители "России", а также различных других монархических и либеральных изданий, боролись с охватившей американское общество русофобией. Они прекрасно понимали опасность того, что в "холодной войне" вместе с СССР может быть побежден и русский народ. Рыбаков в своей статье "Президент, Конгресс и Американский народ должны сокрушить пятую колонну!" призывает Запад не ставить знак равенства между коммунистическим режимом и Россией. По мнению большинства представителей монархического и либерального лагерей, в русской среде в США, следует разоблачать советскую власть и дать понять русскому народу, что силы демократии могут помочь ему избавиться от советского гнета. Если русский народ не услышит подобного разъяснения в случае вооруженного конфликта с западными державами, то он сочтет себя призванным защищать свою страну с тем героизмом, который он проявлял на протяжении всей истории России [25, с. 2]. Рыбаков писал: "Допускают ошибку все те активисты-антибольшевики, которые в увлечении борьбой против коммунизма, просматривают подлинную основу борьбы – русский народ". С такими же обращениями выступали и другие эмигрантские издания [26, с. 2].

В своей надежде свергнуть большевиков и вернуть прежнюю Россию, монархисты в основной массе уповали на силы западных держав, хотя и признавали опасность этого союза. Н.А. Мельников, один из идеологов монархического движения, председатель Русского Национального Союза в Америке, печатавшийся на страницах "России", призывал в большей степени рассчитывать на собственные возможности. Он нередко вспоминал излюбленный и поучительный для монархистов пример поражения генерала Власова, обманутого Гитлером и армией союзников. В результате чего Власов вместе со всем своим штабом и сотнями тысяч солдат Русской Освободительной Армии оказались выданными большевикам. По мнению многих монархистов и Мельникова в том числе, генералу Власову следовало обойтись без помощи иностранных союзников и организовать свое самостоятельное независимое наступление. В этом случае он мог бы рассчитывать на симпатии многих военных в армии

Жукова, "всех этих "украинских и белорусских" фронтов, под маской которых был скрыт ненавидящий советскую власть русский солдат. И тогда никакая чекистская власть Берии не помогла бы Сталину удержать власть над Россией: всех их смела бы русская волна..." [8, с. 2].

Рыбаков в своей колонке не раз писал, что в деле освобождения родины белая эмиграция должна во многом рассчитывать на беженцев "ди пи", прибывших в США. Но в то же время далеко не все монархисты поддерживали эту точку зрения. Один из авторов "России" Дмитрий Пронин в статье "Наши ли союзники вчерашние коммунисты?" подчеркивал, что в этом вопросе следует соблюдать осторожность. Оценивая пригодность человека в вопросе идеологической борьбы, по мнению Пронина, нужно ставить вопрос: когда, где и при каких обстоятельствах он активно проявил свою враждебность режиму? Бывшие же коммунисты, "разочаровавшиеся" в советской власти, принадлежавшие в СССР к сливкам общества, и не возвращавшиеся обратно на родину лишь из страха возмездия за то, что уверовали в победу Гитлера, являются, по словам публициста, лишь невольными попутчиками эмиграции [19, с. 2].

Один из переломных моментов во взаимоотношениях США и СССР, всколыхнувший русскую диаспору в США и отразившийся на страницах эмигрантской прессы, наступил в марте 1953 г. после смерти Иосифа Сталина. В Советском Союзе разразилась внутренняя ожесточенная борьба за власть между партийными руководителями – приемниками вождя Г.М. Маленковым и Н.С. Хрущевым. В это время, как отмечает один из авторов газеты "Россия" Г. Борисов, весь мир напряженно ожидал радикальных перемен в СССР. Ситуация породила и множество слухов о происходящем в Советском Союзе, появляющихся на страницах русских эмигрантских и американских изданий. Например, аргентинская газета "Наша страна" и американский еженедельник "Ньюс-вик" начали писать о внезапном исчезновении в СССР Ворошилова и Жукова, якобы подвергшихся репрессиям. Г. Борисов в это время в статье "Наш долг" обратился с призывом к эмигрантским журналистам не распространять газетные "утки" и мифы об агрессивной обстановке в СССР и готовности русских к третьей мировой войне, тем самым сгущая тучи в отношениях Америки и Советского Союза. Как считал журналист, долг российской эмиграции на тот момент – "...доказать западному миру, что оказание помощи русскому народу будет в прямых интересах свободного мира, и в том числе и Америки" [2, с. 2].

Тем временем, в СССР в борьбе за власть Хрущев укрепил свои позиции. В феврале 1955 г. он добился смещения своего главного соперника Маленкова и заменил его в качестве главы правительства Булганиным. В это время новый политический лидер Н.С. Хрущев вел весьма осторожную и относительно дружелюбную внешнюю политику. На конференциях СССР обсуждал проблемы Германии, Австрии, Индокитая, а также Кореи, где в июле 1953 г. было подписано перемирие. Булганин и Хрущев помирились с Тито, выдвинули новые предложения о разоружении, посетили Индию, Бирму, Афганистан и Великобританию, а в июле 1955 г. даже участвовали во встрече с американским президентом и французским премьер-министром в Женеве [5, с. 50-51].

В данный период также отчетливо проявляли себя в русской эмигрантской прессе две тенденции в формировании образа Советского Союза. Во-первых, на страницах изданий постоянно подчеркивалось, что западные державы и СССР в мировой политике преследовали совершенно разные цели и исповедовали различные ценности. Акцент делался на противопоставлении стремления США и западных стран к миру и стабильности, с одной стороны, и на советской поддержке революционных организаций и национально-освободительных движений в колониях как

действиях, угрожающих миру. Во-вторых, утверждалось, что СССР извлекает преимущества из хаоса международных отношений. Советским лидерам нельзя доверять ни при каких обстоятельствах. Все их призывы к установлению мира – лишь хитрая уловка, позволявшая выиграть время для установления внутриаполитического равновесия. С советской империей можно разговаривать исключительно с позиции силы – это единственный возможный вариант диалога с русскими. Эмигрантские издания анализировали на своих страницах поведение нового советского лидера Н. Хрущева, обличая его в лицемерии и коварстве, и сравнивая со И. Сталиным.

Русские эмигрантские издания, отслеживающие каждый шаг Хрущева, в тот момент на своих страницах крайне скептически относились к мирным намерениям советского лидера. Профессор Мстислав Петрович Головачев, юрист и политический деятель, бывший министр иностранных дел в Сибирском правительстве (Владивосток, 1922 г.), эмигрировавший из Китая в США в 1950 г., писал в газете "Россия" о так называемом периоде "дипломатической маниловщины" наступившем в международной политике СССР [29, с. 92]. Он начался с Женевской конференции в 1954 году. По его словам, суть этого проверенного метода большевиков в том, чтобы убедить противоположную сторону в искренности своих намерений по поддержанию мира на длительный период времени. Для этого пускаются в ход старые средства – банкеты и партии с выпивкой, икрой и шампанским, а с другой стороны – благожелательный тон на переговорах и кажущиеся уступки противникам. Головачев сравнивал в этой ситуации Советский Союз с удавом, которому требуется время, чтобы переварить очередную свою жертву перед новым смертоносным прыжком. Профессор писал о том, что подобный метод большевики уже не раз успешно применяли. К примеру, Дальневосточная Республика ими создавалась исключительно с целью обеспечить мирное сосуществование с Японией до тех пор, пока СССР не упрочит свое положение после Гражданской войны. Впоследствии это мирное сосуществование закрепили пактом о ненападении, который, как известно, был стерт Ялтинской конференцией.

По мнению Головачева "дипломатическая маниловщина" может иметь страшные последствия, и для США промедление в данный период затишья перед грядущей бурей смерти подобно. По словам автора, советские лидеры смогли бы убедить Запад в своих мирных намерениях не пылкими речами, а действиями – например, уничтожив концентрационные лагеря. Это было бы реальным свидетельством действительно изменения советского режима в сторону сближения его со странами демократического характера [4, с. 2].

В этом же номере другой постоянный автор "России" О. Михайлов в материале "На сегодняшний день" призывал не доверять пылкой речи Н. Хрущева о необходимости мира с капиталистическими странами. Для начала, писал журналист, пусть советское правительство продемонстрирует свои позитивные намерения внутри государства, прекратив 37-летнюю войну с собственным народом. Хрущев, по словам Михайлова, должен дать свободу советским людям, раскрыв границы коммунистического государства, распустив колхозы, ликвидировав систему сыска и доноса, уничтожив смертную казнь и предоставив гражданам право свободно выражать свое мнение и свою волю в отношении формы правления в стране. К тому же, по мнению автора статьи, внешняя политика СССР преследовала захватнические и отнюдь не мирные цели. Михайлов приходит к очевидному выводу: перемирие с капиталистическими странами выгодно и крайне необходимо Хрущеву, коммунистическая диктатура которого переживала один из жесточайших экономических, духовных и

идейных кризисов [4, с. 2].

Об этом говорил на страницах "России" и общественный деятель, профессор А. Богданов. Он писал, что перемирие СССР экстренно необходимо не только для восстановления экономики, разрушенной непрерывным трудом на военные нужды. Работы на войну в промышленности, колхозном сельском хозяйстве, концлагерях, а также служба миллионов людей в Красной Армии до предела измотали население, в рядах которого усиливалось сопротивление власти, как пассивное, так и активное. По его словам, не пользовалась советская власть прежним авторитетом и в глазах членов компартий других стран коммунистического блока. После смерти Сталина и устроенной "поножовщины" в среде "кремлевских временщиков" она лишилась некоего ореола прежней монолитности и могущества. Как заключает Богданов, истинные намерения советов раскроются в самое ближайшее время в решении вопросов разоружения, объединения Германии и так далее [22, с. 2].

Постепенно новый советский лидер Н. Хрущев реализовал свое намерение стать единым властителем в Советском Союзе. Переломным моментом стал Президиум ЦК Коммунистической партии, состоявшийся в июне 1957 г. На нем Хрущев подвергся критике со стороны Маленкова и был забаллотирован при голосовании. Но он сумел тайно созвать пленум Центрального Комитета, который исключил Маленкова из состава Президиума, изрядно опорочил ветеранов Ворошилова и Кагановича, и фактически изгнал даже Молотова. Этот год засвидетельствовал триумф Хрущева над своими соперниками [5, с. 55].

Газета "Россия" моментально среагировала на перестановки в верхах советской власти статьей "Маленков будет ликвидирован". Автор, ссылаясь на информаторов в сфере дипломатии и проанализировав интервью Хрущева "Правде" и главному партийному журнале "Коммунист", в которых советский лидер называл Маленкова орудием сталинского палача Берии, сделал вывод о скорой окончательной ликвидации главного политического соперника Хрущева. Как писала "Россия", ссылаясь на сообщения в советской газете "Известия", Маленкова лишили правительственных должностей и сослали в Усть-Каменногорск в Восточном Казахстане работать заведующим местной электростанцией. Но, по видимому, его политическому оппоненту этих карательных мер показалось недостаточно. Также, как считал автор статьи, в дальнейшем Хрущеву придется доказывать, что произведенная им "чистка" Маленкова, а также Кагановича, Молотова, Ворошилова и Шепилова оправдана. Для этого, как писала "Россия", он должен будет ускорить прогресс СССР в политической, экономической и военной областях [6, с. 1].

"Россия" сообщала, что первый заместитель премьера Л.М. Каганович был отправлен в Свердловск, где получил должность заведующего цементной фабрикой, а бывший главный редактор "Правды" и министр иностранных дел Дмитрий Шепилов был назначен учителем на Дальнем Востоке. Как с иронией отмечала эмигрантская газета, все вышеуказанные назначения подвергшихся чистке красных главарей указывают на то, что руководство СССР постепенно отказывалось от сталинских методов борьбы с оппозицией – расстрелов и ссылок в концлагеря [10, с. 2].

В это же время многие силы русской эмиграции с уверенностью заявляли о скором падении власти Хрущева. В августе 1957 г. на открытом заседании Комиссии Палаты Представителей для борьбы с антиамериканской деятельностью в США с подобным заявлением открыто выступил Борис Моррос, бывший в течение 12 лет по заданию Федерального Бюро Расследования, советским шпионом. Он объявил, что падения режима Хрущева следует ожидать в течение ближайших восьми месяцев.

На его смену, по мнению Морроса, в связи с возрастающим авторитетом и значением в советских делах Красной Армии, должна прийти военная диктатура. Скорее всего, во главе советского государства встанет Георгий Жуков, либо его главный политический соперник Иван Конев. Однако, как указал Моррос, отдельные советские разведывательные органы, подчинявшиеся раньше различным правительственным учреждениям, тогда были объединены и подчинялись непосредственно Жукову. Председатель Комиссии Палаты Представителей Фр. Волтер на данное заявление заметил, что подобный ход событий – а именно переход власти к военным кругам – означает опасность для Запада. "Мы можем ожидать непосредственного ускорения в советском вооружении и готовность советского руководства поддерживать свои политические вождедения вооруженной силой, – заметил Волтер. – Зловещее прошлое Жукова и Конева явно не располагает к тому, чтобы любой глава государства в свободном мире мог обращаться с ними как с честными людьми" [11, с. 2]. Однако дальновидный Хрущев, вскоре отстранил от должности Жукова, и назначил на его место в октябре 1957 г. министром обороны человека, не являвшегося в то время его политическим оппонентом – маршала Малиновского.

Уже в марте 1958 г. Хрущев кроме должности первого секретаря стал занимать пост премьер-министра и утвердил главенствующее положение в государстве до своего падения в октябре 1964 г. Более сдержанная в отношении политических деятелей СССР и коммунистической партии газета "Новое русское слово" в это время анализировала опубликованное резюме выступления Н. Хрущева на предсъездовском пленуме ЦК партии. В своей речи советский лидер особое внимание уделял поверженным соперникам – так называемой "антихрущевской группе". Как отмечала газета, стиль этого заявления и отдельные слова являлись повторением грозных выпадов Сталина против "врагов народа", которые были, в конце концов, "ликвидированы". Как писал неизвестный автор "Нового Русского Слова", недавних политических товарищей Хрущев называл "презренной группой разбитых осколков, разоблаченных и выкорчеванных ЦК". И это буквальное повторение эпитетов, которыми Сталин награждал обреченных им на гибель сотрудников Ленина. Все "презренные" оппозиционеры партлинии – Молотов, Маленков, Каганович были избраны в Президиум ЦК КПСС на последнем XX съезде вместе с Хрущевым первыми среди равных на командных постах. Так же как и Зиновьев с Каменевым, Бухарин с Рыковым поочередно они составляли ближайшую свиту Сталина, и он с помощью каждого из них готовил гибель других. Многие журналисты и общественные деятели этого времени, публиковавшиеся в русских эмигрантских газетах, говорили о том, что Н. Хрущев, подобно И. Сталину, спешит к утверждению культа своей личности, и использует на этом пути многие методы сталинизма. И это тем более удивительно, что двумя годами ранее на XX съезде Коммунистической партии Хрущев вместе с Микояном выступали с резким обличением деятельности Сталина, касавшимся широкого круга вопросов [18, с. 2].

В области внешней политики Хрущев в данный период пожинал плоды важных событий, произошедших в августе и в октябре 1957 года: запуска первой межконтинентальной баллистической ракеты и первого спутника Земли. Официальное заявление СССР об успешном проведении испытаний межконтинентального баллистического снаряда первоначально воспринималось с недоверием, но уже в дальнейшем в американских и русских эмигрантских СМИ появились тревожные сообщения о растущей военной мощи советов. Газета "Россия" писала в августе 1957 года о том, что в правительственных кругах США и в авторитет-

ном Калифорнийском Центре для исследования снарядов считают, что СССР действительно обладает подобным оружием. "Россия" цитировала генерал-майора Шривера, возглавлявшего все производимые в авиации работы в области снарядов в США, который заявил: "Исторически СССР редко лжет в своих сообщениях внешнему миру. Когда они сказали, что у них есть атомная бомба, они ее действительно имели. Сейчас они говорят, что у них есть междуматериковый баллистический снаряд... Почему же нам сомневаться в этом их заявлении?" [27, с. 3]. Уже в декабре 1958 г. "Новое Русское Слово", ссылаясь на американский технический еженедельник "Авиэйн Вик", поместила данные о советской межконтинентальной ракете, называемой официально "Т.3", которая развивала скорость до 5000 миль в час, имея радиус действия от 4800 до 6000 миль [14, с. 1].

Русские эмигрантские издания в США 1950-е гг. регулярно сообщали об испытаниях новых видов американского вооружения и муссировали информацию из разных источников о растущей военно-технической оснащенности Советского Союза. "Новое Русское Слово" в декабре 1958 г., со ссылкой на американский ежемесячник "Ворлд Эйкграфт" сообщало, что в строй советской военной авиации в конце ноября вступили новые реактивные бомбардировщики, по своему вооружению, радиусу действия и скорости полета, превышающие все стратегические самолеты других стран и новейшие американские бомбардировщики В. 58. Скорость их полета – до 1400 миль в час. Они могут без остановки пролететь из СССР до любого пункта Северной Америки и вернуться на свои базы. Они имеют по 6 реактивных двигателей, вооружены 4 баллистическими снарядами, несколькими пулеметами и орудиями, и могут перевозить две ядерные бомбы. Как писала газета, это секретное оружие Кремль скрывает не только от западных журналистов, но и от "нейтральных" друзей и союзных "народных демократий" [14, с. 1].

Эйфория Н. Хрущева по поводу новых технических достижений советских военных продолжалась недолго. Уже в 1958 г., после запуска американского баллистического снаряда "Атлас", покрывшего 6350 миль, СССР потерял свой главный козырь. Как писала "Н.Р.С.", московские радио и печать, кратко сообщившие о "случайно удавшемся" запуске "Атласа", тотчас передали заявление Хрущева и его военных спецов о том, что радиус действия советской межконтинентальной ракеты превышает на тысячу миль покрытую американским снарядом дистанцию. Запуск четырех-тонного американского спутника "Атлас" явился для Советов ударом. США в итоге заняли принадлежащее ранее СССР первое место в пространственной баллистике. Вторым ударом для большевиков стало Рождественское радиопослание с "Атласа" президента США Эйзенхауэра [20, с. 2].

Хрущев в 1958 г. заявил о концепции мирного сосуществования с капиталистическими державами в качестве общей характеристики своих намерений. С помощью этого политического лозунга он собирался победить западный мир без войны. Провозглашение этой доктрины среди прочего, имело целью завоевать симпатии нарождающегося "третьего мира" [5, с. 55].

Русская эмигрантская общественность в США с иронией наблюдала за новым "мирным" амплуа Н. Хрущева на международной арене, подчеркивая его противоречивость, двуличие, доходящее до абсурда, призывая не доверять происходящим метаморфозам.

Профессор Иван Никодимов в статье "Рубаха-парень" в газете "Россия", с сарказмом характеризовал новый образ советского лидера. "Всюду Хрущев старается разыгрывать простачка, рубаху-парня – всем доступного, охотно "идущего в народ", со всеми – "за панибрата", – писал Нико-

димов. – Мы, бывшие советские люди, хорошо знаем его оборотную сторону. Ибо мы помним Хрущева в другой роли – безжалостного партийного вершителя судеб Украины при Сталине. Тогда этот палач был жесток до пределов, холоден в своей безжалостной бездумной расправе со многими жертвами". Профессор вспоминает недавнюю поездку Хрущева и Булганина в Индию, где Никита Сергеевич устроил настоящий маскарад: нарядившись в чалму и другие регалии индусов, сложив по-восточному руки, он отвешивал поклоны. В иностранной прессе снимки этой встречи вызвали смех, а в советских газетах они не опубликовывались вообще. В "Комсомольской правде" в том же году появились фотографии, на которых Хрущев принимал делегацию индусской молодежи в нелепом восточном колпаке. Как отмечал автор статьи, на многих недалёковидных иностранцев такая игра "своего парня в доску" производила известное впечатление – прежде всего уже своей необычностью, своеобразием. Как писали многие русские эмигрантские газеты, в последнее время Хрущев охотно представлял из себя добродушного деда, который обо всем готов спокойно говорить и даже без какой-либо враждебности упоминал бога, вспоминал церковные обычаи и так далее, тем самым подчеркивая свою толерантность, религиозную терпимость. По мнению Никодимова, довольно странно звучали из уст коммунистического диктатора истории из церковной жизни. Так, в начале июня 1958 г. на митинге чехословацкой дружбы, Хрущев заявил: "В каждой церкви есть место возле алтаря, куда доступ разрешается только священнослужителям. Точно так же каждое государство имеет свой алтарь и свое сокровенное возле алтаря место, куда никого постороннего не пускают, кроме разве самых близких друзей". И в то же время, пишет Никодимов, на страницах советской прессы продолжается антирелигиозная пропаганда, плоская, "без энтузиазма", напоминающая, что коммунизм и религия враждебны друг другу [12, с. 2].

О новой философии непротivления злу насилieм Никиты Хрущева в более сдержанном тоне рассказывала газета "Новое Русское Слово". Издание ссылалось на английский журнал "Лондон обсервер", которому дала интервью Френсес Ноэл-Бэйкер. Она в составе дипломатической группы, возглавляемой ее отцом Филиппом Ноэл-Бэйкером, в начале декабря 1958 года побывала в Кремле на приеме у Хрущева. По словам девушки и других дипломатов, на встрече Хрущев пожелал подробно остановиться на вопросе о разоружении и сделал удивительное заявление: "Советский Союз готов пойти решительно на все, чтобы добиться соглашения о сокращении вооружений. Мало того, – СССР от души приветствовал бы упразднение всех армий. Мы готовы принять христианскую философию непротivления злу. Я уверен, что придет время, когда можно будет ликвидировать и вооруженную полицейскую силу" [30, с. 2].

Антисоветская пропаганда в русских эмигрантских изданиях включала в себя и едкую критику различных советских областей жизни. В "Новом Русском Слове" и в "России" в 1950-е годы подобные материалы выходили в каждом номере в отдельных рубриках. Как правило, корреспонденты эмигрантских газет анализировали публикации многочисленных передовых советских изданий, и на основе этих материалов рисовали неприглядные картины советской жизни и нравов граждан СССР. Их критика была направлена в адрес властителей Советского Союза, не способных создать достойные условия жизни своим гражданам. В "Новом Русском Слове" за 26 декабря 1958 года неизвестный эмигрантский автор в своей статье цитирует письмо жительницы Екатеринослава Н. Садовской, опубликованное в советском "Труде". Женщина была возмущена царящим произволом в сфере торговли. Она рассказывала

о спекулянтах, скупавших товары первой необходимости в магазинах и затем продававших их на рынках по завышенным ценам. Как отмечает автор статьи, подобная ситуация возникала в Советском Союзе из-за товарного голода. А самым ярким спекулянтом в данном случае является правительство СССР, которое берет с граждан слишком много, а отдавать взамен не желает [17, с. 4].

В то же время другой публицист В. Михайлов на страницах газеты вспоминает, как он, находясь в Киеве до эмиграции в 1936 – 1941 гг., наблюдал за жизнью местной партийной элиты. По его словам, "вожди" крупного калибра – Постышев, Балицкий, Любченко – украшали свои огромные особняки предметами антиквариата – старинной мебелью, оружием, дорогими картинами, попадавшими к ним из уцелевших музейных фондов СССР [9, с. 2]. Иронизировали эмигрантские издания над бесконечной экономией в СССР, пронизывавшей все уровни жизни, вьевшейся в менталитет советского человека. Автор статьи "Мелочи советских будней" на страницах "Нового Русского Слова" цитировал обращение советских ученых, опубликованное газетой "Известия". Сотрудники Института Радиотехники и электроники Академии Наук СССР написали о том, что разработали оригинальный способ экономии воды. В водоразборный кран в своем институте они вмонтировали ограничительные шайбы, уменьшающие пропускную способность крана с 24 до 4 литров в минуту. Как писали ученые, жалоб со стороны сотрудников не поступало, а институт сэкономил 800 рублей в месяц. Журналист "Нового Русского Слова" с грустью отмечает: "Для социализма показателем культуры являются ограничительные шайбы, во всем, даже в мышлении населения". Автор останавливается и на другом примере. В "Известиях" в статье, приуроченной к 400-летию юбилею Астрахани, говорят исключительно о соцсоревнованиях в честь XXI съезда КПСС. О дореволюционной истории старинного города написано всего 6 слов: "Много событий видели стены астраханского кремля". По словам советского журналиста, история Астрахани примечательна лишь тем, что "в нем жили предки Ленина, родились его отец и дядя, а мать его сюда не раз приезжала" [7, с. 4].

Нередко темой для статей в этих рубриках становилась распространенная система доносов в Советском Союзе. В газете "Россия" за 9 января 1953 года неизвестный автор с горечью сообщал о весьма воинственной заметке на первой полосе советской "Правды". В ней всех "верных граждан СССР" предупреждают о необходимости остерегаться знакомых и родственников, которые "беззаботно швыряют деньгами и живут не по средствам", и сразу же сообщать о подобных случаях в соответствующие инстанции. "Это касается, – пишет "Правда", – и целых семейств, члены которых должны доносить о своих родственниках". Далее корреспондент советской газеты рассуждает о том, что чувство долга в таких случаях должно быть превыше родственных привязанностей [21, с. 1]...

Эмигрантские авторы с неприязнью описывали и обязательные для советской прессы антирелигиозные статьи. Публицист, профессор Иван Никодимов цитировал выдержки из "Комсомольской Правды", журналов "Знамя" и "Крокодил" – на его взгляд, опубликованные там грубые рассказы и плоские шутки, лишь порождали у населения возмущение и брезгливость. В журнале "Знамя" (№ 5) за 1958 г. напечатали типичный для этого периода рассказ "Чудотворная". Его автор пытается провести психологический анализ колебаний юноши, который находится под двумя влияниями: религиозной семьи и комсомольской организации. С невероятными натяжками автор заставляет сомневающегося отказать от бога и порвать отношения с родственниками. В "Крокодиле" на картинке бабушка под стенами сельского клуба читает объявление и

говорит внуку: "В клубе антирелигиозная лекция – значит, нам с тобой пора готовиться к Пасхе!". По мнению Никодимова, измученные советские люди вместо антирелигиозной пропаганды и политических лекций хотели бы хоть немножечко благополучия и сносной жизни с налаженным бытом [12, с. 2].

В 1950-е гг. большую часть русских эмигрантских изданий составляли материалы антисоветского характера. Как отмечал профессор А. Богданов, в это время в среде русской диаспоры в США наблюдалась солидарность левых и правых общественных организаций в едином противостоянии коммунистам. Причем не только в политических программах, но и в органах зарубежной печати. Эти эмигрантские издания отражали идейное настроение широких слоев русского населения в США. В любой газете или журнале монархическом, либеральном или социал-демократическом разоблачались и осуждались советская власть, ее внутренняя и внешняя политика, царящие в СССР порядки полицейского произвола, экономического и хозяйственного разорения и политического бесправия [22, с. 2].

На страницах "Нового русского слова" и особенно газеты "Россия" в данный период поддерживался и развивался негативный образ Советского Союза, как государства, стремящегося к политической гегемонии в мире. Эти газеты знакомили русскую диаспору в США с событиями на международной арене, но главное, подробнейшим образом старались освещать любые нюансы жизни в Советском Союзе – от смены "верхушки" власти, изменений в законодательстве страны до ироничных заметок, сообщавших о мелочах советского быта. Вся эта многообразная информация подавалась с определенных идеологических позиций. В этих изданиях СССР предстал как главный зачинщик военных конфликтов на международной арене, не желавший вести конструктивный диалог с западными державами, выступавшими, якобы, исключительно за мир и спокойствие. При этом нередко проводились аналогии с событиями недавнего прошлого, большевизм называли не иначе как "красным фашизмом", коммунистическую политику Сталина и последующих лидеров СССР сравнивали с нацистским тоталитаризмом Гитлера. Регулярно муссировалась на страницах этих газет поступающая из разных источников информация о растущей агрессивности и военной мощи СССР. Такая точка зрения на события в мире и на политику Советского Союза находила отклик у тысяч русских эмигрантов в США, регулярно знакомившихся с подобными публикациями. Однако в то же время прослеживается противоречивость в этой идеологической пропаганде и в ее восприятии русскоязычными читателями. Публицисты, печатавшиеся в данных изданиях, выступая против советской машины, в то же время заявляли, что не стоит ставить знак равенства между коммунистами и русскими людьми. Они активно боролись с русофобией и призывали демократические государства оказать помощь русскому народу, спасая его от советского произвола и бесправия в своей стране. Многие люди в русской диаспоре в США все еще надеялись на восстановление небольшой советской единой России

Литература

1. Богданов А. Россия. Нью-Йорк. 1955. 10 сентября.

2. Борисов Г. Наш долг. Россия. Нью-Йорк. 1953. 11 ноября.
3. Волтеръ назвал еще двух шпионов. Россия. Нью-Йорк. 1957. 4 сентября.
4. Головачев М. Дипломатическая маниловщина. Россия. Нью-Йорк. 1955. 3 сентября.
5. Кальвокоресси П. Мировая политика после 1945 года. М: Международные отношения, 2000. Кн. 1. 437 с.
6. Маленков будет ликвидирован. Россия. Нью-Йорк. 1957. 30 августа.
7. Мелочи советских будней. Новое русское слово. Нью-Йорк. 1958. 26 декабря.
8. Мельников Н.А. О борьбе за Россию. Россия. Нью-Йорк. 1950. 28 июня.
9. Михайлов В. Коммунистические феодалы. Новое русское слово. Нью-Йорк. 1958. 26 декабря.
10. Молотов – посол в Монголии. Россия. Нью-Йорк. 1957. 4 сентября.
11. Моррос о падении Хрущева. Россия. Нью-Йорк. 1957. 30 августа.
12. Никодимов И. Рубаха-парень. Россия. Нью-Йорк. 1958. 15 октября.
13. Нитобург Э.Л. Русские в США: история и судьбы, 1870 – 1970. Москва: Наука, 2005. 417 с.
14. Новое русское слово. Нью-Йорк. 1958. 19 декабря.
15. Новое русское слово. Нью-Йорк. 1958. 22 декабря.
16. Окунцов И.К. Русская эмиграция в Северной и Южной Америке. Буэнос-Айрес: Сеятель, 1967. 423 с.
17. По строкам и между строк. Новое русское слово. Нью-Йорк. 1958. 26 декабря.
18. Подготовка партсъезда. Новое русское слово. Нью-Йорк. 1958. 19 декабря.
19. Пронин Д. Наши ли союзники вчерашние коммунисты? Россия. Нью-Йорк. 1957. 4 сентября.
20. Пятый апельсин. Новое русское слово. Нью-Йорк. 1958. 22 декабря.
21. Россия. Нью-Йорк. 1953. 9 января.
22. Россия. Нью-Йорк. 1955. 10 сентября.
23. Рукавишников В.О. Холодная война, холодный мир. Общественное мнение в США и Европе о СССР/России, внешней политике и безопасности Запада. М: Академический Проект, 2005. 345 с.
24. Рыбаков Н.П. "Движение за мир" советской пятой колонны. Россия. Нью-Йорк. 1950. 27 июня.
25. Рыбаков Н.П. Президент, Конгресс и Американский народ должны сокрушить пятую колонну! Россия. Нью-Йорк. 1950. 27 июля.
26. Рыбаков Н.П. Русский общенародный путь борьбы за Россию! Россия. Нью-Йорк. 1950. 17 мая.
27. Советы обладают снарядом. Россия. 1957. 30 августа.
28. Учителя коммунисты. Россия. Нью-Йорк. 1958. 9 мая.
29. Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке. Биобиблиографический словарь. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2000. 322 с.
30. Хрущев готов принять "Философию непротivления злу насилieм". Новое русское слово. Нью-Йорк. 1958. 27 декабря.

УДК 314.74

Солодовник И.В.

Русскоязычные СМИ в Австралии и Канаде

Russian-speaking mass-media in Australia and Canada

В данной статье представлена информация о русской эмиграции в Австралию и Канаду. Чем заинтересовали наших соотечественников эти две страны, и кто в первую очередь отправился покорять "terra incognita". Что стало причиной возникновения печатных и аудиовизуальных русскоязычных СМИ, и что они представляют из себя на данный момент (в частности рассматривается город Сидней и русскоязычная редакция радио "SBS-Sydney" и Ванкувер с русскоязычным телевидением "United Voices").

Ключевые слова: Австралия, Сидней, СБС, государство, русские, эмиграция, СМИ, Канада, Ванкувер, United Voices

There is information about Russian emigration in Australia and Canada. Why these countries were interested by our compatriots and whom "terra incognita" was conquered? What is the reason of arisen Russian-speaking mass media and how are they look like today (we just speak about Sydney city and Russian redaction radio "SBS-Sydney" and Vancouver city with russian-speaking TV "United Voices").

Key words: Australia, Sydney, SBS, government, Russians, emigration, mass media, Canada? Vancouver, United Voices.

Эмиграция, как явление, имеет глубокие исторические корни. Причин для переселения могло быть много, но наиболее важными были две. В эмиграцию отправлялись либо в поисках лучшей жизни, либо спасаясь от собственного государства. Не стали исключением и русские, внесшие в историю мировой эмиграции значительную лепту.

Русская эмиграция насчитывает пять исторических этапов, или, как их называют исследователи, – "эмиграционных волн".

Жители Российской империи были в высокой степени мобильны и часто переселялись с места на место. Поскольку территория страны была огромна и слабо освоена, массовая эмиграция за границу впервые была зарегистрирована лишь в 1685 году. История переселения наших соотечественников, в результате которого за границей складывалась русская диаспора, насчитывает несколько столетий, если учитывать вынужденные бегства за рубеж политических деятелей еще в период средневековья и раннего нового времени. В Петровскую эпоху к политическим мотивам отъезда за рубеж добавились религиозные. Процесс же экономической миграции, столь характерный для стран Центральной и Западной Европы и вызванный избытком трудовых ресурсов и

малоземельем, практически не затрагивал Россию до второй половины XIX века. Правда, от XVI–XVIII вв. до нас дошли сведения о русских переселенцах в дальние земли, в том числе в Америку, Китай, Африку, но подобные миграции, вызывались зачастую не только экономическими причинами: одни чувствовали "зов дальних морей" [3, с. 46], другие бежали от злосчастия, ища на чужбине покоя или успехов. Некоторые старообрядцы, не принявшие церковную реформу, уходили не в леса, а в Австрию, Венгрию, Румынию и Восточную Пруссию, а также в мусульманскую Османскую империю и Китай.

Наибольшее количество русских (до 56% в 1909 – 1913 гг.) выехало из России не в европейские, а в заокеанские страны. Так, в период с 1900 по 1913 гг., в США и Канаду переселилось 92 тысячи человек. В отличие от краткосрочных (на несколько лет) отъездов в Европу, заокеанская эмиграция состояла из людей, решивших сменить подданство и весь образ жизни. Эмиграция в Европу была "эмиграцией холостых". В США эмигрировали семьями. Ехали самые предприимчивые и здоровые (велся медицинский контроль), соблазненные большими перспективами и обещаниями специальных вербовщиков молодые люди. Однако среди эмигрантов, этнически русских, велик был процент реэмигрантов (шестая, а в некоторые годы, например, в 1912 году, и четвертая часть уехавших), что несопоставимо с "возвращениями" представителей других национальностей. И все же, говоря о том, что русские позже других наций включились в эмиграцию, следует учитывать, что их эмиграция имела тенденцию к росту, как и отъезд из страны в целом [15].

Более половины русских переселенцев, уезжавших по экономическим мотивам в конце XIX века, направлялось в США. Кроме того, они ехали в Канаду, Аргентину, Бразилию и другие страны. Причины эмиграции были разные – как религиозные (выехало примерно 30 тысяч членов различных религиозных групп, преследуемых за вероисповедание: молокане, мормоны, менониты и т.д.), так и экономические. Менониты, кстати, выезжали из Саратовской и Симбирской губерний.

Что ждало русских за рубежом? Низкие заработки, но вчетверо более высокие, чем оплата аналогичного труда на родине. Скитания, тяжелые, неприятные, и опасные работы. Тем не менее, труженики, решившиеся по экономическим соображениям покинуть Россию, действительно накапливали более или менее значительные сбережения.

С начала 90-х гг. XX в. среди соотечественников, проживающих в настоящее время за рубежом, стало особенно заметным стремление к сотрудничеству: все чаще стали образовываться ассоциации с целью сохранения национальных традиций, поддержания "русского духа, русского направления". Огромную объединяющую роль играют сегодня и русскоязычные СМИ.

Австралия

В Австралию ехали мало – это было обусловлено географической отдалённостью материка. Тем не менее, по австралийской переписи 1891 года число русских в стране составило 2881 человек (2350 мужчин и 531 женщина). Введение в эксплуатацию Транссибирской магистрали и КВЖД позволило использовать дальневосточные порты, откуда шли пароходы в Австралию, что было ближе и дешевле. Толчком для эмиграции русских с Дальнего Востока в Австралию стало поражение России в русско-японской войне. Многие русские стали уезжать в Австралию через Шанхай и Дальний (совр. Далянь), главным образом на японских пароходах.

До конца XIX в. данные об эмиграции из Российской империи в

Австралию (как и в любую другую страну), практически не попадали в печать. Это было связано с тем, что информация подобного рода тогда считалась секретной, а царское правительство предпочитало делать вид, что эмиграции не существует. В XX веке в ряде работ, опубликованных до начала Первой мировой войны, были впервые поставлены задачи изучения проблемы. Подводилась статистика за период с начала 80-х годов XIX в. и до 1914 года. После революции 1917 года, появились публикации по истории политической эмиграции XIX – XX вв. По большей части, это были отклики эмигрировавших историков и публицистов на идеологические запросы того времени. Тогда же, были сделаны первые попытки периодизации истории российской эмиграции XIX – начала XX вв. [2; 6; 13, с. 78-85].

Благодаря этим публикациям, появились сведения о дальнейшей судьбе многих эмигрантов. Стало ясно, что, эмигрировав, не все из них оседали на одном месте, но, зачастую, продолжали движение. Например, в Австралию русские переселялись не только из Российской империи. По донесению генконсула Российской империи в Австралийской федерации и Новой Зеландии из Мельбурна – князя А. Абазы, в Австралию в 1911 – 1917 гг. ежемесячно приезжали от 90 до 150 человек из Сибири и Дальнего Востока, 20 – 30 человек из Европейской части России и, примерно столько же, из Канады и США. Большинство из вновь прибывших были коренными русскими.

Основным центром российской иммиграции стал северо-восточный австралийский штат Квинсленд и его столица Брисбен, где в 1912 г. была целая улица, заселенная русскими. Брисбен был первым портом на пятом континенте, куда заходили пароходы из Японии и Китая, а большинство русских, попадавших сюда таким путем, не имели средств, чтобы двинуться дальше вглубь страны.

В том же 1912 году, 27 июня, в Брисбене под редакцией Артема¹ вышел первый номер газеты "Эхо Австралии" – органа Союза русских эмигрантов (Союз русских рабочих с 1914 г.). Это издание стало первой русской газетой на пятом континенте.

В связи с тем, что в Австралию, выезжали, как правило, образованные люди, Австралийское правительство пошло навстречу, и горячо приняло наших иммигрантов. Однако, политэмигранты, ввиду своей бурной деятельности по созданию второго Союза на территории Австралии, очень быстро испортили российско-австралийские отношения. Вследствие этого правительство пятого континента начало преследования русских партий и кружков. Оно налагало запреты на печатание газет, а также принимало более жёсткие меры, среди которых были такие, как арест и выдворение из страны. Всё это затормозило развитие русскоязычных СМИ.

Тем не менее, сколько бы ни было тяжело нашим соотечественникам, хорошие отношения с Австралией со временем были восстановлены, и люди продолжали получать информацию о России.

Так, уже 60 лет подряд постоянно выходит газета "Единение", старейшая русская газета Австралии, издающаяся еженедельно с 1950 года. Она входит в пятёрку старейших русских газет дальнего зарубежья.

В декабре далекого 1950 года в Мельбурне вышел в свет первый номер газеты "Единение". Вряд ли её первый редактор Олег Перекре-

---

¹ Русский политэмигрант, большевик Артем (Ф.А. Сергеев) после побега в сентябре 1910 г. из иркутской ссылки, через Харбин, Дайрен, Нагасаки, Шанхай и Гонконг добрался в середине 1911 г. до Брисбена, захватив там, в 1911 году, вместе со своими сторонниками руководство в Союзе русских эмигрантов созданном в 1910 году, в качестве кружка взаимопомощи и совместного проведения досуга. С целью превратить его в общественно-политическую организацию российских рабочих [3; 7; 14, с. 90-93].

стов¹ и его помощники ожидали, что газете уготована такая долгая и славная судьба. Тем не менее, в 2008 году газета выпустила свой уже 3000-й номер и по-прежнему еженедельно приходит в тысячи русских домов в Австралии. С первых лет своего существования газета старалась объединить русскую эмиграцию, помочь русским людям, оказавшимся далеко за пределами России не чувствовать себя одинокими, поддерживать русскую культуру, русский язык у новых поколений иммигрантов. Старшее поколение вспоминает объединяющие балы газеты "Единение" в Мельбурне в 60-е – 70-е гг., которые собирали вместе многие сотни людей, считавших русскую культуру родной. Поскольку эмиграция в те годы была, в основном, политической, то это отражалось и в направленности газеты. Газета была основана членами Народно-Трудового Союза российских солидаристов (НТС), и политическая платформа газеты была определенно антикоммунистической. Более 30 лет с начала 60-х годов и до 1996 года редакцию газеты возглавлял Юрий Амосов². В 1977 году редакция переехала в Сидней, в котором к тому времени проживало большее количество русских, и с тех пор издается в этом городе. С изменением политического строя в России изменилась и направленность газеты. Она ушла от политической конфронтации и стала больше внимания уделять жизни русских общин.

В 90-х гг. XX в. с распадом СССР новая большая волна эмигрантов высадилась на берегах далекого зеленого континента. В эти годы редакцию возглавляли Евгений Прокопьев³ и Сергей Скороходов⁴. С 2006 года издателями и редакторами газеты стали Владимир и Ольга Кузьмины⁵. Постоянно обновляясь в соответствии со временем, газета поддерживает традиционное направление на объединение людей русской культуры. Газета публикует много материалов о жизни русских общин в Сиднее, Мельбурне, Аделаиде, Брисбене и других городах Австралии. Значительную роль в поддержании русской культуры за рубежом играет русская православная церковь. Газета регулярно рассказывает о жизни приходов.

Среди ведущих печатных изданий, можно выделить и газету "Горизонт", так же издающуюся с 1950 года, и не менее известную среди русскоязычной диаспоры Австралии. Из личного интервью главы издательского дома "Горизонт" Семёна Пинчука, генеральному директору ИТАР-ТАСС Виталию Игнатенко: "Пройденный путь был сопряжен с немалыми трудностями, поисками новых форм для разностороннего освещения происходящих в России, Австралии и мире событий. Задача была не только в том, чтобы расширить круг читательской аудитории, но и дать ей возможность самостоятельно сопоставлять факты и мнения. При этом особое внимание уделялось сохранению великих традиций родного языка, уважения к культурному наследию исторической родины среди тех, кто оказался далеко за ее пределами" [14].

Насыщенная деятельность печатных СМИ иммигрантов нашла

¹ Газета "Единение" была основана группой членов НТС (Народно-Трудового Союза Российских Солидаристов) в декабре 1950 г. Первым руководителем и управляющим был Олег Владимирович Перекрестов.

² Амосов Ю.К. журналист, редактор газеты Единение [12, с. 23].

³ В 1997 году тогдашний редактор "Единения" Юрий Константинович Амосов продал газету Евгению Прокопьеву, пожелавшему жить в Австралии.

⁴ Стал редактором "Единения" с 2003 года (русский журналист из Казахстана).

⁵ Нынешние редакторы и издатели Владимир и Ольга Кузьмины. За это время газета изменила свое лицо, появилось больше информации о жизни русских в Австралии, увеличилось количество положительных материалов в отношении современной России. В газете стали публиковать больше материалов из разных штатов, газета теперь выходит с цветными страницами.

естественное продолжение и на следующем этапе развития средств массовой информации, начало которому положило правительство Австралии, учредив первое мультиязычное СМИ.

Из личного интервью с главным редактором "Radio SBS-Sydney" Симой Цыскиной: "Вещание в Мельбурне началось в 1975 г. Была небольшая этническая станция, кажется 8 языков. Я работаю с 1981 года. Тогда набрали 6 человек. Координатором программы был Олег Перекрестов (ныне – покойный)". Так, 35 лет тому назад, правительство Австралии, под руководством министра по коммуникациям, информационным технологиям и культуре создало первую уникальную правительственную мультиязычную радиостанцию (тогда она носила название "2EA" (вещало на 7 языках: Арабский, Русский, Греческий, Итальянский, Кантонис (диалект Китайского), Мандарин (диалект Китайского) и Вьетнамский) в Сиднее, и "3EA" (вещало на 8 языках: Арабский, Русский, Французский, Греческий, Итальянский, Кантонис (диалект Китайского), Мандарин (диалект Китайского) и Вьетнамский). Две правительственные радиоточки были запущены в экспериментальном режиме, сроком на 3 месяца, и были предназначены для оповещения населения о системе здравоохранения, но, просуществовав вместо этого 3 года, были объединены и переименованы в единую государственную мультиязычную вещательную радиокomпанию – "SBS". Спустя пять лет после экспериментального запуска радиовещательной сети, правительство Австралии, при личном участии министра по коммуникациям, информационным технологиям и культуре, пришло к решению о создании государственной мультиязычной телевизионной компании, которая, также, стала первой в своём роде. Но, так как у государства уже была одна вещательная компания, было принято решение, объединить эти проекты. Так, в 1980 году, появилась Государственная Австралийская Специальная Вещательная Корпорация – "SBS".

В 1986 году в Австралии была создана Публичная Этническая Вещательная Ассоциация. В июне 1986 года, на её основе, в Мельбурне, была запущена радиокomпания "3zzz" вещающая на русском языке. По своим основным функциям это новостная служба, рассказывающая о важных событиях, и музыкальный сервис с лёгкой, классической вокальной и оркестровой музыкой.

СМИ как инструмент формирования этнического единства

С того момента, как эмигрант оказывается за пределами родины, того места, где он родился и вырос, он оказывается вдали не только от привычных мест и образа жизни, но и вдали от привычного, родного круга общения.

Первым эмигрантам пришлось, наверное, тяжелее всех, так как они были полностью отрезаны от родины. Приходилось строить жизнь практически с нуля даже в том случае, если у переселенца были деньги. Не говоря уже о тех, кто эмигрировал, обладая лишь небольшими средствами [3, с. 65].

Именно потому, что людей общей языковой и культурной принадлежности, тянет друг к другу, а вдали от родины эта тяга увеличивается, им всегда необходимо было нечто, что объединяло бы их, давало надежду, уверенность и просто радовало.

Для первых переселенцев этим "нечто" становились места общих встреч, выстроенные общими усилиями русские клубы и церкви. Так было в самом начале.

Позже, с развитием общины, после того, как люди одной этнической группы сплотились, сформировав общие интересы, задавшись решением общих проблем, им потребовался общий источник информации. Так появилась необходимость в появлении первых средств массовой ин-

формации.

Если сказать, что цель первых этнических СМИ была только в том, чтобы доносить основную информацию о культуре, политике и экономике до общины, то это не сказать ни о чём. Первоначально этническое СМИ – это средство сохранения культурного наследия. Первые из них были скудны по содержанию, но несли в себе большой элемент отражения истинной культуры переселенцев: язык, стиль изъяснения, оформление. Всё это не просто вдохновляло людей. Отражение, пусть и небольшое, исторической родины в плохо отпечатанной дешёвой листовке играло роль успокаивающего фактора, даря переселенцам знание, что в далёком краю, куда они переселились, они не одни.

Однако одной ностальгией русские иммигранты не удовлетворились, и развитие первичных СМИ получило новый толчок. После "первых проб" русскоязычные СМИ взяли курс на объединение всей русской общины в единое целое. Газеты стали тем самым инструментом, которого так долго не хватало общине. Если провести сравнение эффективности газет и более ранних средств формирования общины (уличных призывов, листовок), то станет понятно, что в подавляющем большинстве, предпочтение отдавалось газетам. Именно они помогали объединять не только членов общины, но и вновь прибывших иммигрантов с соотечественниками.

Полезная информация на родном языке, в совершенно чужой стране, где у новичка нет ни родственников, ни знакомых, может не просто помочь, а оказаться спасательным кругом для совершенно неопытного переселенца. В основном, первые русскоязычные СМИ публиковали информацию о необходимых компаниях, адреса мест встречи общины, полезную справочную информацию о системе здравоохранения и вводный курс о том, как нужно вести себя в стране пребывания [9, с. 3].

Разумеется, первые СМИ обладали и ещё одной важной особенностью. Они спланировали людей не только важностью и актуальностью публикуемой в них информации, но и более высоким уровнем ответственности: газету необходимо было издавать на вполне определённый бюджет. Разумеется, этот бюджет, первоначально формировался за счёт пожертвований членов общины [5, с. 315].

Таким образом, первичные средства массовой информации иммигрантов, создавали как минимум три стимула для формирования этнического единства:

◆ **Религиозный** – первые иммигранты обладали ярко выраженными религиозными чертами, объединялись по религиозным предпочтениям (вероисповедание, принадлежность к той или иной конфессии внутри религии). Данный стимул, особенно ярко выражен в Канаде (религиозная информационная газета "Искра").

◆ **Информационный** – новые иммигранты нуждались в помощи при переезде, в информации о том, где и как можно устроиться, и как правильно себя вести в стране пребывания. Члены уже действующей общины были заинтересованы в получении информации о том, где и когда будут проводиться сборы общины.

◆ **Финансовый** – для получения легкодоступной информации требовалось внести определённое пожертвование (не путать с платой за газету). Для всех первые газеты были бесплатны, а количество пожертвований определялось самим спонсором. Для совершения данного благотворительного действия необходимо было присутствовать на собрании общины.

Таким образом, только зародившись, первичные СМИ уже взяли на себя миссию не только информирования этнической группы об основных событиях и необходимых компаниях, но и объединения всех пред-

ставителей этноса, в одну общину, где каждый её член мог рассчитывать на посильную помощь своих соотечественников.

Но этническая группа, объединённая в одну общину, является ничем иным как самостоятельной ячейкой общества, а это значит, что ей свойственно развитие. С возникновением такого явления, как "эмигрантские волны" [4, с. 5] русских эмигрантов, мы можем наблюдать постепенное возрастание роли СМИ в формировании этнического единства.

Так, с появлением политических иммигрантов, русскоязычные СМИ приобрели целую массу новых функций, выступая уже не только в качестве источника необходимой информации, но и в качестве средства влияния на массы. Рассмотрим основные "новоприобретённые" функции русскоязычной прессы в эпоху политических волнений:

♦ Патриотическая – сразу же, как только в русскоязычных общинах зарубежья появились политические иммигранты, СМИ полностью перешли под контроль "пропитанных духом патриотизма" "изгнанников родины". В газетах начали появляться явно агрессивные статьи о патриотизме, о том, что обустраившиеся на чужбине русские люди забыли, как дорога им родина, как она велика. Это породило целую волну "сочувствующих", и послужило основой для появления очередной, неизвестной до этих пор общинным СМИ функции – политической.

♦ Политическая – после того, как община прониклась сочувствием к политическим иммигрантам, начался процесс "политизации" общины. Ярким примером такой "политизации" выступает Австралия. Именно там, иммигрантам удалось не просто оказать влияние на правительство страны, но и создать собственные союзы (среди которых "Союз русских рабочих"¹), и собственную партию "The Communist Party of Australia"². Именно благодаря массовым выпускам общинных газет, призывающих к единению, удалось привлечь к политическому движению абсолютное большинство иммигрантов.

Так, первые источники массовой информации положили начало массовому объединению разрозненной иммиграции русских в одну общину, наличие которой, заставило задуматься государства разных стран о том, что русская иммиграция оказывает немалое влияние, как на жизнь страны, так и на государственный строй.

Как только зарубежные государства осознали важность существования этнических СМИ, был запущен процесс создания новой ветви информационно-коммуникационных средств, но уже подконтрольных государству.

Так, была запущена в эксплуатацию русская секция международного отделения "радио Канада", ставшего практически единственным источником достоверной международной информации для "западных" эмигрантов, послужившим ещё большему сплочению русскоговорящих граждан по всей Европе и Канаде. В большей мере ещё и потому, что она освещала не только основные события и международную ситуацию, но и в сравнительно небольших временных рамках, рассказывала о жизни русских за рубежом [17].

Однако не во всех странах этот процесс был одинаков. Исследуемые мною страны шли по совершенно разным путям развития средств массовой информации. Так, правительство Австралии, запустило в тестовом режиме, всего на три месяца две радиоточки, вещавшие на русском и нескольких других языках. Вся их задача сводилась к информированию населения на русском языке о системах здравоохранения. Но случилось так, что русская редакция этих двух радиоточек получила настолько

¹ Был создан политэмигрантами в Австралии в 1914 году.

² Коммунистическая партия Австралии, создана в 1920 году, существует до сих пор.

большую популярность, что уже через три года в Австралии появилась уникальная для всего мира государственная специальная вещательная корпорация [18].

Так появилась ещё одна функция зарубежных этнических СМИ, давно уже присущая всем локальным средствам массовой информации того времени. Функция, заложившая фундамент для развития этнических СМИ не только в рамках ускоряющего своё развитие технического прогресса, но и далеко за пределами владеющего им государства. Она объединила русскоязычных граждан по всей планете, позволила им узнавать о жизни друг друга, о тех, кто остался на родине, и о тех, кто продолжил свою эмиграцию дальше, или вернулся по специальным программам обратно. Она позволила им получать то, к чему стремились этнические СМИ на протяжении более чем ста лет:

◆ Социальная – с момента создания первого СМИ, реализация этой функции была не только основной, но и, наверное, главной, на протяжении всех лет существования. Ведь именно благодаря этой функции русские редакция всех СМИ получили доступ к инструментам "донесения" до общественности всей красоты и мощи русской культуры.

К моменту появления этой функции, развитие этнических СМИ вступило в свой самый активный период: появились сначала мысли о телевидении, а потом и первые русскоязычные программы. Общины получили доступ к визуальным СМИ. Теперь, они могли не только читать и слышать, но и видеть свою историческую родину и соотечественников. Именно благодаря этому нововведению, яркую окраску получила ещё одна, формирующая этническое единение, функция СМИ.

◆ Пропагандистская – государство, политики, лидеры движений, религиозные конфессии, крупнейшие корпорации, все они и во все времена хотели получить доступ к управлению мнением людей, их точкой зрения. В настоящее время, в век интерактивных СМИ, эмигранты из разных стран всегда в курсе последних событий и важной информации. На страницах газет расположены многочисленные рекламные блоки, в радиоэфире так же присутствует реклама, а на экранах телевизоров людям предлагают ознакомиться воочию с предлагаемым товаром, услугой или политиком. Благодаря этому теперь СМИ играют в формировании этнического единства не просто важную роль, а одну из важнейших.

Говорить о том, определилась ли Австралия со своим "identity" или нет, примерно то же самое, что и размышлять о том, является ли Австралия материком или островом. Правительство Австралийской Федерации, после объединения самостоятельных колоний¹, определило очень чёткий курс развития страны.

Многоязычный состав не стал фактором способным дестабилизировать общенациональное сознание, поскольку правительство федерации смогло создать уникальную систему, при которой вновь прибывший в страну иммигрант становится частью общества, вливаясь в жизнь страны, и работая на её благо, поддерживая общенациональные идеи и чтя национальных героев. При этом правительство декларирует полную свободу личности, вероисповедания, культуры и языка. Ярким показателем заинтересованности государства в сохранении и стабилизации относительно молодой "идентификации", которую сами австралийцы любят называть "образом жизни", служит наличие в стране уникальной практически для всех государств мира Государственной Австралийской Специальной Вещательной Корпорации "SBS". Корпорация осуществляет радио и телевидение на всех языках многоязычной Австралии.

"В мире живёт шесть миллиардов людей, которым есть что рас-

¹ 1 января 1901 года, шесть самостоятельных колоний Британской империи на материке, образовали Австралийскую Федерацию.

сказать" – сегодня, этот лозунг, практически самой уникальной мультикультурной вещательной корпорации мира, не пустые слова. За этим лозунгом стоят реальные истории со всего света.

Миссия, возложенная на корпорацию, имеет огромный масштаб не только в пространстве, но и во времени. Австралийская Федерация возложила на "SBS", как записано в уставе, задачу по объединению многонациональной страны, созданию единого, сплоченного социума – нации. Каждый иммигрант, прибывая на территорию Союза, получает минимальный пакет информации не только о стране, но и о своей диаспоре. В том числе, и о бесплатных этнических СМИ, для просмотра и прослушивания которых, не требуется специального оборудования и отдельного подключения. Так, уже после того, как вы взяли в аренду машину, встроенный приёмник с лёгкостью можно настроить на русскоязычное радио (к примеру, в городе Сидней, это радио SBS-Sydney).

Привычный для русскоязычной диаспоры Австралии стиль вещания радиостанции, для "новичка" покажется сюрпризом из прошлого. Дело в том, что любая из передач радиостанции, начинается с простого, но в то же время, очень знакомого нашим бабушкам и дедушкам джингла в стиле знаменитого диктора 40-х гг Ю.Б. Левитана: "радио SBS передаёт программу на русском языке". Качественные заставки, цифровой звук, и огромные мощности, отступают перед тем, как именно представляет себе правительство федерации стиль русскоязычного вещания. Отличие в подаче информации, для иммигранта только что прибывшего в Австралию, замечено сразу же. Исторический стиль вещания, создаёт благоприятную среду для слушателя, но, дирекция корпорации забывает о том, что время и царящая в нём атмосфера с годами меняются. Прослушивая полезную и актуальную информацию, чувствуешь, что переносишься в прошлое, что немного не соответствует современному ритму жизни. Медленная, отчётливая, полностью лишённая эмоций речь в стиле Юрия Борисовича, для современного человека создаёт ощущение максимальной серьёзности. Привыкшему к современной российской жизни человеку не хватает темпа (в особенности жителям Дальнего Востока России, которые привыкли к быстрой речи и быстрому темпу жизни). Попытки выяснить, чем обусловлен именно такой стиль вещания, привели к "своду практических правил" корпорации (данные правила регулируют практически все сферы деятельности медиа-структуры, запрещая и разрешая те или иные действия. В том числе, в данном своде прописана приверженность одному стилю вещания. Настоящий стиль русскоязычного радиовещания был создан и утверждён первым директором волны), нарушение которого строго наказывается¹.

Правилам подчиняются не только сотрудники, но и сами вещательные компании, входящие в состав государственной корпорации. Правила же, как и сами медиа-структуры создаются государством, и оно же регулирует их развитие и совершенствование. Это сковывает действия корпорации, заставляя развиваться в строго определённых рамках, разработанных федеральным правительством. В условиях отсутствия проблем с бюджетом, присутствуют государственные ограничения. Иными словами, государство по своей воле, или же неосознанно, сдерживает возможное развитие своих медиа-структур. В чём причина такого поведения, остаётся загадкой, но, судя по настроению журналистов, в основе может быть нежелание политиков потерять контроль над масс-медиа, в случае их внезапного стремительного развития.

SBS-Sydney "Russian" – это одно из отделений государственной медиа-корпорации "SBS". В данном исследовании пойдёт речь о радио

¹ В случае нарушения "свода практических правил", сотрудник будет оштрафован или уволен.

SBS-Sydney. Русскоязычная волна вещает на отдельных аналоговых (97.7 FM) и цифровых (SBS Radio 2 и SBS Radio 2+2H) волнах. Есть несколько типов вещания по стране – национальное (National) и локальное (по городам). Национальная волна вещает на всех языках по определённым часам, в это время её принимает локальная волна, которая вещает 24 часа. Количество часов вещания на национальной волне зависит от множества факторов (в том числе, количество говорящих на языке, размер общин в городах и т.д.). Компания собирает серьёзную статистику и аналитику, на основании которой принимается решение о целесообразности вещания в том или ином городе или районе. Так как вещание происходит практически на всей территории Австралийской Федерации, статистические исследования проводятся регулярно.

Сидней, это один из двух городов, в которых федеральное правительство в 1975 году запустило экспериментальную сеть вещания. Сегодня, в этом городе функционирует цифровая сеть и один из трёх основных офисов радиовещания "SBS". Причём, вещание станции настроено так, что слушатель не знает из какого города, в данный момент, идёт вещание. Дело в том, что офисы как таковые, после очередной корректировки плана развития корпорации (и соответствующего реформирования), с апреля 2008 года утратили самостоятельный статус, и функционируют как единый механизм.

Помощь в данном исследовании мне оказала Директор радио SBS-Sydney "Russian" Сима Цыскина. Эмигрантка из эстонской ССР, родившаяся в городе Таллинн, и окончившая Тартуский Государственный Университет. После работы в газете "Вечерний Таллинн" эмигрировала в Австралию (1979 год). Уже в июле 1981 года она впервые вышла в эфир радио SBS (Тогда это ещё разделенные станции 2EA – Сидней и 3EA – Мельбурн). Госпожа Цыскина рассказала об удивительной истории станции, и о человеке, стоявшем у истоков создания русскоязычного направления в корпорации – Алексее Петровиче Ивачёве (русский эмигрант). Личность эта поистине историческая. Алексей Петрович стоял у истоков практически всех основных русскоязычных сервисов Австралии (газеты "Горизонт" и "Единение", а также Вестник русского этнического представительства штата NSW (New South Wales)). Именно он создал русскоязычное радио SBS (сегодня, SBS включает в себя городские студии, такие как SBS-Sydney "Russian") в том виде, в котором оно существует сегодня. Впрочем, о господине Ивачёве существует множество публикаций в русскоязычной прессе Австралии, как о легенде и практически герое русской общины. Сима Цыскина, как преемник основателя сервиса, в данное время поддерживает заданные в самом начале традиции вещания. По поводу стиля вещания, директор русскоязычного отдела говорит так: "В каком смысле стиль вещания? Я бы сказала – широкое разнообразие материалов: Австралия, Россия, СНГ, политика, история, культура, музыка, спорт (немного, но иногда – эксклюзив для русского слушателя, как, например, интервью и репортажи Андрея Бучко с международных соревнований). А всё остальное регулируется "Codes of Practice" (**Архив автора**). Но, стоит отметить, что единый стиль вещания всё же присутствует, и по нему радио можно узнать сразу. Всё оттого, что начало практически всех программ сильно напоминает стиль Юрия Борисовича Левитана, озвучивающего в 1941 – 1945 гг. своим отчётливым сильным голосом информацию с фронтов. Правда, стоит сделать поправку на тот факт, что радиостанция не российская. Начало передач начинается с приветствия на английском, и только уже потом на русском языке.

В оборудованных по последнему слову техники цифровых студиях по всей стране (а в Сиднее, как и в Мельбурне – 7 студий и 16 аудиобудок) постоянно действует команда из 7 журналистов (Сима Цыскина,

Леонид Третьяк, Владимир Дубоссарский, Алексей Манглет, Тина Васильева – внештатный корреспондент в Перте, Ирина Козыревич – Сидней, Екатерина Данова – Мельбурн) работающих в пределах страны, и 3 контрибьюторов (Ирина Преснякова – Москва, Александр Дядин – Санкт Петербург, Изабелла Гинор – Иерусалим).

Звукозаписывающее и обрабатывающее оборудование в студиях очень мощное и практически самое современное – такое же, как и в корпорации "ABC"¹ – французская система Netia².

SBS-Sydney "Russian", созданная как информационная волна, развивалась в строгом соответствии с первоначальной доктриной. На данный момент, у радиостанции есть своя служба новостей (состоящая из штатных корреспондентов), но имеется доступ и к сторонним австралийским агентствам (на практике это агентства двух корпораций "ABC" и "AAP", а также "и электронные данные от BBC, Свободы, Вестей, Немецкой волны со ссылками и не буквально" – признаётся Сима Цыскина). Новости переводятся в этнической студии. Главное – это местные материалы: люди и судьбы, интервью, приезжие артисты и т.д. Русские общественные организации сами связываются с радиостанцией, с различными предложениями и конкурсами, а также с информацией о предстоящих событиях. Собственные корреспонденты нередко сами делают свои передачи: политика, история, культура. Материалы передают несколькими способами: по телефону (устно для обработки, или сразу в прямой эфир), или по электронной почте (пересылают файлы и тексты). Местные записывают на студии (через Екатерину Данову). Новости "на злобу дня" – выходят в прямой эфир. Интервью также подаются в прямой эфир, но иногда и в записи, в зависимости от ситуации. При всём этом, подход к качеству информации, её интересности и актуальности – стоит на первом месте.

Уместным в этой ситуации будет и вопрос об отношении слушателей к радиостанции. Мои собственные исследования не просто подтвердила, но и дополнила краткой критикой госпожа Цыскина: "Отзывов очень много, звонят, пишут, ругают, хвалят. Очень редко бывают официальные жалобы – но, это только в письменном виде, и непосредственно начальству. Тогда происходит разбирательство – были ли нарушены "codes of practice". У нас нарушений не было. В других редакциях – бывает (редчайший случай). Также, прошу отметить тот факт, что "официальной хвалёбы" не бывает. Что касается "Codes of practice" – это правила, которыми мы обязаны руководствоваться, нарушение может караться взысканием вплоть до увольнения" (**Архив автора**).

На основании собственных исследований, могу сказать, что отношение диаспоры к станции очень тёплое. Об этом свидетельствует множество статей и отзывов. В том числе и отзывов поступающих на саму радиостанцию, ведь там они фиксируются для составления очередной статистики и возможных корректировок программ и передач. В большинстве своём, это происходит благодаря профессиональной кадровой политике корпорации, а также мощной государственной системе контроля качества сервисов.

Для чего государству содержать такую мощную и очень дорогостоящую машину? Ведь во всём мире, этническое вещание носит частный характер. Дело в том, что Австралия, являясь уникальной страной, видимо берёт за самоцель оставаться уникальной во всём. Цель создания

¹ Australian Broadcasting Corporation.

² Система разработанная "Радио Франсе", предназначенная для многоканальных станций вещающих в нескольких режимах (в основном упор на цифровое вещание). Включает в себя все инструменты для профессиональной работы радиостудии, включая инструменты обработки частного и коммерческого контента и т.д.

корпорации "SBS" – это объединение многонациональной страны. Однако не просто объединение множества иммигрантов, а объединение культур, этносов, менталитетов – помощь государству в создании единой нации молодого государства – национального патриотизма, преданности и любви к своей стране. Достижение цели, как говорится в рабочем уставе корпорации, должно произойти за счёт становления индивидуума, то есть отдельно взятой личности со всеми своими профессиональными навыками и знаниями, над теми устоями, среди которых он жил ранее, и принятие окружающего его пространства, людей и их взглядов на жизнь, с помощью понимания и взаимоуважения. Помощь государству корпорация оказывает тем, что помогает гражданам Федерации лучше понять различные культуры, этносы, языки и всё что с этим связано. Также, целью работы мультикультурной государственной корпорации является воспитание патриотизма, национальной гордости и преданности. Вот, что было сказано на одной из конференций "SBS": "Опыт SBS показал, что культурное разнообразие в Австралии может стать источником вдохновения, открытия и трансформации личности".

Цель, поставленная федеральным правительством перед собственной корпорацией, действительно уникальна и даже благородна, но, осуществление такой цели, как правило, не может проходить совершенно "гладко". Как факт, на практике существуют значительные отклонения от намеченного курса. Само государство, преследуя благородные цели, ставит принадлежащие ему корпорации в очень жёсткие рамки. Если слов критики не услышать от журналистов этнических станций, то их коллеги из "ABC" высказывают в адрес правительства резкие слова¹. Правда, жёсткая критика в адрес государства воспринимается большинством граждан Союза порой даже с улыбкой. Дело в том, что федеральное правительство, преследуя цели по созданию нации, об этой самой нации не забывает. Многомиллионные субсидии, помощь населению, поддержка граждан – эта информация всегда на первом месте в любом информационном выпуске, будь то радио, телевидение, или пресса.

Критика в адрес правительства Федерации – явление уместное и не вызывающее негативной реакции у критикуемых. Дело в том, что критика негласно разрешена, но для её высказывания необходима чёткая аргументация с приведением доказательств.

В просторных дорогах студиях "Special Broadcasting Service", ведётся кропотливая работа по подбору необходимой информации, записи её в определённом порядке, с наилучшим качеством. При этом к самой информации относятся весьма серьезно. Информация должна быть подана так, чтобы ни в коем случае не нарушить утверждённые правила – как внутренние для самой студии, так и корпоративные. В целом, если смотреть на студию изнутри, то работа в ней интересная, график напряжённый. На первый взгляд, отличий от работы на русской радиостанции нет. Но это так, если не задумываться над общим списком информации, которая должна быть размещена в эфире. Краткий анализ эфира показывает простой факт – это очень интересный и занимательный радиоэфир, пропагандирующий хорошую жизнь в Федерации. Сегодня государственная пропаганда не просто имеет больший масштаб, она стала более профессиональной, тактичной и уместной.

Государство настолько сильно заинтересовано в создании австралийской нации, что кажется, готово, вкладывать в осуществление своей цели неограниченное количество средств. Действительно, бюджет корпорации похож на бюджет небольшого государства. К примеру, только бюджет помощи самостоятельным радиостанциям (речь идёт о департа-

¹ Для того что бы увидеть на практике волнения журналистов, можно посмотреть/ послушать любой из бесплатных видео/радио каналов Австралии.

менте радиовещания "SBS") равен 100 миллионам австралийских долларов (информация из открытых источников: финансовый отчёт корпорации за 2008 год). И это только фонд помощи на открытие радиостанций. Согласно тем же финансовым отчётам, средства, выделяемые на содержание студий, штата журналистов и менеджмента, содержание массы контролирующих органов превышают сотни миллионов австралийских долларов. Но, исследование касается только русскоязычного радио сервиса, поэтому, сузим круг обзора до SBS-Sydney. Средняя зарплата на русскоязычной студии составляет триста тысяч австралийских долларов в год. При этом, доходы студии, принадлежат корпорации. Говоря о доходах, вспомним, что недавно, "SBS" было разрешено запускать рекламу, которая на данный год составляет 20% бюджета всего медиа-гиганта. Но и тут есть свои подводные камни. Дело в том, что государственная этническая машина не имеет права самостоятельно распоряжаться своими фондами. Бюрократический аппарат самостоятельно решает, как и на какие средства развивать ту или иную отрасль или сервис. Также стоит отметить, что правительство стремиться оснастить свои корпорации, самым современным (а это значит совсем не дешёвым) оборудованием.

Находясь внутри русскоязычной редакции, наблюдая за напряжённой работой профессионалов, у которых за плечами огромный опыт, и накопленные знания, узнав о крайне жёсткой кадровой политике корпорации, способствующей тому, что в штате работают только очень опытные и грамотные люди, которых, к сожалению, ощущается острая нехватка, можно сделать вывод: чем больше государство заинтересовано в собственных этнических сервисах (частных радио и телеканалов в Федерации нет), тем больше будет у них возможностей, а у русскоязычных иммигрантов (говоря о русскоязычной редакции) больше условий для мягкой адаптации, сохранения памяти о своей родине и родной культуре.

Канада

В наше время "феномен" эмиграции вышел на официальный государственный уровень. Главы государств посещают этнические представительства соотечественников в разных странах, и даже оказывают помощь в развитии различных сервисов, в том числе и средств массовой информации. В настоящее время существует определённый ряд исторических очерков о русскоязычных общинах за рубежом [1, 12]. Большая часть публикаций описывает общины в "популярных" странах, количество которых, строго лимитировано (возглавляют список США, Германия, Англия, Франция). В то же время, история не стоит на месте. Русскоязычные общины растут, со временем появляется необходимость в собственных СМИ, и, как следствие, СМИ учреждаются, эволюционируют и становятся реальными игроками рыночного сектора. Но информация об общинных средствах массовых коммуникаций всё также доступна по очень узкому кругу стран, и по прежнему мало исследована.

Первые эмигранты, переселявшиеся в Канаду, уезжали из Российской Империи под давлением религиозного гнёта. Переселившись на североамериканский материк, они не имели никакого желания, возвращаться обратно. Однако основной целью русских эмигрантов в Канаде, было сохранение религиозного наследия, обрядов, правил и обычаев. После того, как наши эмигранты обжили освоенные территории, они начали сталкиваться с необходимостью собственного источника информации на родном языке. Постепенно в русскоязычных общинах такие источники появились.

Информация о самых первых русскоязычных СМИ Канады прак-

тически отсутствует. Старейшие же из существующих в настоящее время очень хорошо известны. Это не удивительно, поскольку сделать издание рентабельным в Канаде не так-то и легко. Поэтому такие издания, как "Искра", можно считать верхом профессиональной деятельности и популярности [7].

Журнал "Искра" издается Союзом духовных общин Христа, объединяющем потомков русских духоборов (30 тысяч), переселившихся сюда в конце XIX века. Журнал печатается на английском и русском языках, выходит один или два раза в месяц в провинции Британская Колумбия с 1945 года. "Искра" носит характер духовного издания и ориентирована на духоборческую аудиторию. Значительное место занимают произведения духоборческих лидеров, в том числе Льва Николаевича Толстого, хроника духоборской истории, исторические публикации. "Издание "ИСКРЫ" посвящено содействию духовного просвещения, повышению роста моральной нравственности, развитию культурных ценностей и расширению умственного кругозора у своих читателей. Оно также посвящено вдохновению читателей к более ценному, сознательному вкладу в общество, в жизнь сущности духоборческого мировоззрения, основанного на законе Божьем и учении Иисуса Христа". Когда журнал "Искра" был установлен как официальное издание Союза Духовных Общин Христа (USCC) – 62 года назад, – никто не предполагал, что он будет издаваться непрерывно на протяжении более чем шести десятилетий!

Газета "Голос общины" – самая "старая" из ныне издающихся русскоязычных газет Монреаля. Финансируется из фондов Jewish-Russian Media Foundation. Существует с 1994 года, тираж – 5000 экземпляров, выходит 2 раза в месяц. Распространяется также в Оттаве, Торонто, Ванкувере. Вот как позиционирует себя сама редакция газеты: "Это – уникальная газета на русском языке. Газета была создана для новых русскоговорящих канадцев, которые иммигрировали в Канаду после краха прежнего СССР. Каждую вторую неделю газета распространяется бесплатно не только на территории Большого Монреаля, но также в Ванкувере и Оттаве. Газета "Голос Сообщества", как часть Объединенной Общины русскоговорящих евреев Квебека организывает тематические вечера, встречи и много других действий и предоставления, укрепляет наше единство и представляет наше разнообразие".

Газета "Young Street Review" выходит с 1996 года один раз в неделю, распространяется в других регионах. Тираж – 10 000 экземпляров. Наряду с рекламной информацией, публикует авторские статьи, рецензии из канадских и американских газет, новости русскоязычной общины.

Газета "Ванкувер и мы" – старейшая на западном побережье, выходит с 1996 года, и является наиболее профессиональной. Распространяется бесплатно [10].

На сегодняшний день, в Ванкувере широко известны такие издания как – Русский Экспресс, журнал "Bonus", Беседа, Канадский Курьер, Карусель, Плюс, Russian Canadian Info, Запад Восток, Русский Репортер, TV-Review, Американка, Вечерний Торонто, журнал "Форум", Эксодус, и платные газеты "Наша Газета" и "Наша Канада".

С развитием технологий в жизнь русской общины Канады, плотно входит радио и телевидение. К сожалению, в отличие от других стран, появление русского телевидения в Канаде, ввиду его относительной молодости, относится больше к современному этапу истории. Радио же появилось намного раньше.

Radio Canada International (RCI) [8]. Первые годы Международного отдела RCI были отмечены быстрым ростом, как радиостанции, так и аудитории. 25 февраля 1945 года была открыта коротковолновая служба.

Передачи шли на английском, французском и немецком языках. Вещание шло на Великобританию и Западную Европу. Его объем составлял шесть часов в день. С самого начала у новой радиостанции стала появляться своя аудитория. Рапорты о приеме того времени указывают, что у канадского радио был тогда самый чистый в Северной Америке сигнал на коротких волнах. В январе 1951 года была открыта русская секция, а в сентябре 1952 года началось вещание на украинском языке. Канадцы, говорившие на этих языках, а иногда и граждане из Восточной Европы, регулярно передавали неподцензурные новости, комментарии и репортажи о Канаде для аудитории за железным занавесом. Вместе с другими радиостанциями Международный отдел давал надежду людям, у которых не было никакого другого адекватного источника информации. 29 января 1955 г. в рамках реорганизации прекратила вещание финская секция. Французская служба претерпела еще большие бюджетные сокращения, чем профильная английская. Из-за финансовых сокращений исчезли голландская, датская, норвежская, португальская, испанская и шведская секции. Однако, некоторые службы выиграли от новой сетки вещания: к примеру, русская международная передача из Канады, увеличила время своего вещания на 50% (Это было обусловлено тем фактором, что в середине 50-х годов появилась необходимость в передачах о состоянии мира и позиции Канады, в том числе и в отношении России, в которой на то время наблюдалась сложная политическая обстановка).

Вплоть до середины 80-х гг. ситуация с русскоязычным информационным полем контролировалась исключительно на государственном уровне, и лишь в 90-х годах Канада испытала настоящий этнический телекоммуникационный бум.

Ситуация с русскоязычным телевидением обстояла менее радужно. Периодически появлялись идеи о создании мультиязычных передач и каналов. Тем не менее, до их серьезной реализации дело не доходило. Так продолжалось до тех пор, пока инициатива не перешла в руки телекоммуникационной корпорации Rogers. Она взяла под свой контроль большинство каналов и учредила кабельную сеть, по которой запустила вещание российских телеканалов. Так же по кабельной сети начали показывать и местные передачи. Правда, и после этого основную задачу информирования представителей отечественной диаспоры на всей территории Канады решить не удалось.

Начиная с середины 90-х годов ситуация со всеми русскоязычными СМИ начала резко меняться. Новые промышленные мощности, спутниковые технологии и активный интерес иммигрантов к своей исторической родине сделали свое дело.

Проблемы русскоязычных СМИ в Канаде

Первое, о чём задумывается иммигрант, приехавший в Канаду – "Есть ли здесь русские?". Ответ на свой вопрос он получает довольно быстро. И не только потому, что русскую речь в Канаде можно услышать довольно часто в любых местах – магазинах, барах, стадионах, поликлиниках, университетах. В Канаде существует довольно обширная сеть развитых русскоязычных сервисов. Только информацией об их существовании обладает не вся заинтересованная в них аудитория. Как следствие, развитие сервисов происходит очень медленными темпами. Так что же стоит на пути роста и развития русскоязычных медиа-компаний в Канаде?

Фактор первый – "финансы". С первого взгляда, этот фактор является основным для начала любого бизнеса и в самой России. Однако в Канаде мы сталкиваемся с другой экономической системой, отличной от той, к которой привыкли в своей стране. Основным источником дохода радио и телеканалов является абонентская плата. На первоначальных

этапах развития, медиа-компания требует вложения существенных инвестиций. Любая помощь, даже самая скромная, на каналах принимается с радостью. Что подтверждает директор и главный редактор русскоязычной программы "RUSSIAN TV United Voices", Ирена Лючиу: "Было и такое, что пенсионеры старались помочь, кто, чем мог, присылали по 20 долларов в фонд программы, отрывая от своей скромной пенсии или пособия" [19].

Между тем, добровольная помощь абонентов, является хорошим показателем успешности и что самое главное – востребованности транслируемых программ и передач. Что лишней раз доказывает необходимость существования такого сервиса для общины. Тем не менее, востребованность, это ещё не показатель самоокупаемости, и, что важно для любого бизнеса, доходности. Русскоязычные общины, благодаря многолетнему соперничеству между двумя крупнейшими медиа-компаниями Канады Rogers and Shaw, обладают широким выбором сервисов на русском языке (телевидение, радио, интернет и т.д.). Это даёт потребителю, возможность делать выбор в пользу более качественного продукта. Рекламодатели, впрочем, обращают внимание не на слова, а на реальный рейтинг программы, который легко установить по количеству абонентов. Всё это заставляет владельцев русскоязычных каналов и программ придумывать новшества и выстраивать оригинальный видеоряд, с целью заинтересовать своих настоящих и будущих абонентов.

Фактор второй – "аудитория". Создавая программу, для выхода в эфир которой необходимо задействовать десять человек, чей труд должен быть оплачен, необходимо иметь достаточное количество желающих оплатить просмотр этой программы. Именно на данном этапе, большинство создаваемых аудиовизуальных СМИ прекращают своё существование. По статистическим данным Tims International (Агентство, официально аффилированное Министерством Иммиграции Канады, ежегодно отслеживающее все изменения в иммиграционной статистике, законодательстве и регулировании), на 2009 год, русскоязычное население Канады приближается к отметке в 500 000 человек, что составляет примерно 1,47% от населения всей Канады. В случае, когда конкуренции нет, и абонентская плата составляет один канадский доллар, даже половина из живущих в Канаде русскоговорящих соотечественников, сможет содержать очень большую передачу или программу. Однако программа не одна, а абонентская плата даже для самой маленькой передачи, колеблется от 3-х канадских долларов.

Фактор третий – "спрос". Представители русскоязычной общины практически не знают о том, какие передачи и программы на русском языке есть в Канаде. Бизнес-сообщество, в большинстве своём, даже не интересуется наличием таких сервисов, отдавая предпочтение интернету или общеизвестным новостным компаниями.

Причина такой неосведомлённости скрыта не в плохой рекламе и промоушене – этого хватает, а в следующем, четвёртом факторе – "социальном". На летней конференции "Shaw" 2008 года, были обозначены истинные причины низкого уровня спроса на русскоязычные этнические программы и передачи. Они обусловлены не отсутствием профессионализма, ведь подбирать пытаются максимально профессиональные кадры, а в том, что иммигранты состоят из нескольких "волн". Как показывает и практика, и статистика, первые и самые многочисленные из "иммиграционных волн", не очень любят свою историческую родину, ассоциируя её с бывшим СССР. Но, как было озвучено на той же конференции, компании, предоставляющие русскоязычные сервисы, ведут активную пропаганду, целью которой является изменение такого отношения. Это должно привести к увеличению абонентской базы, и как следствие,

к увеличению прибыли.

Русскоязычная телепрограмма United Voices.

Одним из сегментов "Shaw" является самостоятельная, этническая теле-радиокомпания – "Shaw Multicultural Channel" [19], которая в свою очередь, транслирует множество этнических программ и передач, среди которых нашлось место и русскоязычной программе "United Voices", выходящей в эфир два раза в неделю, с продолжительностью в 30 минут.

Госпожа Ирена Лючиу – директор и главный редактор русскоязычных программ и передач "United Voices" и "United Vibe". Ирена относится к тем людям, что начинали свою профессиональную карьеру ещё в Советском Союзе. Всё началось с факультета журналистики в Кишиневском Государственном Университете, после которого последовала практика в Останкино и аспирантура в Москве. До того, как возглавить русскоязычный сервис в Британской Колумбии, она успешно вела программу "ТВ-М" на русском языке на многонациональном канале Rogers в Торонто.

"В общем, все понимают, что телевидение это особый вид искусства" – говорит Ирена о русскоязычных передачах в Канаде. Тем более что, "человек в кадре" на этническом канале, очень быстро становится известным и популярным. Впрочем, учитывая тот факт, что телевидение – это самый короткий путь к известности, нужно помнить, что оно является очень трудоемким и дорогостоящим производством. В создании даже самой небольшой программы задействованы минимум 10 человек.

В составе редакции работают профессионалы с многолетним опытом работы в телевизионном искусстве. Это – телеоператор Майкл Гэйл, график дизайнер-монтажер Елена Демьяненко, администратор-сценарист Мария Романо, опытный костюмер-гример Людмила Осипова, и многие другие. Все эти профессионалы выбрали Ванкувер не зря. Дело в том, что Британская Колумбия является третьим районом по количеству эмигрантов из России, и если учитывать численность и качество русскоязычной общины, можно смело утверждать, что спрос на локальные передачи и программы, здесь должен быть высокий.

Опыт прошлых лет позволил построить программу таким образом, чтобы полностью исключить акцент на языковом принципе. Телевидение – это, прежде всего, действие и видеоряд. Монтаж строится так, чтобы сюжеты менялись довольно быстро – красивые ведущие, экстравагантные эстрадные исполнители, эффектные моды, красочные виды города. Подборка новостей за прошедшую неделю тоже динамична и длится не более 10 минут. Это единственная часть, где необходимо понимать русский язык, но в дальнейшем этот блок может идти с субтитрами.

"United Voices" имеет строго определенную аудиторию – русскоязычную диаспору. Однако отношение тех, для кого ориентирована телепередача – неоднозначно. Большинство эмигрантов из России весьма скептически относятся ко всему, что связано с их бывшей родиной. Попытки "заманить" их на телевидение не приносили успеха. Представители первых трех волн эмиграции сохранили негативное впечатление о России. Они не поддерживают, не понимают, и более того, не хотят понимать политику русскоязычной передачи.

На фоне такого отношения к общинным СМИ, особое внимание стоит уделить сети вещания. Телекомпания Shaw Multicultural распределила время и количество выходов в эфир этнических передач на основании зрительских рейтингов, которые складываются из отзывов и финансовой поддержки. По результатам рейтинга, русскоязычным программам отведено два выхода в неделю – по пятницам в 9:30 утра и по воскресениям в 16:00. Стоит так же отметить, что в данное время, есть перспектива расширения временного диапазона вещания. Так же,

значительным фактором является то, что вещание русскоязычных программ происходит лишь в районах максимальной востребованности, а именно: Метро Ванкувер, Остров Бовен, Скуамиш и Вислер, а так же в Дельте, где "Shaw" вещает на 51-ом канале [17].

В таких условиях, цель, которую преследуют организаторы – воспитание патриотизма, становится ещё более труднодостижимой, так как вещание происходит, на данный день, ещё не по всей Канаде. Не помогает в этом случае, даже запущенный спутник, который не так сильно разрекламирован. Даже учитывая тот факт, что первую Ка-диапазонную лицензию на слот 107,3° з.д., компания получила ещё в 2000 году. После того, как на собственном опыте чувствуешь, насколько кропотлив и тяжёл труд сотрудников "United Voices", понимаешь, что каждый новый абонент (а их не менее 60 тысяч), это результат настоящей, профессиональной борьбы с широко представленными на рынке англоязычными программами.

Как исследователь и тем более журналист, я приняла участие в этой борьбе. Результат проявился после первой же съёмки.

Первая передача, где я приняла участие, на тему патриотизма, требовала моего мнения, как человека только что приехавшего из России на учебу в Канаду. В рамках программы, участники, включая и меня, обсуждали вопросы, касающиеся пребывания в новой для себя обстановке, полученных впечатлениях и возможных положительных или негативных ощущениях во время интернациональных встреч и бесед при обучении и проживании в стране. В конце программы, мы затронули тему патриотизма. Были подняты вопросы, касающиеся любви к родине, тоске по ней, а так же о том – что нельзя забывать о том, что ты русский. Вскоре после этого, в студии стали поступать звонки от телезрителей. Одни говорили, что "действительно, ни в коем случае не надо стыдиться, что ты русский. Более того, надо это говорить с гордостью. Люди уезжают из своей страны по разным причинам, но от этого не перестают быть россиянами". Другие же, наоборот, были очень недовольны.

Звонков с положительными высказываниями по поводу патриотической программы оказалось намного меньше. Такая реакция не расстроила госпожу Лючию, наоборот, она проявила себя как уверенный в будущем своих программ директор, и прокомментировала ситуацию по-своему: "Чем больше будет русского телевидения и газет, – тем лучше для читателей и зрителей, лучше для нашей общины. Мы должны гордиться тем, что мы, русские, имеем свою общину, свои газеты, свое русскоязычное телевидение" (**Архив автора**).

Если представить, что "United Voices" государственная передача, то удивляться не стоит, но "United Voices" располагается на площадках частной компании "Shaw", и, как следствие, тоже является частной. Созданная по инициативе нескольких сторон, программа преследует основную цель любой коммерческой деятельности – получение прибыли (на 2009 год, капиталоборот программы составляет примерно 900 000 канадских долларов, без учёта дохода от рекламы). Сторонами было решено, что основой статьёй дохода будут рекламные сюжеты, которых впоследствии стало очень много. Профессионализм команды позволил интегрировать рекламные сюжеты в обычные, а в некоторых случаях, замещать обычный сюжет рекламным.

Пребывание русскоязычного телевидения в таком зародышевом состоянии, заслуга нашей диаспоры. Ведь не случайно, что индусы или китайцы дошли уже до 12 часов телевизионного времени в сутки. На данный момент, дирекция "United Voices" старается "вырвать" у "Shaw" хотя бы еще полчаса, в рамках которых может появиться возможность транслировать жизнь русской общины. Иными словами, увеличить вре-

мя на так называемый "local journal"¹.

Информационные выпуски программы, по тематической структуре, отличаются от программ других телекомпаний. Там в основном все выпуски однотипны: внутренняя информация, международная, спортивная, сводка погоды. Здесь же – краткая информация о том, что увидят телезрители в течение 30 минут, внутренняя информация (локальные новости "United Vibe"), информация, касающаяся непосредственно самой программы (трансляция каких фильмов будет осуществляться на этой неделе) и заключительный музыкальный клип (**Архив автора**). Складывается отчетливое впечатление, что "United Voices" всё больше и больше приближается к виду ток шоу, в то время как из неё ярко выделяется новостная передача "United Vibe".

Что же касается жанров и характера отбираемых материалов, то практика "заманивания" зрителя, особенно характерная для коммерческого вещания в Канаде, используется и в русскоязычной программе "United Voices". Специфика работы служб телеинформации страны сказывается в форме подачи новостей. Хотя то, что я увидела, мало напоминает англоязычное канадское телевидение. В России мы привыкли, включая новости, видеть ведущего в привычной студии. В Канаде ведущие преподносят зрителю весьма эмоциональный диалог, чтобы разрядить обстановку. В программах "United Voices" вы не увидите ничего подобного. Ведущая предстаёт перед зрителем в домашней обстановке, в своей квартире, где рассказывает о том, что предстоит увидеть телезрителю.

Учитывая то, что отзывов о компании поступало даже в моём присутствии очень много – спрос на телепередачу есть, и хочется отметить – не маленький. Кроме того, я лично наблюдала рост рейтинга передачи, благодаря которому у дирекции появилась возможность увеличить эфирное время. Именно такое поведение абонентов является залогом успешного развития передачи.

В заключение нельзя не обратить внимания на тот примечательный факт, что в сохранении русской культуры активное участие принимает эмигрантка из Молдовы. Как жаль, что слишком мало эмигрантов из России, задумываются об этом.

Литература

1. Бэттлер А, Бэттлер В. Иммиграции в Северную Америку / В. Бэттлер. – М.: Интердиалект+, 1997. 232 с.
2. Воблый К.Г. Заокеанская эмиграция, ее причины и следствия. Варшава, 1904.
3. Давидсон, А.Б., Макрушин, В.А. Зов дальних морей / А.Б. Давидсон, В.А. Макрушин. М.: Гл. ред. восточной литературы изд-ва "Наука", 1979. 326 с.
4. Каневская, Г.И. "Я бездомный, но зато на воле..." Русские перемещенные лица в Австралии (1947 – 1954 гг.) / Г.И. Каневская. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2005. 232 с.
5. Ковалевский, П.Б. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920 – 1970) / П.Б. Ковалевский. Париж, 1977. 347 с.

---

¹ Местные новости

6. Курчевский Б. О русской эмиграции в Америку. Либава, 1914.
7. Международный исторический журнал /Институт "Открытое общество" (Фонд Сорос). М.: № 19, 2002. [Электронный ресурс]. URL: <http://history.machaon.ru> [Дата обращения: 14.10.2010 г.]
8. "Радио Канада" (Официальный сайт) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rcinet.ca> [Дата обращения: 14.10.2010 г.]
9. Русская еженедельная газета "Единение" / Русская газета в Австралии. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unification.net.au> [Дата обращения: 02.03.2010].
10. Русский информационный портал Ванкувера. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vancouver.ru> [Дата обращения: 14.10.2010 г.]
11. Судьбы поколения 1920 – 1930-х годов в эмиграции: Очерки и воспоминания / Ред. сост. Л.С. Флам. М.: Русский путь, 2006. 472 с.
12. Телелабиринты: Буржуазное ТВ сегодня. Популярны очерки /Под ред. Н.А. Голядкина. М.: Искусство, 1988. 270 с.
13. Тизенко П. Эмиграционный вопрос в России. 1820 – 1910. Либава, 1909.
14. Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fapmc.ru/> [Дата обращения: 15.02.2010]
15. Федеральное архивное агентство. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusarchives.ru/> [Дата обращения: 23.02.2010]
16. Филиппов Ю.Д. Эмиграция. СПб.: 1906.
17. Library and Archives Canada (LAC)/ Government of Canada official Web Site. – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.collectionscanada.gc.ca> [Дата обращения: 15.03.210]
18. Northern Territory – annexed to SA 1863-1911 since then a Commonwealth territory published fiche [GSNT] National Archives of Australia (Brisbane) [Электронный ресурс]. URL: <http://naa.gov.au/> [Дата обращения: 03.02.2010]
19. Shaw Investor Relations Department. (Официальный сайт Shaw Communication) – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.shaw.ca> [Дата обращения: 14.10.2010 г.]

УДК 314.74

Ставров И.В.

Некоторые вопросы адаптации россиян в Маньчжурии в первой половине XX века

Some aspects of Russian's adaptation in Manchzhuria
in the first half of the XXth century

Статья посвящена изучению адаптации российских эмигрантов в Северо-Восточном Китае в начале XX в. Используя материалы Государственного архива Хабаровского края, автор демонстрирует культурно-просветительскую роль русских эмигрантов и знакомит читателя с проблемами их адаптации к инокультурной среде. Несмотря на активную просветительскую деятельность, российская диаспора в целом оказалось не восприимчивой к китайской культуре.

Ключевые слова: *Маньчжурия, Северо-Восточный Китай, российская эмиграция, адаптация, аккультурация*

This article is devoted to the problem of adaptation of Russian emigrants in North-East China in the beginning of XX century. Using materials of the State Archive of the Khabarovsk Territory, the author demonstrates the cultural and educational role of Russian immigrants, and introduces readers to the problems of adaptation to alien cultural environment. Despite the extensive outreach activities, the Russian diaspora as a whole was not receptive to Chinese culture.

Key words: *Manchzhuria, North-East China, Russian emigration, adaptation, acculturation.*

Вопросы истории российской эмиграции неоднократно поднимались в отечественной и зарубежной историографии. Не нова для науки и тема российской эмиграции в Маньчжурии. Ее изучением занимались такие авторы как Г.В. Мелихов, Е. Таскина, В.Ф. Печерица, О.И. Сергеев и С.И. Лазарева, Н.Л. Горковенко и Н.П. Гридина, Г.П. Белоглазов, Н.И. Дубинина и другие. Названными исследователями был проведен разносторонний анализ проблем адаптации русских мигрантов, рассмотрена общественно-политическая и культурная деятельность россиян.

Тем не менее, практически вне зоны внимания исследователей осталась такая важная проблема как восприятие и усвоение русскими эмигрантами китайской культуры. Нам удалось выявить ряд неиспользованных до сих пор архивных источников, на основе которых в настоящей работе мы попытаемся рассмотреть этот аспект жизни выходцев

Работа выполнена при поддержке гранта Отделения историко-филологических наук РАН, проект № 09-1-ОИФН-01

из России в Китае.

Появление российских граждан в Маньчжурии связано со строительством Китайской Восточной железной дороги (КВЖД), начатом в 1897 г. Опорным пунктом строительства был выбран г. Харбин, в котором концентрировалось русское население. С началом революции 1917 г. и вызванной ею гражданской войной начинается активный рост русскоязычного населения в Китае и, особенно, в его Северо-Восточных провинциях. К 1930-му г. численность русских составляла 125 тыс. чел, из них в Маньчжурии проживало 110 тыс. (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 1. Д. 218. Л. 3-6). До 1934 г. россияне состояли в различных эмигрантских организациях, но с началом японской оккупации и провозглашением Маньчжоу-Го все эмигрантские организации стали подчиняться "Бюро российской эмиграции в Маньчжурской империи", через которое оккупационные власти установили контроль над россиянами. По окончании II Мировой войны начался массовый отток русских из Китая, который в основном заканчивается в 1949 г. с образованием КНР.

Вклад россиян в развитие Северо-Восточных провинций Китая весьма значителен. Деятельность русских эмигрантов можно разделить на культурно-просветительскую и торгово-экономическую. Благодаря русскому капиталу происходит промышленное развитие региона¹. Также весомый вклад внесли русские эмигранты в культурное развитие Маньчжурии. Они издавали более 250 журналов, газет и других периодических изданий на русском языке. Создавались научные общества, вузы (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 1. Д. 218. Л. 18-20). Именно культурно-просветительская работа россиян способствовала распространению русской культуры среди китайцев и наоборот. Остановимся подробнее на этой стороне деятельности эмигрантов.

Важный вклад в изучение региона внесло Общество русских ориенталистов. При освоении севера Маньчжурии русские поселенцы встретились с отрицательным отношением местного населения. Выход из сложившейся ситуации подсказали иностранные державы. Для более глубокого проникновения в Китай они создавали научно-просветительские общества, которые с одной стороны занимались изучением культуры, экономики, социального строя Поднебесной, а с другой — знакомили китайцев со своей культурой. К истокам создания Общества можно отнести деятельность русско-китайского собрания в Харбине в конце первого десятилетия XX века, которое было вскоре закрыто в связи с невыполнением поставленных целей. В дальнейшем была попытка создать "Восточный клуб", которая также не была воплощена в жизнь. Данные обстоятельства привели к идее сплочения российских востоковедов в Харбине и других городах Китая [4, с. 26].

Основной целью общества стало чтение популярных лекций. Эту попытку предприняли пекинские и тяньцзиньские ориенталисты, выпускники Восточного факультета Санкт-Петербургского университета и Восточного института (г. Владивосток). На организационном собрании, состоявшемся в Пекине 12 июня 1908 г., присутствовало 80 человек. На нем был избран комитет из пяти человек, которые должны были разработать устав Общества, его программу и т.п. Но разногласия не позволили претворить проект в жизнь. Тогда к идее создания общества вернулись харбинские ученые-востоковеды. 21 июня 1908 г. в Харбине состоялось совещание, на котором было принято решение действовать самостоятельно и в дальнейшем устранить разногласия между пекинскими, тяньцзиньскими и харбинскими учеными. Научными задачами

¹ Размер русского капитала в Маньчжурии составлял 1180 млн. долл., уступая только японскому (1800 млн.). Капиталы прочих стран составляли лишь 100 млн. долл. (См.: ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 1. Д. 218. Л. 14.)

общества стали: всестороннее изучение стран Восточной Азии и публикация в печати результатов исследований [4, с. 26].

На втором совещании (12 октября 1908 г.) был разработан проект устава и утверждено название организации – "Общество русских ориенталистов".

Важным результатом деятельности Общества стало издание журнала "Вестник Азии"¹, выпускавшейся с 1909 по 1926 гг. На его страницах печатали свои работы такие ученые как А.В. Гребенщиков, И.Г. Баранов, И.А. Добролювский, Н.В. Кюннер, П.В. Шкуркин и др. Их работы были посвящены исследованию социальных, политических, экономических проблем стран Восточной Азии, а также материальной и духовной культуры китайцев, маньчжуров и других национальных меньшинств, проживающих на Северо-Востоке Китая [См., например: 5; 6; 11].

Но научно-издательская деятельность Общества не ограничивалась только изданием журнала. Востоковедами Харбина издавались монографические исследования по различным аспектам жизни народов Китая. В частности, И.А. Добролювский опубликовал серию работ, посвященных китайскому Северо-Востоку [7; 8], И.Г. Баранов сконцентрировал свое внимание на изучении верований и обычаев китайцев [1].

Еще одним направлением деятельности Общества русских ориенталистов стала организация курсов восточных языков для российских служащих КВЖД. Работа по созданию курсов началась в 1911 г. В этом году было проведено заседание, посвященное образованию Семинарии восточных языков при Обществе. Российский посланец в Пекине И.Я. Коростовец готов был оказать финансовую помощь в размере 1200 руб. в год. Предполагалось ввести двухгодичные курсы, в рамках которых велось бы преподавание не только китайского, но и монгольского, маньчжурского и японского языков, а также географии, экономики и законодательства стран Восточной Азии [4, с. 34]. Однако из-за финансовых трудностей курсы были открыты лишь в декабре 1923 г.

Таким образом, итогами деятельности Общества русских ориенталистов стало всестороннее изучение истории и культуры стран Восточной Азии, также велась активная издательская деятельность, которая была прекращена в 1927 г.

Свой вклад в изучение региона внесло Общество изучения Маньчжурского края (ОИМК), образованное в начале 1922 г. [3, с. 263; 9, с. 127]. В отличие от Общества ориенталистов деятельность ОИМК была сосредоточена на исследовании природы Маньчжурии, создании природоведческих музеев, чтении публичных лекций. То есть ОИМК во главу угла ставило практические задачи, связанные с перспективами экономического развития региона. Результаты исследований публиковались в специальных периодических изданиях, таких как "Известия Общества изучения Маньчжурского края" (с 1923 по 1929 гг. всего вышло 10 выпусков), "Труды Общества изучения Маньчжурского края" (опубликовано 9 выпусков).

Деятельность научных обществ способствовала активному социально-экономическому развитию региона, распространению знаний о нем, как среди русского, так и местного населения. К сожалению, с началом японской оккупации Северо-Восточного Китая, их деятельность в основном прекращается, что, безусловно, наносит урон русско-китайским культурным связям.

Еще одной сферой деятельности россиян стала организация на территории Маньчжурии высших учебных заведений. Центром высшего

¹ Среди задач журнала были: "Удовлетворение интереса" читателей о "странах Азии"; знакомство с экономикой и культурой Японии и других государств Дальнего Востока и др. (См.: ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 2. Д. 17. Л. 68-68 об.).

образования стал г. Харбин. В 1920-е гг. в городе возникло два крупных вуза – Харбинский политехнический институт и Юридический институт (факультет). Действовали и более мелкие вузы – Институт ориентальных и коммерческих наук, Педагогический институт и др.

Юридический факультет просуществовал с 1920 по 1937 гг. Первоначально в его стенах работало пять преподавателей, а первый выпуск 1924 г. состоял из шести человек. Но в дальнейшем численный состав, как преподавателей, так и студентов увеличился до 50 и 1000 человек соответственно [4, с. 56-57]. Преподавательский состав факультета вел активную работу по изучению Китая. В частности, были выпущены исследования, посвященные законодательству, экономике, этническим проблемам страны [4, с. 58, 60]. В рамках вуза были организованы студенческие научные кружки – философский, гражданского и трудового права, литературный, востоковедный. Факультет издавал периодическое издание "Известия Юридического факультета", на страницах которого печатались работы не только юридического плана, но и по культуре Китая, его экономике, социальным отношениям, что способствовало лучшему познанию культуры страны-реципиента.

Сходная ситуация сложилась и в других вузах. Например, Институт ориентальных и коммерческих наук (просуществовал 10 лет) подготовил большое число специалистов-синологов.

Важно отметить, что в высших учебных заведениях, основанных русскими эмигрантами, обучались не только бывшие российские граждане, но и представители других национальностей. В частности, в Северо-Маньчжурском университете обучались русские, армяне, грузины, китайцы, корейцы, маньчжуры и др. (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 1. Д. 114. Л. 61).

Изучением истории и культуры Китая и стран Азии занималась не только профессура университетов, члены специализированных обществ, но и молодежь – та часть населения, которая наиболее восприимчива к изменениям. Так, при Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи действовал Союз национальной молодежи. Одной из сфер его деятельности была научная. Под эгидой данной организации находилось научное общество, в рамках которого было создано востоковедное направление (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 1. Д. 16. Л. 9-10).

Таким образом, одним из элементов этнокультурного взаимодействия россиян и китайцев была научно-просветительская деятельность. Россиянами были исследованы различные аспекты общественной жизни принимающей страны, а также ее природно-экономический потенциал. Во-вторых, было основано несколько высших учебных заведений, в стенах которых велась подготовка специалистов различных областей, в частности, востоковедов. Русские и китайские студенты в стенах ВУЗов взаимодействовали на бытовом уровне. Тем не менее, степень аккультурации россиян была не высока. Ниже мы рассмотрим некоторые факты, подтверждающие данный тезис.

Процесс аккультурации подразумевает не столько академическое изучение новой культуры, сколько восприятие ее на повседневном уровне. Таким образом, в данном отношении необходимо учитывать, сколько человек знает язык страны-реципиента, как на этих людей влияют традиции данного государства, частота общения с представителями другого этноса и т.п. [См., например: 12].

В фондах Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи находятся тысячи личных дел российских эмигрантов. Для предварительного ознакомления мы просмотрели шесть дел, взятых в случайном порядке, в которых содержалась информация по семи эмигрантам. Из них лишь трое знали иностранные языки, и ни один не знал

китайского языка (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 1, 110, 3451, 11505, 14067, 18414).

Как отмечалось выше, изучение китайского языка проходило в рамках Общества русских ориенталистов, а также вузов. С началом японской оккупации Северо-Восточного Китая и провозглашения марионеточного государства Маньчжоу-Го сократилось число курсов по изучению китайского языка и, наоборот, происходит распространение японского языка. В частности, среди лиц, чьи личные дела мы просмотрели, двое знали японский язык. Также, новое правительство вводило курсы японского в учебные программы (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 1. Д. 59. Л. 109).

Отражение процесса этнокультурного взаимодействия россиян и китайцев прослеживается при рассмотрении перечня официальных праздников русских эмигрантов (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 1. Д. 245. Л. 2). В этом списке нет ни одного китайского праздника. Среди знаменательных дат, которые отмечали эмигранты – Октябрьская революция 1917 г. ("День непримиримости"), гибель царской семьи ("День общерусского траура") и др. Как мы видим, эти даты были связаны с трагическими для России и многих эмигрантов событиями. Отсутствие китайских праздников в списке знаменательных дат, отмечаемых русскими, объясняется, вероятно, непонятностью, чуждостью китайской конфуцианской культуры для россиян [10, с. 3].

В рамках рассматриваемой нами проблемы, представляет интерес издаваемый русскими эмигрантами еженедельный литературно-художественный журнал "Рубеж", выходявший с 1925 по 1945 гг. в Харбине [2, с. 237]. На страницах этого журнала публиковались молодые литераторы, рассказывалось о жизни русских эмигрантов в странах Европы. Были там страницы, посвященные моде и т.п. Но обращает внимание тот факт, что в этом журнале нет почти ничего о жизни китайцев, культуре принимающей страны. Чаще всего, заметки о Китае состоят из фотографии и нескольких строк под ней (См. таблицу 1).

Таблица 1. Публикации, посвященные Китаю в журнале "Рубеж"¹

Год	Количество публикаций
1929 (первое полугодие)	22
1929 (второе полугодие)	41
1933	21
1940	2
1945	8

Таким образом, из данных таблицы видно, что публикаций, касающихся внутренних проблем Китая, его культуры, а также международных связей этой страны было немного. Это еще раз свидетельствует о том, что русские эмигранты, в основной массе, не были склонны к изучению страны, которая их приняла. Возможно, россияне считали свое пребывание на территории Северо-Восточного Китая временным, поэтому они и жили привычной для них жизнью, не вдаваясь в местные подробности.

Здесь также уместно упомянуть о программе радиопередач детского литературно-художественного кружка имени генерала П.Н. Краснова

¹ К сожалению, в библиотеке Государственного архива Хабаровского края содержится не полная подшивка указанного журнала. Полная подшивка имеется лишь за 1929 г., поэтому мы делим ее на два полугодия. Ввиду этого обстоятельства, данные, приводимые в таблице, могут быть неполными. В таблицу не были включены материалы, касающиеся проблем русских эмигрантов в Маньчжурии.

(ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 2. Д. 56. Л. 1-57, 77-83). Радиопередачи кружка были посвящены чтению сказок, стихов, что вполне естественно, но познавательные передачи, посвященные Китаю и другим странам Восточной Азии отсутствуют в них полностью.

Важным элементом этнокультурного взаимодействия, на наш взгляд, является вопрос о занятости в эмигрантских организациях представителей ханьского (т.е. китайского) народа. Просмотренные нами списки членов Бюро по делам российских эмигрантов за 1938 – 1942 гг. показали, что из 169 сотрудников лишь двое были китайцами – это Юй-Ван-Хай и Ху-Цай, работавшие, соответственно, преподавателем и драгоманом (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 1. Д. 19. Л. 29, 31)¹. Данный факт свидетельствует о закрытости эмигрантских организаций для представителей иных этнических групп.

Итак, в процессе приспособления российских эмигрантов к условиям Северо-Восточного Китая можно выделить два этапа. Первый – 1917 – начало 1930-х гг., характеризуется развитием системы русских вузов и научно-исследовательских организаций, распространением китайского языка. Второй этап охватывает период с начала 1930-х по 1945 гг. В это время происходит оккупация Северо-Восточного Китая Японией, сворачивается деятельность русских научных организаций и вузов, усиливается акцент на изучение японской культуры. Следствием стало замедление процесса адаптации россиян к местным условиям.

Анализируя материалы архива Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи, а также периодические издания, мы пришли к выводу, что ведущим типом аккультурации в эмигрантской среде была сепарация. На это указывают следующие обстоятельства: во-первых, стремление сохранить свою исконную культуру, во-вторых, создание эмигрантских организаций, закрытых для представителей других наций, в-третьих, относительно низкий интерес к быту, нравам Китая, культурной отдаленности принимающей страны от России, в-четвертых, незнание китайского языка большинством эмигрантов.

Сепарация была ведущим, хотя и не единственным типом аккультурации россиян. В 1920-е – 1940-е гг. зарождается интеграционный тип взаимодействия среди отдельных групп эмигрантов, в первую очередь среди молодежи и, отчасти, интеллигенции. На это указывают факты создания научных обществ – академических и студенческих, стимулирующих интерес к стране-реципиенту, участие молодежи в совместных с китайцами спортивных мероприятиях и т.п. [13, с. 17]. Окончательные выводы на этот счет можно будет сделать лишь после детального анализа дополнительного числа исторических источников. Ведь по-прежнему неизученными остаются вопросы о точной численности эмигрантов, знавших китайский язык, количестве смешанных браков и т.п. В свою очередь, это прольет свет на историю русской эмиграции в Северо-Восточном Китае и поможет понять многие драматические страницы не только российской, но и китайской истории XX века.

¹ Объективности ради, стоит отметить, что в пятом отделе Бюро работало также два китайца: переводчик амбулатории Го-цзи-чжоу и уборщик Су-чжао-шен [См.: ГАХК. Ф. Р-830. Ф. Р-830. Оп. 1. Д. 62. Л. 11]. К сожалению, в документе не указана дата. Китайские имена мы передаем в редакции документа.

Литература

1. Баранов И.Г. Верования и обычаи китайцев. М.: Муравей, 1999. 348 с.
2. Володькина Е.В. "Рубеж" – журнал русских эмигрантов в Харбине // Дальний Восток России – Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества. М-лы междунар. науч-практ. конфер. Хабаровск: Частная коллекция, 1998. С. 232-241.
3. Горбачева Г.Д. Издания ОИМК в библиотеке Дальгеолкома (г. Хабаровск) // Дальний Восток России – Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества. М-лы междунар. науч-практ. конфер. Хабаровск: Частная коллекция, 1998. С. 261-267.
4. Горкавенко Н.Л., Гридина Н.П. Российская интеллигенция в изгнании: Маньчжурия 1917 – 1946 гг.: Очерки истории. Владивосток: ДВО РАН, 2002. 197 с.
5. Гребенщиков А.В. По Амуру и Сунгари. Путевые заметки // Вестник Азии. 1909. № 1. С. 3-47.
6. Доброловский И.А. Исторические материалы к земельному вопросу в Китае. Пер. с кит. // Вестник Азии. 1922. № 48. 12-39.
7. Доброловский И.А.. Материалы к языку сунгарийских гольдов. Харбин: [б.и.], 1919. 334 с.
8. Доброловский И.А. Хэйлуцзянская провинция Маньчжурии. Харбин: [б.и.], 1906. 417 с.
9. Карсаков Л.П., Афанасьева И.А. Общество изучения Маньчжурского края // Дальний Восток России – Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества. М-лы междунар. науч-практ. конфер. Хабаровск: Частная коллекция, 1998. С. 125-129.
10. Ларин В.Л. Дальний Восток России в Восточной Азии: проблемы внешнего воздействия и взаимодействия // Северо-Восточная Азия: Проблемы регионального взаимодействия (история и современность). Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Сер. Востоковедение. Т. 12. Владивосток: Дальнаука, 2003. С. 3-25.
11. Меньшиков П.Н. К русско-китайскому договору // Вестник Азии. 1911. № 8. С. 312.
12. Рябченко Н.П. Россия – Восточная Азия: проблемы культурных заимствований // Россия – Китай – Япония в Северо-Восточной Азии: проблемы регионального взаимодействия в XXI веке. М-лы междунар. науч. конфер. Владивосток: ДВО РАН, 2000. С. 134 – 140.
13. Харбинские спортсмены // Рубеж. Харбин, 1929. № 40. С. 17.

УДК 314.1 (571.6)

Ващук А.С.

Демографические угрозы и миграционные риски на юге российского Дальнего Востока в начале XXI в.

The demographic threats and the risks of migrations
in the south of the Russian Far East in early of the XXI century

---

В статье проанализированы новые тенденции влияния миграционного оттока и естественного фактора на сокращение численности населения юга российского Дальнего Востока. Выявлены взаимосвязи демографических (высокая смертность, низкая продолжительность жизни) и миграционных (отток людей с высшим образованием, специалистов и в трудоспособном возрасте) угроз. Проанализированы социально-демографические риски жесткого прагматизма миграционной политики, ориентированной только на привлечение дешевой рабочей силы.

Ключевые слова: *Дальний Восток России, миграции, демографические угрозы, миграционные риски, миграционная убыль, миграционная политика, социальная безопасность*

The article deals with the new tendencies of the influence of migration and natural reproduction factors on the decrease of population in the south of the Russian Far East. The interdependence of the demographic (high mortality, short life expectancy) and migratory (mass departure of the people with higher education, the specialists and the persons of the capable of working age) threats are revealed. The social-demographic risks of the tough pragmatism of the migration policy which is directed only to receiving the cheap labor power are examined.

Key words: *Russian Far East, population, migrations, demographic treats, risks of migration, migratory decrease, migratory policy, social security*

На протяжении 60–80-х годов XX в. российский Дальний Восток,

несмотря на многие недостатки и технократизм региональной и миграционной политики Центра, получил существенный и довольно равномерный приток населения. Даже во время падения советской власти население Приморского Хабаровских краёв достигло наибольшей численности, соответственно – 2309,2 тыс. чел., 1855,4 тыс. чел. [3, с. 5-7]. Но уже в начале XXI в. проблема оттока населения с Дальнего Востока была внесена в число угроз национальной безопасности. Проблема оттока населения с российского Дальнего Востока в целом и отдельно из дальневосточных субъектов РФ стала самой популярной темой в научных статьях и экспертных материалах, выступлений политиков.

Однако, несмотря на большое количество публикаций, тема по-прежнему нуждается в дальнейшем исследовании. Во-первых, прошел уже солидный период осуществления новой миграционной политики на Дальнем Востоке, во-вторых, некоторые старые проблемы в социально-демографической сфере приобрели новый "облик". Это позволяет исследовать проблему в рамках концепции национальной безопасности, выделить вопрос о динамике влияния естественного (демографического) фактора и миграционного на изменения численности. И второй вопрос, который остается малоисследованным, – это выявление новых проявлений оттока населения, имеющих характер социальных угроз России.

Российское руководство, столкнувшись с вызовом времени – депопуляцией дальневосточного региона в конце XX в., хотя и не сразу, но приступило к поиску мер, которые могли бы приостановить процесс оттока населения. Мероприятия, проводимые региональными властями и соответствующими федеральными службами, вытекали из правительственных документов, но для региона, как показывает прошедшее десятилетие, они оказались неэффективными. Концепция миграционной политики разрабатывалась Правительством РФ с 1998 г. Параллельно Министерство труда России приняло в 2000 г. "Концепцию демографического развития Российской Федерации до 2016 г.", которая содержала раздел "Приоритеты демографического развития в области миграции и расселения". По мнению ряда аналитиков, акценты действия государственных органов в сфере миграции были расставлены правильно [10, с.38-48] и содержали приоритетные задачи:

- привлечение иммигрантов, в первую очередь из государств-участников Содружества Независимых Государств, а также из Латвии, Литвы, Эстонии;

- создание экономических условий для сокращения эмиграционного оттока и сохранения научно-технического, интеллектуального и творческого потенциала РФ;

- проведение комплекса правовых, организационных и финансовых мер, направленных на легализацию и адаптацию иммигрантов в РФ;

- совершенствование законодательства, касающегося защиты прав вынужденных мигрантов и регулирования миграционных процессов.

Авторы Концепции демографического развития предполагали разработать новые подходы к регулированию иммиграционных потоков, способствующих замещению естественной убыли населения РФ, а также к стимулированию иммиграции и общественно полезной интеграции мигрантов с учетом их возрастно-половых характеристик, уровня здоровья, профессиональной квалификации. В документе обращалось внимание на необходимость обеспечения сохранения численности населения в важных в геополитическом отношении регионах Российской Федерации, в том числе путем привлечения рабочей силы из других районов страны на временной, ротационной основе. Ставилась задача создания условий для возвращения в Российскую Федерацию эмигрантов, являющихся

высококвалифицированными специалистами [6].

Распоряжением Правительства РФ от 1.03.2003 г. (№ 256-р) была одобрена Концепция регулирования миграционных процессов в России, которая представляла собой систему взглядов на содержание и основные направления деятельности органов государственной власти в области управления миграционными процессами. В основу этой политики закладывался принцип необходимости "обеспечения условий социально-экономического и демографического развития страны". Одним из направлений Концепции стало "содействие добровольному переселению соотечественников из государств – участников СНГ и государств Балтии" [13]. Федеральным органам исполнительной власти и органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации было предписано учитывать положения Концепции при планировании и осуществлении мероприятий в области управления социально-экономическими процессами. Однако основное внимание в этом документе уделялось вопросам борьбы с нелегальной трудовой миграцией. "Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом" [19] в дальневосточном регионе оказалась в новых условиях утопичным и фактически нереализованным проектом. Например, в Амурскую область на июнь 2010 г. сначала действия программы в регион переселились всего 27 участников государственной программы и 46 членов семьи. В Хабаровский край с 2007 г. прибыли 71 участник программы и 78 членов их семей, в Приморье соответственно 69 и 90 [17]. Причем, как показывают экспертные оценки, главным мотивом участников программы является получение российского гражданства, а не постоянное место жительства на Дальнем Востоке. Наши социологические исследования, проведенные в 2008 и 2009 гг. в Приморском крае, показывают, что около 60% респондентов также хотели бы получить российское гражданство, но остались бы на Дальнем Востоке только половина опрошенных, но при определенных условиях.

Принятые документы и меры по их реализации не оказали никакого влияния на улучшение демографической и миграционной ситуации в дальневосточном регионе. Уже в 2003 г. по сравнению с 1986 г. произошло резкое уменьшение объемов миграционных потоков как по прибытию на Дальний Восток (в 7,5 раза), так и по выбытию (4,4 раза). Число прибывших в регион в 1996 г. составило 28,7% к уровню 1986 г., в 2003 г. – 13,3% [12, с. 83].

В условиях радикально-либеральных реформ и смены ценностей наибольшей миграционной подвижностью обладала молодежь. Отток молодежи также оказывал влияние на темпы "старения" населения в регионе. В 1998 г. средний возраст населения Дальнего Востока составлял: мужчины – 32,9 лет, женщины – 36,7, в 2009 г. уже соответственно – 35,4 и 40,2.

Власти дальневосточных субъектов РФ при разработке социально-экономических стратегий развития своих территорий традиционно, как и в советскую эпоху, уделяли особое внимание пополнению трудовых ресурсов, но главным образом уже за счет привлечения иностранной рабочей силы. Тогда как во второй половине XX в. преимущественно шло перераспределение трудовых ресурсов в рамках СССР.

Привлечение иностранной рабочей силы, уже представленное во многих публикациях, позволило предпринимателям и региональным, частично муниципальным властям, в краткие сроки решать вопросы кадрового дефицита, в основном за счет неквалифицированных работников [1, с. 212-226]. Приход на рынок труда иностранной рабочей силы в 90-е годы XX в. – начале XXI в., за исключением в крайне небольшой

степени из ближнего зарубежья, не являлся источником демографического развития. Этот тип миграции не оказывал влияния на укрепление демографического потенциала территории.

В 2004 – 2008 гг. статистка зафиксировала новую социально-демографическую тенденцию: на некоторых территориях при сокращении общей численности населения Дальнего Востока проявилось уменьшение роли фактора массового оттока, но увеличение влияния естественной убыли в общем процессе. В сокращении общей численности населения возрастает угроза естественного фактора. Особенно ярко эта тенденция проявилась в южной части региона. Здесь, начиная с 2003 г., естественная убыль стала преобладать над миграционной [2, с. 38]. Рис. 1 наглядно демонстрирует угрозу социальной безопасности России.

Рисунок 1. Удельный вес миграционного оттока и естественного фактора в общей убыли населения Приморского края в 2004–2008 гг. (в %)

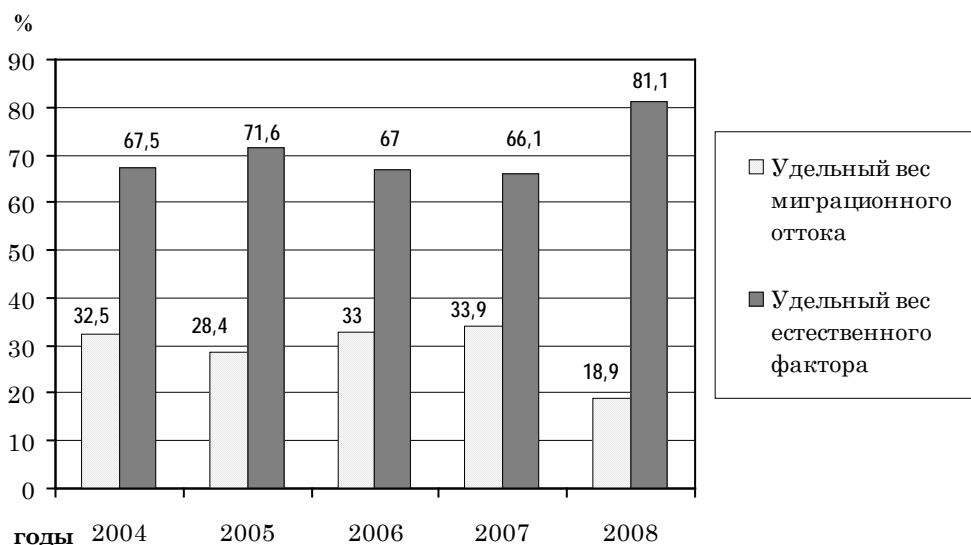

Рисунок показывает, что доля естественного фактора в сокращении населения юга Дальнего Востока в течение пяти лет неумолимо возрастала. За 2008 г. численность населения Приморского края сократилась на 7,8 тыс. чел. Снижение численности произошло за счет естественной убыли на 81,1%, а миграционного оттока – на 18,9%. За период 2000 – 2007 гг. наибольшая естественная убыль населения в ДВФО была зафиксирована в 2005 г. В 2007 г. эта опасная тенденция особенно рельефно проявилась в южной части региона: в абсолютных показателях по естественной убыли на первом месте находился Приморский край, на втором – Хабаровский и на третьем – Амурская область.

В то же время важно выявить, что же стоит за статистикой снижения доли миграционного оттока в общем процессе сокращения численности населения? Эта тенденция – закономерный результат соединения демографических и миграционных процессов второй половины 90-х годов XX в., которая продолжалась в 2000–2003 гг. Последствия социальных потрясений, вызванные ходом реализации реформ – миграционный отток и демографический кризис, можно проиллюстрировать на примере

Приморья. В крае произошло старение населения и падение рождаемости. Если в 1960 г. в крае родилось 32,8 тыс. детей, то в 2007 г. только – 22,4 тыс. чел., а умерло соответственно 8,6 и 29,1 тыс. чел. В начале XXI в. превалировала однодетная репродуктивная модель семьи населения, тогда как в середине прошлого века, в условиях советской социальной политики преобладала семья из двух–трех детей.

Одной из самых острых проблем преодоления демографического кризиса в регионе в начале XXI в. остается высокий уровень смертности. Модернизация социальной сферы в России, которую российская бюрократия проводила на основе технократических принципов во всех регионах, особенно, в малых городах и селах, привела к тому, что "компонент любой человеческой деятельности, созидательной и разрушительной" стал создавать риски и опасности [22, с. 21-44]. Реформы в системе здравоохранения имели созидательную тенденцию в крупных городах, для определенной части населения, для подавляющей же части дальневосточников – эффект оказался разрушительным. В 2000-е годы на Дальнем Востоке России явно прослеживались последствия бюрократической модернизации, превратившие регион в территорию социальных рисков.

Таким образом, новая пропорция, раскрывающая роль миграционного оттока и естественного фактора в снижении численности постоянного населения, является закономерным, зеркальным отражением проведенных экономических и социальных реформ на Дальнем Востоке [9, с. 305-390; 16, с. 63-227; 11]. Но в то же время она свидетельствует еще об одном явлении. В регионе снизился эмиграционный потенциал и возродился традиционный российский ментальный комплекс "долготерпеливости". Как форма социальной апатии, она представляет новую социально-политическую угрозу, сдерживающую формирование гражданского общества. Миграции традиционно в регионе участвовали в формировании региональной политической культуры, в начале XXI в. они начали выполнять деструктивную функцию: отток активного населения и приток трудовых мигрантов, которые являются политически пассивными.

Новый "облик" миграций, в форме снижения миграционного оборота, показывает, что на юге Дальнего Востока остались люди, которые не имеют возможности и средств переехать в другие регионы, они не обладают набором качеств, необходимых для потенциального мигранта или адаптировались уже к радикальным переменам, а также к местным социально-политическим условиям. Продолжавшийся процесс социально-имущественной поляризации в регионе свидетельствует, что просто снижается численность потенциальных эмигрантов и степень миграционной мобильности [20, с. 50]. Сравнение тенденций, наблюдающихся в миграционной сфере также в области дифференциации доходов, дает важный исследовательский результат. В большинстве дальневосточных субъектов РФ сложилась ситуация, когда экономический рост сказывался на увеличении дифференциации между доходами бедных и богатых, а не на снижении бедности. Усиление неравномерности распределения общего объема денежных доходов населения Приморского края в 2000–2008 гг. наглядно иллюстрирует "кривая Лоренца", приведенная в аналитической записке Приморскстата [20, с. 37]. Одновременно, начиная с 2000 г. региональная дифференциация доходов набирала обороты и продолжала нарастать даже в условиях сравнительно-низкой инфляции. В эти же и последовавшие годы наблюдалось уменьшение валового миграционного оборота, а также некоторое снижение численности уехавших как в целом с Дальнего Востока, так и из южных территорий.

Причины смены жительства мигранты (из Приморья в возрасте 14

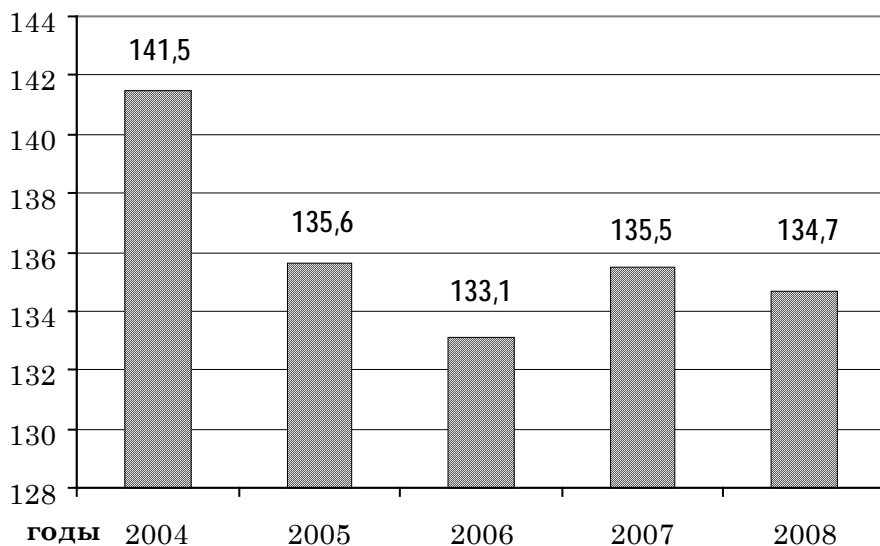
лет и старше) указывают разные, например: личного и семейного характера (67,3%), смена и поиск работы (14,5%), возврат к прежнему месту жительства (10,8%). Эти же причины были основными у тех, кто приехал в край (67,4%, 18,9%, 9% соответственно) [20, с. 34]. Превышение показателя выбывавших по причине поиска работы над соответствующим показателем приехавших свидетельствует о неудовлетворенности условиями и оплатой труда. За данными мотивации "по личным и семейным причинам" часто кроется просто неудовлетворенность условиями жизни в регионе.

Рост информированности населения о более высоком уровне жизни закономерно поддерживал уровень миграционной мобильности. Мотивацией отъезда с Дальнего Востока "по личным причинам" могла стать информация об ожидаемой продолжительности жизни: если в среднем по РФ она в 2000 г. составляла 65,3 года и возросла к 2007 г., составив 67,5 лет, то по ДВФО этот рост был незначительным (63,2 лет и 64,9 лет) [5, с. 59]. Этот показатель, естественно, являлся выталкивающим фактором населения в более благополучные районы.

С Дальнего Востока за 5 лет выехало 680,4 тыс. чел., хотя абсолютная численность эмигрантов снижалась неравномерно (рис. 2) [8].

Рисунок 2. Динамика выехавших из

тыс. чел.

Дальневосточного федерального округа в 2004-2008 гг.

В дальневосточном федеральном округе в 2006 г. на 100 тыс. постоянного населения было зафиксировано 343 чел. миграционной убыли, в среднем по России – 90 чел. миграционного прироста. В 2007 г. миграционная убыль населения ДВФО составила 15 915 чел.; 2008 г. – 19 192 чел.; 2009 г. – 17 919 чел. [7]. Сопоставление показателей естественного и миграционного движения населения показывает, что основной причиной сокращения в большинстве дальневосточных субъектов по-прежнему являлись миграционные процессы, но в Приморском крае в течение ряда лет естественная убыль преобладала над миграционной.

В ДВФО по абсолютным показателям миграционной убыли в 2007 г. на первом месте находилась Республика Саха (Якутия), на втором – Амурская область, на третьем – Приморский край.

Социально-демографическую угрозу составляет отток населения из региона с высшим образованием (с неполным высшим), средним профессиональным образованием, людей в трудоспособном возрасте. Доля таких эмигрантов из Приморского края составляла в 2004 г. – 58,4%, в 2005 г – 61,9%, в 2006 – 63,4, 2007 г. – 64,5%, 2008 г. – 63,9% [15, с. 59]. В 2008 г. на долю эмигрантов в трудоспособном возрасте и моложе трудоспособного приходилось 74,8% [15, с. 60].

Итак, куда же уезжали люди в 2004 – 2008 гг.? Например, из Приморского края в основном мигранты выбывали в Центральный федеральный округ. Туда уезжали от 9,1% до 10,7% людей от общего числа выбывших. Мигранты преимущественно выбирали Московскую область, в 2008 г. туда переехало 871 чел., в столичные города – Москву (522 чел.) и Санкт-Петербург (729 чел.). Таким образом, из 2789 чел, отбывших из Приморья в Центральный федеральный округ, 76% эмигрантов считали этот регион России наиболее благоприятным для жизни. На втором месте оказался Сибирский ФО. Доля тех, кто предпочитал Сибирь Приморскому краю, была в рассматриваемое десятилетие стабильной, хотя туда уезжало людей меньше, чем в Центральный ФО. Далее мигранты делали свой выбор в пользу Северо-Западного ФО. Наибольшая численность выехавших людей в этот регион, пришлось на 2004 г., наименьшая – на 2005 г. Среди территорий, которые выбрали бывшие дальневосточники, оказался также Южный федеральный округ, даже, несмотря на близость беспокойных территорий. За пять лет туда переехало 6905 чел. [20, с. 37]. Надо заметить, что вектор переселений в ЦФО это не только дальневосточная специфика, он был типичен и для Сибири [4, с. 191]. Так называемый западный дрейф существует давно, временами, то усиливаясь, то ослабевая [14, с. 50], но после распада СССР Дальний Восток стал терять население в таких масштабах впервые со времени его освоения Россией, что означает демографический и миграционный риск цивилизационного масштаба.

Этот западный вектор переселения дальневосточников и сибиряков усиливает ситуацию диспропорций населенности российских регионов. И как доказывают сибирские авторы, вектор сокращения численности страны по-прежнему, как и в конце XX в., имеет четкую направленность: чем ближе территория к восточным рубежам, тем интенсивнее происходит сокращение численности [18, с. 229]. Но социальная угроза в начале XXI в. на юге Дальнего Востока наступает уже в другом, более опасном облике – усилении влияния естественного фактора на сокращение численности, и оттока более мобильной и образованной части социума. Наступающая угроза должна ориентировать региональные власти на поддержку проектов, прежде всего закрепления населения, особенно молодежи, стратегию усиления демографического потенциала восточных территорий России. Но пока в бизнес-элите, в политической элите, а также в экспертном сообществе преобладает ориентация на привлечение дешевой рабочей силы. Станет ли эта стратегия локомотивом увеличения постоянного населения?

Глубина и масштабы демографического кризиса на востоке, вышедшего на поверхность в начале нового века с особой остротой, по-прежнему, как это и было в конце прошлого века, требуют от правительства рассмотрения миграционной политики только в тесной взаимосвязи с демографической, приоритетностью последней над некоторыми миграционными мерами на востоке России. Вся проанализированная "зафасадная" картина снижения доли миграционного фактора и роста естественного в

сокращении численности населения юга региона еще раз подчеркивает опасность демографической угрозы не только для дальневосточных территорий, но и для всей России.

Литература

1. Ващук А.С. Мигранты на Дальневосточном рынке труда в начале XXI в. // Миграционные процессы в азиатской России в конце XIX – начале XXI вв.: сб. науч. трудов. Новосибирск: Параллель, 2009. 261 с.
2. Дальний Восток России (Положение Приморского края в сравнении с другими субъектами ДВФО) 2008. Доклад. Владивосток: Приморскстат. 2008. С. 38.
3. Дальний Восток России: экономическое обозрение. Приложения / Под ред. П.А. Минакира. М.: Прогресс-комплекс-Экопрос, 1993. 124 с.
4. Дашинамжилов О.Б. Миграционные процессы в Бурятии в 1990-е годы // Миграционные процессы в азиатской России в конце XIX – начале XXI вв.: сб. науч. трудов. Новосибирск: Параллель, 2009. 261 с.
5. Естественное движение населения в Приморском крае. Стат. сборник. Федеральная служба государственной статистики. Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю. Владивосток, 2009. 75 с.
6. Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года, разработанная на основе Указа Президента Российской Федерации от 10 января 2000 г. № 24 "О Концепции национальной безопасности Российской Федерации" // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 2. Ст. 170.
7. Миграционный прирост по потокам миграции // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://bi.gks.ru:8080/DDB/showcharts.jsp?report=NA000_3p&project=VIPortal_cen_2.bip [Дата обращения: 17.08.2010].
8. Миграция населения Приморского края в 2008 г. Стат. бюллетень с аналитической запиской. Владивосток, 2009.
9. Минакир А.П. Экономика регионов. Дальний Восток. М.: ЗАО "Издательство "Экономика", 2006. 848 с.
10. Мкртчян Н. Современная миграционная политика Российской Федерации // Проблемы правового регулирования миграционных процессов на территории Российской Федерации. Аналитический вестник аппарата Совета Федерации РФ № 9 (202). Серия: основные проблемы социального развития России – 64. М., 2003. С. 38-48.
11. Моисеева Л.А., Ващук А.С. История предпринимательства на Дальнем Востоке России в конце XX – начале XXI вв. Владивосток: Дальнаука, 2006. 348 с.
12. Мотрич Е.Л. Население Дальнего Востока России. Владивосток–Хабаровск: ДВО РАН, 2006. 223 с.
13. О концепции регулирования миграционных процессов в Российской Федерации: распоряжение правительства РФ от 1.03.2003г. № 256р. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 10, ст. 923.
14. Постсоветские трансформации: отражение в миграциях / под ред. Ж.А. Зайончковской и Г.С. Витковской. М.: ИТ "АдамантЪ", 2009. 412 с.
15. Приморский край. Социально-экономические показатели: Стат. ежегодник. Владивосток: Приморскстат, 2009. 318 с.
16. Прокапало О.М. Региональная социально-экономическая динамика:

Дальний Восток и Забайкалье /Отв. Ред П.А. Минакир. Хабаровск: РИОТИП, 2003. С.63–227.

17. Российская Газета. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2010/09/02/reg-dvostok/zemlyaki.html> (дата обращения 17.09.2010 г.); В Приморье смогут найти работу более 400 участников программы переселения соотечественников // ИА REGNUM [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regnum.ru/news/1253372.html> (дата обращения 17.09.2010); Переселение соотечественников в Амурскую область // Правительство Амурской области. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.amurobl.ru/index.php?m=24598&rc=24606&p=51208>. [Дата обращения: 17.09.2010].

18. Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В. Современные риски в формировании миграционных процессов Сибири // Миграционные процессы в азиатской России в конце XIX – начале XXI вв.: сб. науч. трудов. Новосибирск: Параллель, 2009. С. 229.

19. Указ Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г. N 637 г. Москва "О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом" // Российская газета. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2006/06/28/ukaz-pereselenie.html>. [Дата обращения: 17.09.2010].

20. Экономическая безопасность Приморского края. Аналитическая записка. Владивосток: Приморскстат, 2009. 51 с.

21. Яницкий О.Н. Россия как "общество риска": контуры теории // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. М.: Канон-пресс-Ц, 2001. 640 с.

22. Яницкий О.Н. Социальные ограничения модернизации России // Социологические исследования. 2010. № 7. С. 17-27.

УДК 94(571.6); 94(47)

Постников В.В.

**К осмыслению названия "Владивосток":
историко-политические образы
Тихоокеанской России**

**To the comprehension of the name "Vladivostok":
historical and political images of the Pacific Russia**

Даётся анализ происхождения названий "Залив Петра Великого", "Владивосток", "Тихоокеанский Константинополь" и др. Высказывается предположение, что основу для этих названий дали известные с 1850-х гг. представления о Тихоокеанском бассейне, как о главном регионе международной жизни в будущем, о необходимости развития морских сил России, и о большом значении Дальнего Востока для России.

Ключевые слова: *"Залив Петра Великого", "Владивосток", "Тихоокеанский Константинополь", идеология дальневосточной политики России, история Дальнего Востока России, Н.Н. Муравьев-Амурский, история азиатско-тихоокеанского региона, историко-политические образы*

The analysis of the names "Peter the Great Bay", "Vladivostok", "Constantinople of Pacific", etc. is carried out. The suppositions that the base of these names gave famous from the 1850s ideas of the Pacific Rim as the main region of the international life in the future, of the necessity of development of sea power of Russia, of the great meaning of the Far East for Russia are expressed.

Key words: *"Peter the Great bay", "Vladivostok", "Constantinople of Pacific", ideology of the Far East policy of Russia, history of the Russian Far East, N.N. Muraviev-Amurskiy, history of the Asia Pacific region, historical and political images*

Изучение географических названий, их происхождения и смысла является необходимой частью научного знания. Интерес в этом плане представляют названия, которые являются важными символами Дальнего Востока России – "Владивосток", "Залив Петра Великого", "Босфор

Восточный" и др. Но, несмотря на широкую известность этих топонимов, их смысл для нас во многом закрыт. Почему залив, о котором Петр I никакого понятия не имел, был назван заливом Петра Великого? Почему маленький военный пост получил громкое название Владивосток, и как могли возникнуть преувеличенные сравнения этого пункта с Константинополем? Вероятно, происхождение указанных названий связано с особыми политическими представлениями своего времени, которые нам важно понимать и знать. Изучая различные частные аспекты освоения региона, зачастую мы забываем, с какими общими представлениями и идеями, и в конечном счете – целями сюда шли люди, и, не понимая этих людей, не понимаем историю. Цель нашего исследования – объяснить названия "Залив Петра Великого", "Владивосток", "Тихоокеанский Константинополь" через раскрытие политических представлений середины XIX в. Для нас этот вопрос представляет интерес как изучение идеологии российского присутствия и политики на Дальнем Востоке.

В популярной литературе и в Интернете существует немало комментариев по этому вопросу, и во многом мы повторим известные интерпретации, но со своей стороны предлагаем логическое объяснение и научный анализ известных названий, основанных на изучении исторических, общественно-политических представлений и политического контекста того времени.

Данная тема может быть интересна и тем, что история принятия этих топонимов малоизвестна и слабо документирована, поэтому для определения изначального смысла указанных названий нужны дополнительные исследования. В качестве предисловия необходимо привести краткую историческую справку. Принятие рассматриваемых названий, как и в целом присоединение приамурско-приморской окраины, во многом было субъективным актом ген.-губернатора Н.Н. Муравьева. Поэтому понимание исследуемых топонимов – это в основном изучение и реконструкция политических воззрений Муравьева-Амурского, который, по свидетельству современников, делал "много для блеска, для популярности" [3, с. 19]. Основная часть этих названий была дана в июне 1859 г. в ходе морской экспедиции Муравьева-Амурского по побережью Приморья с целью определения более точных границ России с Китаем. Авторство названия "Залив Петра Великого" приписывается Муравьеву-Амурскому [4, с. 556]. Известны его комментарии, адресованные русскому посланнику в Пекин, о значении акватории залива Петра Великого для России: "Все это пространство берега, от Посыета до Поворотного мыса, верст на 200, изобилует прекрасными заливами и гаванями, столь привлекательными для морской державы, что англичане все захватили бы... Для нас важность эта представляет возможность учреждения поселения мореплавателей, к чему и должно нам стремиться..." (июль 1859) [4, с. 558]. Также было принято название "Владивосток". В общем, известно, что вопрос о большинстве названий в заливе Петра Великого был решен в 1859 г. [1, с. 31], но в любом случае, названия "Золотой Рог" и "Босфор восточный" точно звучали уже в 1860 г. [1]. Образное определение "Тихоокеанский Константинополь" было сформулировано позднее, но "царьградские" названия стали основой этого соотношения изначальное. Приведем фрагмент одного из наиболее ранних и выразительных комментариев о характере и смысле этих названий: "Знаменитая Севастопольская гавань и "Золотой Рог" в Босфоре должны уступить первенство здешним гаваням и бухтам. Вблизи этих гаваней местность покрыта девственными тропическими лесами, перевитыми лианами... Какая великолепная будущность таится в этих доисторических лесах в связи с великолепнейшими гаванями мира! Недаром этот лабиринт заливов носит название Петра Великого, недаром лучший из портов на-

зван Владивосток, потому что здесь колыбель нашего флота на Тихом океане, русского значения на его широком лоне, незапертом пушками Зунда, Гибралтара и Дарданелл, и нашего владения Востоком. Здесь все дары природы сосредоточены в одну группу и способны развить сильную колонизацию и сильное торговое движение" (публицист Д.И. Романов, "С.-Петербургские ведомости", июль 1859 г.) [13, с. 22]. Как видно, исследуемые названия и их восприятие отражали представления о великом историческом и политическом значении приобретенного региона. Но кроме богатых ассоциаций и преувеличений, они не дают рационального объяснения роли и значения этих мест.

Название "Залив Петра Великого" обращает на себя внимание не только громким звучанием, но и своим парадоксальным присутствием на территориях, которые не имели никакого прямого отношения к деятельности Петра I. Каким образом имя Петра I могло быть связано с данным регионом?

Знакомство с материалами первой половины XIX в. об истории освоения Дальнего Востока и развития русского мореплавания на Тихом океане обращает внимание, что имя Петра I упоминается часто, как идеологическое обоснование этих действий: "Император Петр I предприняв разрешить догадки ученого света и вопрос Санкт-петербургской и Парижской Академий: соединяется ли Азия с Америкой, – имел ввиду не одно любопытство; но искал познакомить Россиян с Восточными морями, с народами еще неизвестными, обитающими в тех странах, и завести с ними выгодный торг" [11, с. 306]. Известно, что многие устремления имперской политики России в XVIII-XIX вв. проходили под именем Петра I, и это относилось к дальневосточному региону: "Всеобъемлющие Петра Великого попечения о пользе и славе России, как известно, обращаемы были и на крайние восточные ее пределы, установлено сообщение Сибири с Камчаткою морем из Охотска, посланы суда для обозрения Курильских островов, и перед самую кончину, Создатель флота, подписал Указ, об отправлении Капитана Беринга для дальнейших изысканий..." [10, с. 214]. Плаванья В. Беринга, И.Ф. Крузенштерна, В.М. Головнина и др. представлялись в то время как продвижение воли Петра I, и Муравьев-Амурский понимал себя как продолжатель его дела – утверждения величия Российской империи и развития морских сил России на Тихом океане. Как видно, в первой половине-середине XIX в. в России существовал стереотип связи имени Петра I и освоения Дальнего Востока, и поэтому название "залив Петра Великого" звучало вполне логично по понятиям того времени. Надо полагать, в основе образа Петра Великого в данном случае находится идея морского могущества. В 1859 г., в ситуации неопределенности, когда нужно было принимать решительные действия для окончательного разграничения с Китаем и присоединения морского побережья, имя Петра I было использовано как напоминание о необходимости развития морских сил России, что во многом зависело от наличия удобных гаваней и их стратегического положения, и это был главный аргумент в пользу присоединения восточного маньчжурского побережья к России. Это было образное объяснение значения этих мест для России. Возникла ситуация, когда к региону оказался применим известный петровский лозунг: "Всякий Потентант, который едино войско сухопутное имеет, одну руку имеет, а который и флот имеет, обе руки имеет". Название "залив Петра Великого" мы предлагаем понимать следующим образом: именем главного идеолога морского могущества России – Петра Великого, Россия утверждается на Тихом океане, и новооткрытая акватория наиболее подходит для развития морских сил России, для воплощения идей Петра I. Такое понимание ситуации было характерным. Идеи о том, что "Приобретение Приморской области важ-

но для будущего морского значения России" и о необходимости развития флота на Тихом океане развивали и другие деятели флота, например И.Ф. Лихачев в 1859-1861 гг. [5, с. 30, 117].

Ассоциации с образом Петра I поддерживали и другие идеи. Муравьев-Амурский с 1848 г. развивал идеи об особом значении устья Амура для развития всей Сибири: "все будущее благоденствие Восточной Сибири заключается в верном и удобном сообщении с Восточным океаном" (из докладной записки ген.-губ. Муравьева императору Николаю I, 1849 г.) [4, с. 206]. Существовало ассоциативное сравнение: присоединение устья Амура и Приморья имеет такое же значение для развития Сибири, как и для всей России прорыв на Балтику при Петре I – роль окна в мировое сообщество, в международное экономическое и политическое взаимодействие [6, с. 4]. Открытие "окна в Азию" понималось как действие, продолжающее политику Петра I в тихоокеанском направлении. В целом образ Петра выражал идеи обновления, модернизации, радикальных перемен к лучшему, чего ждала вся Россия и Сибирь с приходом к власти Александра II, и развитие дальневосточной политики понималось современниками как одно из направлений этого обновления страны [3].

С идеей развития морских сил России связано название **"Владивосток"**.

Первый и очевидный смысловой пласт этого названия – идея укрепления российской власти над Сибирью, необходимости защитить ее морское побережье. Муравьев-Амурский утверждал, что основанием русской крепости в устье Амура и организацией флотилии на Тихом океане "на вечные времена было бы обеспечено для России владение Сибирью и всеми неисчерпаемыми ее богатствами..." (1849) [4, с. 207]; "Таким только образом внутренние области Восточной Сибири будут вполне обеспечены от всяких покушений иностранцев со стороны моря" (1857) [14, с. 73]. Однако если поначалу роль форпоста придавали устью Амура, то в дальнейшем было решено, что нужно основать более удобный военный порт, который нашли во Владивостоке. Поэтому, в названии "Владивосток" отразились изначальные идеи Муравьева об укреплении российской власти в регионе, по аналогии с Владикавказом – названием, хорошо знакомым Муравьеву по его службе на Кавказе. Таким образом, в самом прямом, первоначальном значении, задуманном Муравьевым, название "Владивосток" означает символ укрепления власти России над ее восточными регионами, связанными с тихоокеанским побережьем.

Во-вторых, в названии Владивосток отразилась конкретная международная обстановка конца 1850-х гг., и оно приобрело внешнеполитическое звучание. Если идея "внутренней" роли форпоста формировалась с конца 1840-х гг., то спустя десятилетие ситуация изменилась. После поражения в Восточной войне (1853-1856) Россия должна была создавать новый баланс международных сил, и ее дальневосточная политика приобрела характер участия в международной "большой игре". После этой войны стало очевидно, что главный внешнеполитический враг России – Британия. Естественное стремление к защите интересов Российской империи после 1856 г. привело к противодействию британской политике на Востоке. Россия стремилась участвовать в международной политике вокруг Китая в 1856-1860 гг., и дипломатическими средствами приобрела "буфер", который препятствовал укреплению Британии на Дальнем Востоке – территории Приамурья и Приморья. Уже один Айгунский договор (1858) вызвал "фурор" у международной общественности, которая представила это событие как выдающееся, значительное. Ф. Энгельс в своей статье "Успехи России на Дальнем Востоке" (1858) утверждал: "Совершенно ясно, что Россия быстро становится первенствующей державой

в Азии и весьма скоро затмит Англию на этом континенте ... Приобретенные таким образом стратегические позиции имеют такое же важное значение по отношению к Азии, как позиции в Польше по отношению к Европе. Обладание Туркестаном угрожает Индии; обладание Маньчжурией угрожает Китаю. А Китай и Индия, с их 450 000 000 жителей, являются в настоящее время решающими странами Азии" [15, с. 641]. Сам инициатор этих событий, Муравьев, успехи своей деятельности оценивал как триумф, и в знак этого в Иркутске была поставлена триумфальная арка – "Амурские ворота". Присоединение Приморья, которое клином врезалось в азиатский континент, и выводило границы России к основным странам и морским путям Восточной Азии, обещало еще большие преимущества. Таким образом, название "Владивосток" было принято в ситуации, когда Россия ощущала свои возможности, успехи, это название говорит о том, что Россия укрепляется в стратегически важном месте, которое позволяет контролировать азиатско-тихоокеанский регион, занимает первенствующее политическое значение на Дальнем Востоке и Тихом океане. Это название звучало тем более выразительно, поскольку Владивосток заменил собой бывший английский порт Мэй. Ситуация "символической войны" держав, в ходе которой были заменены названия "Залив Виктория" (на "Залив Петра Великого"), "Архипелаг императрицы Евгении" (во главе с островом, получившим в 1859 г. название "Русский") и др., во многом объясняет принятые топонимы. Поэтому название "Владивосток" в значительной мере стало выражением успехов России в международной политике, символом реванша и провозглашением идеи имперского величия России в Азии.

Представления о международном и историческом значении Владивостока выражают **ассоциации с Константинополем**.

Важно отметить, что существовал влиятельный общий культурный контекст, который обуславливал употребление образа Константинополя в российской политике. Известно, что формальной целью политики Российской империи было обладание выходом к морям, проливами и Константинополем. Эти идеи стали основой ее внешнеполитической идеологии и отражались на политических событиях в разных регионах. Еще взятие Казани Иваном Грозным было представлено как символическое возмещение утраты Царьграда, а борьба за Азов в XVII в. ассоциировалась с дальнейшим освобождением Константинополя. Прямым текстом эти идеи прозвучали в "греческом проекте" Екатерины II. Поэтому внешняя политика России зачастую сопровождалась символическими образами возрождения, возвращения Царьграда (применительно к наиболее важным, имеющим историческое значение событиям). Эта ситуация повторилась в середине XIX в. на Дальнем Востоке.

Кроме общих причин, очевидно, что в исследуемых названиях отразилась конкретная политическая ситуация – Восточная (Крымская) война (1853-1856), начатая против Турции по идейным соображениям защиты православия. Начало освоения южных территорий российского Дальнего Востока в 1854 г. связано с ведением военных действий, и "византийско-православные" ассоциации сопровождали этот процесс. Поражение в войне стало жестоким ударом по престижу российской империи, и требовало компенсации. Продолжением имперской войны в символической сфере было принятие "византийских" названий "Золотой Рог" и "Босфор восточный". Принятие этих названий можно понять двояко: как символическое возмещение поражения и как намек на будущее значение этих мест. На первый взгляд, странно было бы представить Новый Константинополь на далекой периферии цивилизации, но в ситуации невозможности обладания Царьградом, и разочарования в европейской политике, могла возникнуть идея о его переносе. Вероятно,

допускалась идея о том, что Царьград можно воссоздать на новом месте, как сам Константинополь (Новый Рим) в свое время был перенесением и воссозданием Рима, но на месте, которое соответствует этому по значению. Это место должно играть особую политическую роль, например, быть геополитическим узлом, иметь международное значение. Но могли тихоокеанский, периферийный в то время регион представляться в такой роли?

Как известно, Восточная война стала причиной переосмысления геополитических ориентиров и приоритетов международной политики. Она показала, что главным регионом имперской борьбы должны быть не Средиземноморье или Европа, а Восток – страны, наиболее богатые ресурсами для капиталистической эксплуатации, и занимающие важные геополитические позиции [2, с. 36-37, 43-71]. Поэтому доминирование в Азии стало главным вопросом международной политики, и Россия показывала значительные успехи в этом вопросе. Кроме этого, технический и экономический прогресс в Европе и Америке в середине XIX в. привел к формированию новой картины мира и геополитических представлений. Развитие парового транспорта открывало новые географические и политические горизонты. В 1840-1850-х гг. в международный политический процесс оказались включены Китай и США, Дальний Восток и Тихоокеанский бассейн. Это стало основой для развития представлений о постепенном переходе центра международной активности на Тихий океан, в АТР, и значит, стратегические позиции, приобретенные здесь, должны иметь особое значение. Место на стыке таких важнейших регионов мировой политики, как Азия и Тихий океан (подобно Европе и Азии в эпоху Средневековья) в то время должно было пониматься как действительно важное. И поэтому опорный пункт, приобретенный Россией на Тихом океане, вполне можно было бы сравнить по своему значению с Константинополем эпохи Средневековья.

Вероятно, "царьградские" ассоциации в дальневосточной топонимике того времени связаны с известным с 1850-х гг. определением Тихого океана как "Средиземное море будущего". Эта идея возникла в международной общественной мысли в середине XIX в., и связана с развитием тихоокеанской Америки, активизацией политической жизни в регионе. В России эта идеологема стала известна после 1853 г. через нелегальные сочинения А.И. Герцена, который развивал идеи наступления нового исторического времени – упадка европейской цивилизации и начала эры российско-американского сотрудничества на Тихом океане [12]. В ситуации конфликта с европейскими державами, дружественных отношений с США, и усиления роли тихоокеанского бассейна в международной политике, идеи кардинальной смены геополитических ориентиров могли находить поддержку, вероятно, их разделял и Муравьев. Например, П.А. Кропоткин сообщает, что идеи Герцена свободно обсуждались иркутской общественностью в середине XIX в., и были известны Муравьеву, который руководствовался подобными идеями: "Муравьев задумал <...> занять для России прочное положение на берегу Тихого океана и вступить, таким образом, в сношения с Соединенными Штатами" [9, с. 172]. Так мы предполагаем, что через образ "Тихий океан – Средиземное море будущего" можно понять исследуемые названия, в нем сходятся все интересующие нас ключевые названия-образы. Например, если мы представим, что Тихий океан – это "Средиземное море будущего", то тогда становится понятен образ Петра Великого, который ведет Россию в самый перспективный регион международной жизни, понятен образ Владивостока – Тихоокеанского Константинополя как центра нового главного региона международной политики, где ведущую роль играет Россия – наследница Византийской империи. Это во многом объясняет

одиозное звучание рассматриваемых названий.

Таким образом, мы видим, что рассматриваемые названия являются фрагментами неких общих представлений об историческом значении Тихого океана для России. Эти представления складываются в более-менее определенную и цельную концепцию историко-политической ситуации на Тихом океане в середине XIX в. Основа этой концепции – идея формирования нового центра мировой политической жизни на Тихом океане, организованной участием европейских морских держав, Китая, России и США. Вторая основа этих названий – идея развития морских сил, как важнейшего орудия международной политики и национальной безопасности России.

Так мы возвращаемся к образу Петра Великого. Рассмотренные названия отражали ощущение наступления новой исторической эпохи. Это было время, когда в глазах политиков формировалась новая картина мира, вернее – будущая мировая политическая и экономическая система, когда развитие парового транспорта сократило расстояния и политики стали мерить землю не странами и морями, а континентами и океанами, и когда после Крымской и опиумных войн с большей очевидностью выделилась роль флота в международной политике. В этих условиях имя Петра Великого звучало вполне актуально, напоминало современную ему историческую ситуацию, когда России требовался выход на международную арену того времени. Образ Петра Великого на дальневосточном побережье в своем содержании включает и другие сопутствующие названия, выражающие идею овладения Восточным (Великим, как его еще называли) океаном, идею лидерства Российской империи на международной сцене. Его имя выразило идею решительного прорыва в будущую, формирующуюся мировую политическую систему, и роль дальневосточного региона в этом представлялась весьма значительной. Употребление имени Петра на неосвоенном дальневосточном побережье мы можем объяснить только тем, что дальневосточная политика России в середине XIX в. понималась авторами исследуемых топонимов как явление общероссийского, исторического масштаба, как один из приоритетов национального развития, и речь шла не собственно о регионе, а обо всей России, которая должна развивать свои государственные интересы в новых условиях, в новом направлении. Такой вывод не является преувеличением, и не противоречит общественно-политической ситуации в России того времени, поскольку известно, что "амурский вопрос" был одним из актуальных в России в 1850-х гг., наряду с проблемой крепостного права. При этом важно отметить, что рассматриваемые представления не были широко распространены. Вполне понятно, что их главными идеологом и носителями были Муравьев-Амурский и его окружение.

Один из важных аспектов исследуемых политических представлений – гигантомания. События, связанные с решением амурского вопроса вызывали интерес у многих россиян. Поэтому у участников освоения новоприсоединенных земель нередко возникали преувеличенные представления о масштабах происходящих событий. Это отразилось в известных одиозных названиях, и они по-своему создавали дополнительные "обороты" для преувеличений. Поэтому зачастую в реальности происходили действия, отражавшие не объективную, а желаемую ситуацию [7]. Как памятник политической гигантомании того времени Кропоткин описывает церковь в Софийске (Приамурье) в 1864 г.: "Церковь грандиозная, саженьх на 12, если не больше, но недостроенная и предоставленная гниению в виде почерневшего сруба. Рядом – другая, миниатюрная, но миленькая церковь – достроенная; большие затеи оказались не к лицу для города, в котором, кроме весьма немногих служащих, никого нет" [8, с. 175]. Этот пример вместе с приведенной выше цитатой

Д.И. Романова показывает преувеличенные ожидания от колонизации новых земель. Это же объясняет многозначные, громкие названия, рассмотренные нами. В представлении некоторых в регионе строили некую новую Византию, имеющую международное значение, на самом же деле происходило простое военно-политическое занятие далекой неосвоенной колонии, наполненное будничной тяжелой работой, без излишнего пафоса.

В целом мы можем сделать вывод, что рассмотренные названия являются комплексом, который образует сложную историко-политическую концепцию, даже политический миф, который нужно по-своему понимать. Приведенный анализ и интерпретации показывают, что эти топонимы предполагают особую и достаточно широкую концепцию нового облика России и миропорядка. Важно отметить, что основное авторство этой концепции принадлежит Муравьеву-Амурскому. Но эта картина была далека от реальности, поскольку дальневосточные территории России были слабо развиты и не могли претендовать на роль какого-либо политического центра. Смысл названия "Владивосток" мы должны понимать не как предполагаемая "столица Востока", а как символ "владения Россией Востоком", военно-политического присутствия Российской империи на Тихом океане, но не столица региона, а другие сопутствующие названия – как выражение идеи великого будущего значения региона для России.

Рассмотренные факты в основном относятся к 1850-м гг., но имеют более широкое значение. В своей основе представленная ситуация повторилась в 1880-х гг. и стала отправной точкой уже не символического, а практического освоения российского Дальнего Востока. Политическая ситуация конца XIX в. придала новую жизнь рассматриваемым названиям, что связано с развитием представлений о АТР как о главном регионе мировой политики с конца XIX в. и о ведущей роли морских сил в международной политике [12].

Данное исследование только намечает общие аспекты вопроса. Дальнейшие исследования предполагают конкретизацию и более детальный анализ фактов и образов с целью выявления объективной картины исследуемых политических представлений.

Представленные названия и концепция являются не только памятниками историко-политической мысли, но имеют и связь с современностью. В ходе исторического развития тихоокеанский бассейн действительно стал важнейшим регионом мировой жизни, и его значение продолжает расти. Это придает актуальности изучаемым названиям, которые возвращают нас к вопросу о роли России в АТР и о значении АТР для России.

Литература

1. Алексеев А.И. Как начинался Владивосток / Под ред. А.И. Крушанова. Владивосток: Дальневосточное книжное изд-во, 1985. 224 с.
2. Афганские уроки: Выводы для будущего в свете идейного наследия А.Е. Снесарева. М.: Военный университет, Русский путь, 2003.
3. Бараболя Е.В. Российская политика на Дальнем Востоке в середине XIX в. // Россия и АТР. 2009. № 4. С. 17-27.
4. Барсуков И.П. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его

письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам (материалы для биографии). Книга I. СПб.: Синодальная типография, 1891. 672 с.

5. Болгурцев Б.Н. Русский флот на Дальнем Востоке (1860-1861 гг.): Пекинский договор и Цусимский инцидент. Владивосток: Дальнаука, 1996. 136 с.

6. Владивосток, 1885 г. № 24.

7. Добролюбов Н.А. Путешествие на Амур, совершенное Р. Маком // Сочинения Н.А. Добролюбова. Т. III. Изд. 7. СПб.: Изд-е П.П. Сойкина, Б.г. (без года). С. 158-174.

8. Кропоткин П.А. Дневник. М.-Пг.: Государственное издательство, 1923. 284 с.

9. Кропоткин П.А. Записки революционера. М.: Мысль, 1990. 526 с.

10. О медалях в память знаменитых происшествий до флота относящихся // Записки ученого комитета главного морского штаба Его императорского Величества. Ч. X. СПб.: Морская типография, 1833. С. 214-220.

11. О плавании российских морских офицеров из рек Лены, Оби и Енисея; также и от города Архангельска к Востоку по Ледовитому морю, с 1734 по 1742 год // Записки издаваемые, Государственным адмиралтейским департаментом, относящиеся к мореплаванию, наукам и словесности. Ч. 4. СПб.: Морская типография, 1820. С. 306-378.

12. Постников В.В. Тихий океан как "Средиземное море будущего": история идеи (середина XIX – начало XX вв.) // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 4. С. 105-114.

13. Хисамутдинов А.А. "Владивосток". Этюды к истории старого города. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1992. 328 с.

14. Шиндялов Н.А. Основатели Благовещенска. Очерки, документы, материалы. – Благовещенск: ОАО "Амурская ярмарка", 2006. 184 с.

15. Энгельс Ф. Успехи России на Дальнем Востоке // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 12. М.: ГИПЛ, 1955-1966.

УДК 913.1 (470.4 + 924.9)

Исхаков Р.Л.

Исторический прообраз федерального округа (к истории Штата Идель-Урал)

**The historical prototype of the federal district
(About history of the Idel-Ural State)**

Впервые дается представление о штате Идель-Урал (1917 – 1918) как прообразе федеральных округов современного административно-территориального устройства Российской Федерации. Вводятся в научный оборот новые факты из истории создания национальной государственности в Поволжье и Приуралье.

Ключевые слова: *Мукденский конгресс татар Дальнего Востока, Гаяз Исхаки, Волжская Булгарская республика, Штат Идель-Урал, федеральный округ*

The first description of the Idel-Ural State (1917 – 1918) as an image of the federal districts in contemporary administrative-territorial structure of the Russian Federation. The author introduces into the scientific usage the new facts from the history of the national statehood in the Volga and Ural region/

Key words: *Far East Tatar's Congress in Moukden, Gayaz Iskhaky, Volga's Boulgar Republic, the State Idel-Ural, federal district*

В начале 1935 г. (4 – 14 февраля) в г. Мукден (ныне – г. Шэньян, Китай) состоялся конгресс татар Дальнего Востока. Около 40 депутатов, которые принимали в нем участие, представляли татарские землячества Китая, Кореи, Японии (гг. Шанхай, Нанкин, Харбин, Мукден, Сеул, Токио, Кобе, Нагоя и др.). Основная цель Мукденского конгресса татар Дальнего Востока – объединение всех татарских политических, религиозных, культурных организаций этого региона. Мобилизующим началом и теоретическим концептом конгресса была идеологема "штат Идель-Урал" (*Идел-Урал Штаты*). На Мукденском конгрессе татар Дальнего Востока был образован постоянно действовавший в 1935 – 1945 гг.

"Национально-религиозный комитет Идель-Урал тюрко-татарских мусульман Дальнего Востока" (*Ерак Шәрәкь мөселманнарының дини-милли Идел-Урал мәркәзе*) [24:4, с. 386]. Комитет осуществлял руководство культурно-религиозной жизнью татар по трем направлениям: религия, просвещение, финансы, координировал контакты и взаимосвязи между землячествами, решал спорные вопросы, руководил школами, библиотеками, типографиями. Печатные органы: газета "*Милли байрак*" ("Национальное знамя") и журнал "*Шакирдляр таны*" ("Заря студентов"). Одним из главных организаторов конгресса был выдающийся деятель татарского национального движения, писатель, публицист, издатель и политик Гаяз Исхаки (1878 – 1954).

ИДЕЛЬ-УРАЛ (территория Южного Урала и Среднего Поволжья) – тюрко-исламский регион в Восточной Европе; в татароязычной литературе этот термин используется для обозначения всех шести республик Поволжья. В истории России идеи создания суверенного национального государства в тюркском Поволжье были широко распространены. После 1917 года на территории региона предполагалось создание национального государства татар и башкир. Существовали проекты создания Волжской Булгарской Республики (Г. Ваисов), Культурно-национальной автономии тюрко-татар Внутренней России и Сибири (С. Максудов), Урало-Волжского Штата (Г. Шараф), Татаро-Башкирской Советской Социалистической Республики (И.В. Сталин, М. Вахитов, Ш. Манатов).

Государство "Идель-Урал" рождалось в дискуссиях с инициаторами создания самостоятельного государства под названием Волжская Булгарская республика (Г. Ваисов), идею которой в конце XX века возродили необулгаристы (Клуб "*Булгар аль-Джадид*", 1988, Булгарский национальный конгресс, 1990, "Товарищество Булгар" – Азиатско-Европейский Трансконтинентальный альянс булгар, 1991) [25, 26].

Булгары хотели создать Булгарскую республику [19]. В письме от 24 января 1918 г., говорится, в частности, о рассылке по всей России фирманов (указов), извещающих мусульман об ее образовании. Булгарская национальная партия "*Фирка-и наджийя*" провозгласила республику явочным порядком, не дожидаясь решений коммунистической власти. 27 апреля 1917 года в Казани состоялся 1-й съезд волжских булгарских мусульман "*Фирка-и-наджийя*", определяемый как первый съезд Волжского Булгарского государства [10, с. 166]. Готовилось издание официального печатного органа государства – газеты под названием "*Сада-и Болгар*" ("Голос Булгарии") и вооружение "Зеленой Гвардии" (*Яшел Гаскәр* – армия республики). Провозглашение Булгарской республики состоялось почти за два месяца до предполагаемого торжественного оглашения фирмана об учреждении "Штата Идель-Урал" (Идел-Урал Штаты), план по созданию которого был разработан другим крылом национальной интеллигенции.

Гаяз Исхаки на 1-м Всероссийском мусульманском съезде в Москве (1 – 11 мая 1917 г.) выдвинул идею национально-культурной автономии для тюрко-татар Поволжья и Приуралья – создание Урало-Волжского штата (Идел-Урал Штаты). Идея Гаяза Исхаки была поддержана как 2-м Всероссийским мусульманским съездом (Казань, 21 июля – 2 августа 1917 г.), так и национальным парламентом – Национальным Собранием тюрко-татар Внутренней России и Сибири (*Милләт Меджлиси*) в Уфе (20 ноября 1917 – 11 января 1918). Национальный парламент *Милләт Меджлиси* 29 ноября 1917 года принял решение о создании национального государства (Урало-Волжского штата, или Идель-Урал штата). Согласно проекту Галимзяна Шарифа, принятому *Милләт Меджлиси*, в состав этого государства предполагалось вхождение Казанской и Уфимской губерний и частей Вятской, Оренбургской, Пермской, Самарской, Симбир-

ской губерний.

Таким образом, планировалось сформировать крупное государственное образование с населением около 7 млн. человек, из которых 3,7 млн. человек составили бы татары и башкиры, 2,7 млн. – русские, 0,5 млн. – чуваша, марийцы и удмурты. Высказывались и предложения о включении в состав Урало-Волжского штата и территорий Самарской и Астраханской губерний, чтобы получить, таким образом, выход к Каспийскому морю. Все народы штата, их языки и религии признавались равноправными. Вопросы внутренней жизни штата должны были решаться высшим органом штата (парламентом).

Идея создания самостоятельного государства народов Поволжья – не нова. Ряд современных историков (Тагиров И.Р., Фаизов Г.Б.) выстраивают единую неразрывную политическую линию тюркской государственности (например, государство гуннов – Тюркский каганат – Хазарский каганат – болгарское государство – Золотая Орда – Казанское ханство) [23, 28].

Государство Идель-Урал, по теории Л.Н. Гумилева – это мемориальная фаза болгарского этногенеза. Великий русский историк Н.М. Карамзин писал в XIX веке: "Ни один из нынешних народов татарских не именуется себя татарами, но каждый называется особенным именем земли своей" [13, с. 172]. На этой фазе императив поведения звучит как "Вспомним, как было прекрасно". В 1902 г. Гаяз Исхаки показал главного героя своей антиутопии "Вымирание через 200 лет" ("*Ике йоз елдан соң инкыйраз*") как последнего представителя болгарского народа.

Лишь в конце XIX и начале XX века сами татары стали называть себя татарами¹, усвоив этот этноним от русских людей. Термин все больше и больше закреплялся в сознании и использовался. Лишь однажды казанские татары "лишились" своих болгарских корней – после публикации востоковеда Х. Фаизханова [29]. В середине XIX века Х. Фаизханов обнаружил в языке болгарских надгробных камней чувашские слова, и с 1865 г. известный миссионер Н.И. Ильминский стал утверждать, что потомками болгар являются не татары, а чуваша. Лишь в конце XX века М.З. Закиев и Я. Ф. Кузьмин-Ямануди показали несостоятельность болгаро-чувашской концепции [8]. Толчком к началу утверждения татаризма считают появление двух монографий Гайнетдина Ахмерова "*Болгар тарихы*" ("История Болгарии") (1909) и "*Казан тарихы*" ("История Казани") [1]. Г. Ахмеров отождествлял Казанское ханство с Волжской Булгарией.

О том, что Идель-Урал – это мемориальная фаза этногенеза болгар, достаточно подробно показано в одноименном очерке Гаяза Исхаки (1933), в котором описана история вопроса [11]. В первой главе очерка он, показывая Штат "Идель-Урал" как правопреемника, описывает государственные образования, начиная со времен Волжской Булгарии.

Проект создания независимого от России штата "*Идель-Урал*" в 1917 г., по мнению О.Н. Сенюткиной, на съездах "*Иттифак аль-Муслимин*" (1906 – 1908; 1914) подготовили ставшие известными националистами лица, в частности, Ю. Акчурин, Р. Ибрагимов, Ф. Каримов и др. [21, с. 309-310]. 1-й Всероссийский съезд мусульман (нелегальный) 15 августа 1905 г. указал на необходимость единения российских мусульман на почве общественно-политических и культурных запросов. 2-й Всероссийский мусульманский съезд (Казань, 21 июля – 2 августа 1917 г.) принял решение, что территория Внутренней России, населенная мусульмана-

¹ На трудности в понимании термина "татары" в свое время указывал С. Герберштейн. [5, с. 122]. Он заметил: "... тому, кто хочет описывать татар, необходимо описывать многие народы. Ибо у них это имя племенное, и им называют различные народы, находящиеся в дальнем друг от друга расстоянии".

ми, должна делиться на национальные губернии, где высшим органом будет губернское национальное собрание [24:1, с. 643]. После Февральской революции 1917 г. некоторые идеи, провозглашенные в программе "Иттифак аль-Муслимин" были реализованы: 22 июля 1917 г. была принята Декларация о культурно-национальной автономии мусульман Внутренней России и Сибири [24:1, с. 643], созван *Милләт Меджлиси* (Национальное собрание).

В *Милләт Меджлиси* образовались две фракции: *тюркчилар* (тюркисты) – сторонники культурно-национальной автономии тюрков Внутренней России и Сибири (около 50 чел.) и *тупракчылар* (территориалисты) – сторонники территориальной автономии в форме Урало-Волжского Штата. В составе исполнительного органа Милли идара были созданы комиссии – территориальной автономии, "национальных областей" [10, с. 166].

Идея тюркского единения была реакцией на утрату татарами в XVI веке государственности ("Не осталось ни Астрахани, ни Болгар, ни Казани"). Живший в Казани Мажит Гафури в 1911 г. написал брошюру "Любовь к нации" ("*Милләт Мөхәббәте*"), она была широко распространена по Оренбургской губернии. Факт насторожил начальника Оренбургского губернского жандармского управления (НАРТ Ф. 199. Оп. 1. Д. 771. Л. 191).

Современные архивные исследования показывают следующий исторический контекст. Съезд учителей 23 апреля 1917 г. принял ряд резолюций, в т.ч. и по национально-государственному устройству России. Россия, говорилось в резолюции, должна быть федеративной республикой, сочетающейся с экс-территориальной автономией [22]. Мулла из Нижнего Новгорода Г. Сулеймани выдвинул идею преобразования России в федеративное государство, состоящее из штатов [3]. Крестьяне Бирского уезда Уфимской губернии писали: "Нужны нам соединенные штаты" (ЦГИА РФ. Ф. 1278. Оп. 5. д. 1338. Л. 176, 159).

22 ноября 1917 г. в Уфе открылось Национальное собрание (*Милләт Мәҗлиси*) тюрко-татар внутренней России и Сибири, ознаменовавшее начало нового этапа в развитии идей национальной государственности татар. 29 ноября 1917 года Национальное собрание провозгласило территориальную автономию тюрко-татар в виде Урало-Волжского штата.

7 – 8 января 1918 г. по решению *Милләт Меджлиси* была создана Коллегия по осуществлению Урало-Волжского штата. (Председатель Г. Шараф; члены – И. Алкин, С. Атнагулов, Г. Губайдуллин, С. Енгалычев, Ф. Мухамедьяров, Ф. Сайфи-Казанлы, Н. Халфин; кандидаты – Г. Абызов, С. Габдулов, И. Габидов. Предполагалось включить в ее состав 5 представителей от русского населения, 2 – от чувашского, 1 – от марийского). Коллегия должна была провести переговоры с национальными и общественными организациями и вместе с ними провозгласить образование Урало-Волжского штата, принять временную конституцию, созвать конференцию в Уфе, сформировать временное правительство и определить границы будущего государства. Предполагалось, что Коллегия будет согласовывать свою деятельность с Казанским Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

На 2-м Всероссийском мусульманском военном съезде (Казань, январь – февраль 1918 г.) было принято решение торжественно провозгласить на митинге 1 марта 1918 г. резолюцию (фарман) об образовании Урало-Волжского Штата. В этот день сторонник Советской власти, "сардар" Гайнан Ваисов должен был выступить на Театральной площади Казани с объявлением о восстановлении Булгарской республики. Известно о непосредственных контактах высших функционеров "*Фирка-и наджийя*" с представителями *Милләт Меджлисе* и *Хәрби Шура*, которые, по

некоторым сведениям, должны были, в конце концов, привести к компромиссу.

Но в ночь на 28 февраля 1918 г., накануне провозглашения резолюции об образовании Урало-Волжского Штата, руководители съезда (Д. и И. Алкины, Ю. Музафаров, О. Токумбетов) были арестованы отрядом красноармейцев. Работа съезда была прервана и через два дня возобновлена в Забулачной части города. В результате противостояния с Казанским Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов возникло понятие "Забулачная республика" [24:2, с. 399 – 400]. "Забулачная республика" – одна из самых трагических страниц истории борьбы татарского народа за национальную государственность [4]. В 1930-е гг. обвинение в участии в этих событиях явилось одним из поводов для политических репрессий. Вплоть до конца 1980-х гг. в советской историографии "Забулачная республика" рассматривалась как один из основных очагов борьбы татарской националистической буржуазии против Советской власти.

После опубликования 23 марта 1918 г. "Положение о создании ТБССР" (Татаро-Башкирской советской республики), как формы национальной государственности татар и башкир в составе РСФСР, и разгрома в апреле 1918 национальных организаций (*Харби Шура, Милли Шура* и др.) деятельность Коллегии по осуществлению Урало-Волжского штата была запрещена. Таким образом, в период с 22 ноября 1917 г. по 12 апреля 1918 г. в Идель-Урале (Урало-Поволжье) создавались предпосылки культурно-национальной автономии.

ИДЕЛЬ-УРАЛ – волго-уральский регион, являющийся связующим звеном между Москвией и Сибирью. Территория компактного проживания волжских болгар *de facto* – центр, "становая ось" России. Интересную концепцию развивает профессор РГГУ, доктор философских наук И. Яковенко. По его мнению, концепция "Идель-Урал" – это соперничество в поиске исторической справедливости. Он считает, что Украина являла собой западную альтернативу Московии. По этническому субстрату и языку украинцы весьма близки русским. Идель-Урал же был восточной альтернативой Московской Руси. Здесь синтез шел на ином этническом субстрате. Доминирующим оказывался язык тюркской языковой семьи. Конфессионально жители этого региона определялись как мусульмане-сунниты. Специалисты указывают на альтернативный центр этнической консолидации, лежавший между Волгой и Уралом [18]. Это – территория Волго-Уральского региона (Идель-Урал). Здесь, начиная с эпохи Волжской Булгарии, шел процесс синтеза самостоятельной государственности. "Волго-Уральский регион (народы татаро-башкирского круга), – считает И. Яковенко, – проиграл историческое соревнование за звание центра огромного евразийского государства" [32], победил формирующийся вокруг Москвы русский народ.

Термин "Идель-Урал" используется для обозначения всех тринадцати субъектов Поволжья и Приуралья: Чувашии, Марий Эл, Татарстана, Башкортостана, Мордовии, Удмуртии, Самарской области, Ульяновской области Челябинской области, Оренбургской области, Саратовской области, Волгоградской области и Астраханской области являющимися исторической родиной тюрков Урало-Поволжья. Хотя исконными идель-уральскими землями являются, по сути, три – Чувашия, Татарстан и Башкортостан.

Сегодня они – субъекты Российской Федерации и входят в Поволжский федеральный округ. Федеральные округа Российской Федерации были созданы в соответствии с Указом Президента России В. В. Путина [27]. Приволжский федеральный округ образован в 2000 г. Центр федерального округа РФ – г. Нижний Новгород. Федеральный округ

занимает территорию площадью 1037,0 тыс. кв. км (6,06% от территории РФ). Численность населения Приволжского федерального округа по переписи населения 2002 г. – 31 млн. 154 тыс. 744 чел. (21,5 % населения России). Основу населения составляют горожане – 70,14%. Плотность населения – 29,26 человек на 1 кв. км. Национальный состав населения (итоги Всероссийской переписи населения 2002 г., %): русские – 67,8; татары – 12,8; чувашаи – 4,0; башкиры – 4,1; мордва – 1,7; удмурты – 1,5; марийцы – 1,5; украинцы – 0,7; казахи – 0,7; коми-пермяки – 0,6; другие национальности – 6,1.

Как подчеркивает в своей монографии В. В. Климанов, "Указ Президента В. Путина от 13 мая 2000 г. № 849 "О полномочном представителе Президента Российской Федерации" – это не просто попытка продолжить развитие федерализма в России и укрепить властную вертикаль власти, по сути дела, в нем заложена новая форма административно-территориального деления, которая заслуживает более глубокого обсуждения и осмысления" [15, с. 48-49].

В Уральском государственном университете им. А. М. Горького 31 мая 2010 г. прошел круглый стол "Идель-Урал: что это такое?", организованный кафедрой религиоведения УрГУ совместно с кафедрой философии Уральского юридического института МВД России [9].

Главной задачей, которую ставили перед собой участники научного форума, было понять, что же такое Идель-Урал – тюрко-исламский регион, охватывающий территории целого ряда областей и республик России, являющийся исторической родиной тюрков Урало-Поволжья, территорией традиционного распространения ислама в нашей стране. Как объясняли организаторы круглого стола, обсуждение этой проблемы было вызвано тем, что в последние полтора десятка лет имеет место рост этнического и религиозного самосознания населения этого региона, появляются проекты его национально-религиозного и политического обособления. 2 августа 2008 г. в Казани произошло знаменательное историческое событие – под эгидой Всемирного Конгресса Татар был создан Координационный Совет Народов Идель-Урала [30]. Возникли дискуссии ученых, политиков, религиозных деятелей о месте ислама и поволжско-тюркских народов в исторических судьбах России и Урала, сопровождавшиеся многочисленными публикациями на эту тему, в том числе в интернет-изданиях. В июле 2010 г., к примеру, по тематическому запросу "Очерк "Идель-Урал" поисковая система Google показала 19 900 сайтов, поисковая система Nigma.ru выдала 3,9 тысячи результатов.

Географические границы государства-мифологемы "Идель-Урал" практически совпадают с границами Поволжского федерального округа.

Федеральные округа не являются субъектами или иной конституционной частью административно-территориального деления Российской Федерации и были созданы по аналогии с военными округами и экономическими районами, но не совпадали с их количеством и составом. Федеральные округа не затрагивают основное административно-территориальное деление, и являются формой укрепления вертикали государственной власти. В 2010 г. из состава Южного федерального округа был выделен Северо-Кавказский. В Российской Федерации сейчас насчитывается 8 федеральных округов. Почти все округа состоят преимущественно или только из административно-территориальных образований (субъектов федерации). Единственным из округов, который почти полностью состоит из национально-территориальных субъектов (республик), является Северо-Кавказский округ.

Анализируя проблемы политико-правового статуса федеральных округов, в монографиях [6], специалисты – С.Н. Бабурин [2], А. Ка-

заков [12], В.В. Кистанов [14], М.А.Шадрин [31] и др. выделяют как минимум два аспекта. Во-первых, вопросы, связанные со стратегией предполагаемой в перспективе реорганизации системы федеративного устройства России, и, во-вторых, вопросы, связанные с новой региональной политикой федерального центра, касающиеся перспектив создания единой системы исполнительной власти и возможностей по перераспределению полномочий между центром и провинциями [17, с. 69-72].

Федеральные округа рассматриваются сегодня в качестве макро-регионов Российской Федерации как определенной совокупности его субъектов. Макрорегионы и субъекты Федерации, использование их резервов имеют важнейшее значение для реализации долгосрочной стратегии перехода на инновационный тип развития.

В этом – немалая заслуга и "фантазеров" дальневосточной эмиграции, которые рисовали "Штат Идель-Урал".

Литература

1. Ахмеров Г. Избранные труды. Казань. 1998.
2. Бабурин С. Н. Территория государства: правовые и геополитические проблемы. М., 1997.
3. *Вакыт*. 1917. 15 мая (на татар. яз.)
4. *Валиев Р. К. Болак арты республикасы*. Казань. 1999 (на татар. яз.).
5. Герберштейн С. Записки о Московии. СПб. 1866.
6. Государственно-территориальное устройство России (экономические и правовые основы) / Под ред. А. Г. Гранберга, В.В. Кистанова. М., 2003.
7. Жданов Н. В. Исламская концепция миропорядка. – М.: Международные отношения, 1991.
8. Закиев М. З. Кузьмин-Яманади Я.Ф. Волжские болгары и их потомки. Казань. 1993.
9. "Идель-Урал" остался для уральских ученых загадкой URL <http://www.islamnews.ru/news-24667.html> [Дата обращения: 19.11.2010].
10. Исхаков С. М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). – М., 2004.
11. *Исхакий, Гаяз. Идел-Урал. Яр Чаллы: "КАМАЗ" газета-китап нәширияте*. 1992. (на татар. яз.)
12. Казаков А. Российский этнический федерализм: угроза целостности страны? // Федерализм. 2004. № 1.
13. Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб. 1818. Т. 3.
14. Кистанов В. В. Федеральные округа России: важный шаг в укреплении государства. М., 2001.
15. Климанов В. В. Региональное развитие и экономическая самостоятельность субъектов Российской Федерации. М., 2000. С.48 – 49
16. Коран / Пер. И. Ю. Крачковского М., 1986; V – номер суры, в данном случае "Трапеза", 53 – номер стиха.
17. Медведева В. К. Федеральные округа и новая региональная политика // Актуальные проблемы политологии: Сборник научных работ студентов и аспирантов Российского университета дружбы народов. / Отв. ред.: д.ф.н., проф. В.Д. Зотов. М.: МАКС Пресс, 2001.
18. Пантин В. И. Циклы и волны глобальной истории. М.: Издательский дом "Новый век", 2002.
19. Первой была Булгарская республика! URL <http://www.bulgarlar.com/>

dvizsenie/page/1918respublika.html

20. Сенюткина О.Н. Особенности организационного оформления единого мусульманского пространства России (начало XIX в.) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия История. Вып. 1(4). 2005.

21. Сенюткина О.Н. Тюркизм как историческое явление (на материалах истории Российской империи 1905 – 1916 гг.): Монография. Нижний Новгород: ИД "Медина". 2007.

22. *Сөембике*. 1917. № 13. 203 б. (на татар. яз.)

23. Тагиров И.Р. История национальной государственности татарского народа и Татарстана. Казань: Тат. кн. изд-во. 2000;

24. Татарская энциклопедия: В 6 т. / Гл. ред. М.Х. Хасанов, ответ. ред. Г. С. Сабирзянов. Казань: Ин-т Татар. энциклопедии АН РТ. 2008.

25. Терентьева И.В., Беляков Р. Ю., Сафаров М. Ф. Политические партии и движения Республики Татарстан. Казань. 1999.

26. Торопов Д. Татарстан: партии и общественные организации. Казань. 1993; Политическая система Республики Татарстан. Казань. 1995;

27. Указ от 13 мая 2000 г. № 849 "О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе" // Российская газета. 2000, 14 мая URL <http://www.rg.ru/oficial/doc/ykazi/849.htm> [Дата обращения: 19.11.2010].

28. Фаизов Г.Б. Государственно-исламские отношения в Поволжье и Приуралье. Уфа: УНЦ РАН. 1995.

29. Файзханов Х. Три надгробных болгарских надписи // Известия археологического общества. Т. IV. СПб. 1863.

30. Финно-угры Идель-Урала заявляют о нарушении принципов равенства наций и федерализма в России URL <http://www.finugor.ru/?q=comment/reply/8368> [Дата обращения: 19.11.2010].

31. Шадрин М. А. Эволюция политико-территориального устройства России в процессе формирования и развития российской государственности (историко-правовой и теоретико-правовой аспекты). Дис... канд. юрид. наук. СПб., 2004.

32. Яковенко, Игорь. Я – русский. Кто я и зачем я? // Нева. 2004. № 6. С. 149-178.

УДК 34.07

Золотухин И.Н.

Особенности национальной политики в странах Юго-Восточной Азии после Второй мировой войны

The Peculiarities of the National Policy in the South-East Asia after WWII

В данной статье автором рассматриваются особенности национальной политики в странах Юго-Восточной Азии. Освещены механизмы и пути национальной политики, сложности в ее реализации, идеологические конструкты и другие аспекты изучаемой проблемы. Особое внимание уделяется влиянию этнического фактора на внутривластные процессы в странах региона.

Ключевые слова: *национальная политика, полиэтничность, этнополитические конфликты, этнические группы, Юго-Восточная Азия*

In the article the peculiarities of national policy in South-East Asia is considered by the author. The mechanisms and trends of national policy, difficulties in its implementation, ideological constructs, and other aspects of the investigated problem are clarified. The influence of ethnicity on political processes in the region is particularly pointed out.

Key words: *national policy, multi-ethnicity, ethno-political conflicts, ethnic groups, South-East Asia*

В странах Юго-Восточной Азии этнический фактор существенно повлиял на характер их самостоятельного внутривластного развития. В колониальную эпоху этнический фактор во многом являлся одним из средств политики "divide et impera", проводимой колониальными властями. Р. Уинстед отмечает, что колониальные державы поделили Юго-Восточную Азию на сферы влияния, расколов, таким образом, уникальную политико-этническую общность "Малайский Мир" [37, 96-97, 100-103]. Англо-голландский договор 1824 года разделил Джохор между сферами влияния Великобритании и Нидерландов [29, 97-101]. В 1898 году голландцы захватили Ачехский султанат. США достался султанат Магинданао. Англо-сиамский договор 1909 года разделил султанат Паттани. Колониальные власти подчинили ранее независимые этнические общности, что впоследствии создало питательную почву для конфликтов, таких, как сепаратистские движения и межобщинное насилие в странах Юго-Восточной Азии.

В Британской Малайе англичане занимали высшую ступень, так как занимали управленческие должности; ниже стояли китайцы, которые в основном торговали, добывали полезные ископаемые и следили за плантациями; ещё ниже располагались индийцы, бывшие разнорабочими, работавшими в основном на железных дорогах и производстве кау-

чука; в самом низу находились малайцы, занимавшие незначительные должности в местном чиновничьем аппарате и работавшие в полях или на плантациях [16, 146]. Миграция китайцев и тамиллов, поддерживаемая англичанами, создала дополнительные трудности в сложный комплекс этнических проблем региона.

Проанализировав колониальные экономические системы в Бирме и Индонезии, Д.С. Фёрнивалл выдвинул теорию плюрализма, согласно которой, плюралистическое общество – это общество, которое включает "два или более общественных устоев, сосуществующих рядом в одной политической единице, но не смешивающихся друг с другом". Например, для Британской Малайи была характерна комбинация географической близости проживания и социальной сегрегации. Этнические общности играли различные экономические роли. Именно социальная сегрегация не позволила выработать единые социальные интересы, став основой политического противостояния этих общностей [19, 4].

Часто колонизаторы создавали "искусственные страны" [28, 362], игнорируя границы естественных этнических общностей и создавая политические границы, разделяющие этнические группы (например, индонезийские и малазийские малайцы).

Малайцы-мусульмане стали группами этноконфессиональных меньшинств в Таиланде и на Филиппинах. Внутри "малайского мира" тоже возникли противоречия: ачехцы стали противостоять национализму яванцев. В Британской Малайе китайская и тамильская общины стали восприниматься как угроза самобытности малайцев, а в Индонезии и на Филиппинах послевоенная политика трансмиграции привела к обострению этноконфессиональных противоречий.

Еще с XVI века испанцы начали осуществлять управление этническими процессами на Филиппинском архипелаге, стремясь создать однородное общество путем христианизации местных жителей [4, 16]. С конца XIX века американцы начали проводить целенаправленное построение филиппинской нации параллельно с курсом демократизации страны. И если испанцам пришлось признать независимость мусульманского мусульманского государства, то проамериканское правительство стало проводить изоцированную политику с целью поощрения интеграции мусульманской общины в филиппинское общество [17, 53], что привело к обострению противоречий между мусульманами и христианами, консервируя проявления антагонизма [1, 142].

Колонизация принесла в Юго-Восточную Азию западные политические институты и социальные структуры. С обретением независимости страны Юго-Восточной Азии сохранили государственно-политический механизм, сконструированный под влиянием колониальных держав. Однако постколониальная модель развития стран Юго-Восточной Азии включала проблему индигенизации (или ориентализации) западных политических форм, их наполнения местным культурным содержанием. В результате за выстроенным политическим фасадом, скрывались традиционное содержание политической системы, которое стало оказывать решающее влияние на механизм и характер её функционирования.

Независимые государства сохранили прежние границы, проведенные колониальными правительствами с целью разделить сферы влияния друг с другом. В то же время границы разделили не только государства, но и территории, которые длительное время населяли разные этнические группы. Перед новыми государствами встала серьезная проблема – сформировать единое национальное государство при наличии полиэтничности.

Бывшие колонии европейских промышленно развитых стран столкнулись с вызовом обретения собственной идентичности, сделав ставку на построение государства-нации по западноевропейскому типу, в ко-

тором множество этнических общностей были бы объединены в рамках общегосударственной идеи. Но подобная модель не учитывала как особенностей этнической ситуации, сложившейся на протяжении столетий, так и влияния колониальной администрации, эксперименты которой трансформировали самобытные условия проживания и взаимодействия разных этнических общностей на территории Юго-Восточной Азии. Как следствие, возникновение и обострение этнических конфликтов, ставших катализатором внутривосточных процессов, происходящих в странах Юго-Восточной Азии.

Одной из главных особенностей внутренней структуры Юго-Восточной Азии выступает полиэтничность. Этот фактор повлиял на процесс формирования государства в странах ЮВА после Второй мировой войны. Полиэтничность добавляла напряженность во внутривосточную жизнь стран Юго-Восточной Азии, но в начале процесса нациестроительства, внимание правящих кругов было приковано к решению главным образом экономических, политических и социальных проблем. Руководящие элиты в странах, освободившихся от колониальной зависимости, полагали, что, решив первостепенные проблемы, они смогут стабилизировать общество и построить единую нацию. Однако, игнорирование и не уделение должного внимания этническим вопросам (в лучшем случае им уделялась второстепенная роль) привело к тому, что к социально-политическим проблемам добавились этнические.

В Юго-Восточной Азии сложились три формы идеологического обоснования национальной политики: этнокультурная, гражданская и мультикультуралистская. Этнокультурный национализм изображает современное государство-нацию как субстанцию, созданную вокруг этнического ядра, обладающего более высоким статусом, по отношению к другим этническим общностям и группам. Эта образование гарантирует безопасность и защиту путем ассимиляционного развития в направлении этнокультурного единства. Гражданский национализм изображает этническое государство как развитие на пути к единому сообществу, в котором управляют нормы, незримые к этническим различиям. В качестве магистральной идеи предлагается достижение безопасности путем движения к равному гражданству. Мультикультурализм, в свою очередь, предлагает достижение внутренней стабильности и безопасности путем политики этнического баланса, обещающая каждому этническому сообществу автономию и контроль над ресурсами.

Тарлинг считает, что обретение национального самосознания и переход к нации в таких странах, как Вьетнам, Бирма (Мьянма) и Таиланд никогда не прекращался и осуществлялся на протяжении столетий и национальные особенности рассматриваются как результат длительных процессов модернизации и национальной интеграции [33]. Энгельберт и Шнайдер обращают внимание на то, что категория "нация" в современной Юго-Восточной Азии искажена религиозным и лингвистическим разнообразием этнических групп этого региона [15]. А К. Нехер отмечает, что борьба за этническую самобытность может происходить как ответ на внешнюю угрозу или давление, и в этом смысле, например, национализм привел к антиколониальным националистическим движениям и к формированию независимых государств в Юго-Восточной Азии [27].

М. Бисон считает, что "внешние силы глобализации существенно ослабили национализм в некоторых полиэтничных государствах Юго-Восточной Азии, особенно в Индонезии" [9]. Также отмечено, что национальные особенности кардинально зависят от идей равноправного гражданства, которые популярны в странах с переходными режимами и существенно влияют на национальное самосознание [14, 4]. Однако другие исследователи отмечают, что в условиях глобализации происходит отход от идей космополитической однородности и, напротив, актуализи-

руются различия, уникальность и культурная специфика [32, 9].

Еще в период деколонизации политическая элита ряда стран Юго-Восточной Азии выдвигает стратегию построения национального государства, основанную на понимании государства-нации, построенного на этническом ядре, сформировавшемся исторически. Таким образом, остальные лингвистические, расовые или конфессиональные сообщества маркировались и определялись как этнические меньшинства [38].

Таким образом, политика этноцентризма привела к формированию этноконфессиональных меньшинств, которые воспринимали государство как агента доминирования этнического ядра, хотя в странах Юго-Восточной Азии титульные этнические ядра были открыто одобрены в общественной политике и в государственной символике. На Филиппинах государственным языком стал тагалог, на котором говорили христиане-малайцы, жители центрального и южного Лусона. Именно тагалыцы стали "ядром филиппинской нации" после обретения страной независимости в 1946 году. В других случаях, как, например, с тайцами, бирманцами, лао и малайскими сообществами, этнокультурным основанием для построения нации стало название этнической общности, которое дало название государству.

Численное большинство и государствообразующая роль этноса – не одно и то же; первое и второе не обязательно совпадает. Указанная роль складывается исторически, когда создание государственного ядра, вокруг которого объединяются другие этнические группы и на основе которого формируется многонациональная федерация, является заслугой доминирующей этнической группы [8, 8].

Если этническое ядро проживало главным в плодородных низменностях (например, тагалыцы), которые впоследствии стали центральным регионом экономического развития; а этнические меньшинства занимали периферийные нагорные области, то жители труднодоступных (и как следствие экономически отсталых) областей воспринимались как культурно примитивные, экономически отсталые, или политически неразвитые. Если же меньшинства занимали ключевое положение в экономической сфере, то этническая дискриминация носила явный характер (например, в Малайзии бумипутра противопоставлялись китайцам и индийцам (главным образом, тамилам), в Камбодже в невыгодном положении оказались вьетнамцы, что было отобразено в Законе о гражданстве 1954 года и в антикоммунистических погромах начала 1970-ых годов.

К чему может привести подобная политика понимали в Сингапуре, где с момента обретения независимости в 1965 году правительство Ли Куан Ю выступило против социально-экономического и демографического доминирования китайской общности. А вот в Лаосе, Камбодже и в некоторой степени в Таиланде, на этнические меньшинства также оказывалось давление, чтобы ассимилировать их "культурно превосходящими" этническими ядрами.

В Бирме военный режим утверждал, что все этнические сообщества происходят от одной расы, и таким образом поддаются ассимиляции, если бы не вмешательство "фанатических расистов, идеологических повстанцев, и так называемых религиозных повстанцев" [11, 155]. Бывший премьер-министр Малайзии Махатхир Мохамад в своей работе "Малайская дилемма" явно показывает, что в основе социально-культурных различий между людьми лежит расовый принцип. Как отмечает доктор Махатхир: "евреи, например, не просто имеют орлиный нос, но также инстинктивно чувствуют деньги. Европейцы не только имеют светлую кожу, но и чрезвычайно любопытны... Кроме кожи шоколадного цвета, малайцы обладают спокойным нравом и терпимостью. А китайцы – не только люди с миндалевидными глазами, но также и хорошие бизнесмены" [24, 84]. Поэтому, социальное неравенство между китайцами и малайцами

носит врожденный характер, и правительство не должно допустить китайского доминирования. Таким образом, экономическое неравенство мыслилось как следствие межэтнических различий [30], и именно последние обладали политическим характером.

Однако, по мнению американского антрополога Хью Льюиса, малайцы сами создали непроходимые границы между этническими группами. Например, в отношении к китайской общине, они не просто утверждали собственную исламскую культурную гегемонию для всей Малайзии, но также позиционировали и легитимизировали себя в отношении китайцев, как "неимущая" группа, таким образом, дискриминируя китайцев, как общность, несущую угрозу существованию малайцам [23].

Политика ассимиляции в отношении мигрантских сообществ, таких как китайские тайландцы или китайские индонезийцы, имела больший успех, нежели по отношению к горным племенам (такие как хмонг в Таиланде, Лаосе и Вьетнаме), где она была "обычно неэффективна и часто носила разрушительный характер" [11, 6].

Мигрантские сообщества, которые были вынуждены принять более низкий гражданский статус, часто шли на уступки. Китайцы и индийцы Малайзии, несмотря на бунт 13 мая 1969 года, сотрудничали с государством, которое стремилось заручиться поддержкой политических и экономических элит этнических меньшинств. Но группы этнических меньшинств могли подвергнуться дискриминации и даже настоящим репрессиям, как, например, вьетнамцы в Камбодже (Кампучии), которые были подвергнуты преследованию, став жертвами режима Пол Пота. А перед вьетнамо-китайской войной (1978-1979 годов) большие группы "хоа" – этнических китайцев, проживавших во Вьетнаме, устремились в Китай; это переселение китайцы считали изгнанием, а вьетнамцы – миграцией.

Воздействие этнокультурного национализма на ранее автономные территории этнических меньшинств подорвало целостность этнических общностей и групп Юго-Восточной Азии. Вмешательство государства на родные земли этнических меньшинств в большинстве случаев влекло за собой разрушение традиционных структур власти (традиционные этническое элиты заменялись правительственными чиновниками, представителями этнического ядра); социальная структура была разрушена внедрением новых финансовых, административных и образовательных структур и трудовой миграцией.

Такие попытки расширить государственный контроль над периферийными областями, населенными представителями этнических меньшинств, приводят к этнополитическим конфликтам (малайцы-патани в Таиланде; моро на Филиппинах; карены, шанцы, рохинджа, качин, чин и другие этнические группы в Мьянме; папуасы и ачехцы в Индонезии, хмонг в Лаосе). Эти восстания имели место и в доколониальный и в ранний колониальный период и были направлены против растущего влияния современного государства. С конца 1960-ых годов глобальный характер приобретает "этническое возрождение"; возникают призывы на этнической почве к политической автономии в пределах или за пределами существующих государств-наций [10, 147]. Во всех случаях правительства попытались подавить вспышки межэтнического насилия и этноконфессионального сепаратизма вооруженным путем. Но хотя государствам удалось подавить восстания, или, по крайней мере, локализовать его, все-таки, для эффективного контроля ситуации в районах проживания этнических меньшинств необходимо было вводить войска (им не удалось эффективно контролировать ситуацию в районах проживания этнических меньшинств).

Общественная поддержка таких движений (в провинциях Ачех, Патани, Минданао и др.) колебалась, в зависимости от действий прави-

тельства, обещаний со стороны сепаратистских элит, и принудительные давления от бойцов с обеих сторон. Конфликты усугубляются не только из-за социально-экономических и политических проблем, накладываемых на этнокультурные различия, но и из-за идеологических клише и националистического фанатизма, из-за которых политика видится упрощенной, как борьба между двумя стереотипными категориями: добродетельным Мы и демонизируемым Чужие [35, 2, 5]. Этнический сепаратизм меньшинств видится государством как внутренняя угроза, особенно в рамках императива национального единства. В свою очередь, действия правительства вызывают ответные контрдействия. Повстанцы позиционируют себя как борцы за освобождение от иностранной зависимости. Как результат, в странах Юго-Восточной Азии с 1960-ых в отношении разрешения проблем сепаратизма сложилась патовая ситуация. По мнению Макгари, "федерация с доминирующей этнической общностью имеет некоторые преимущества: такое большинство обладает силой, чтобы оказать сопротивление сепаратизму. Однако оно также может почувствовать себя в безопасности и сделать уступки другим группам" [26, 16].

Стоит обратить внимание на то, что в Юго-Восточной Азии почти повсеместно этнокультурные конструкты нации соприкасались с идеями, что государство представляет собой сообщество граждан, статус которых не должен зависеть от их этнического происхождения, но должен быть сопряжен с проживанием в пределах территории государства и чувством патриотизма. Нация, таким образом, изображалась как сообщество людей, объединенных общей судьбой, а гарантом их защиты и безопасности выступал авторитарный режим, который должен был защищать уникальную коллективную общность от внешних угроз, а также от внутренних (в том числе и этнических) [3, 169].

Правительство Сингапура начало внедрять с 1960-ых годов идеи сёрвивализма (принцип осажденной крепости) – бедный ресурсами остров во враждебном окружении. Впоследствии режим стал развивать идеи гражданского национализма, который сосредоточился на том, чтобы культивировать патриотизм параллельно экономическим преобразованием государства [13, 118].

Для сингапурской коммунитаристской модели характерны этнообъединительные процессы, происходящие при юридическом равенстве этнических общностей и суверенности их родных языков. В результате, с одной стороны, происходит консолидация отдельных этнических общностей, каждая из которых сохраняет свою материальную культуру, язык, самосознание и самоназвание. Культурный плюрализм, по мысли политиков, не несет в себе потенциальной угрозы единству страны, он, скорее, служит источником ее жизненной энергии и культурного прогресса. С другой стороны, при сохранении этнокультурной гетерогенности в рамках всего общества идет процесс формирования общесингапурской самоидентификации. В границах высокоурбанизированного индустриально-центра, фактически лишённого аграрной периферии, при абсолютном доминировании китайцев происходит сближение, но не ассимиляция или размывание исходных свойств различных этнических групп на базе английского языка и общих элементов надэтнической городской культуры [2, 38].

Современному Сингапуру вряд ли грозит модель "melting pot", поскольку коренные различия в культуре, традициях, религиозной принадлежности, психическом складе основных этнических общностей весьма значительны, а внешний фактор (в лице Китая) постоянно усиливает эти различия [31, 574].

Процесс глобализации радикально видоизменяет даже такие наиболее консервативные и устойчивые структуры социального сознания и поведения, как традиции, обычаи, бытовые привычки этнических со-

обществ. Ярким примером этого являются, например, резкие перемены в религиозной принадлежности китайской группы населения Сингапура. Доля буддистов возросла с 34,3 до 53,6 процентов, а доля христиан увеличилась с 10,9 до 16,5 процентов при падении доли даосистов с 38,2 до 10,8 процентов. Доля неверующих среди китайцев выросла за 20 лет с 16,4 до 18,6 процентов. Среди китайцев, говорящих на английском языке, христиане составляют 39,8 процентов, а среди говорящих только на китайском – 9 процентов, среди говорящих на тамильском языке – 6,7 процентов. Причем христианство принимают в основном те, кто говорит на английском языке, однако, малайцы, говорящие на английском языке, остаются мусульманами. Самой образованной религиозной группой по-прежнему остаются христиане (33,5 процентов из них имели высшее образование) и неверующие (28,9 процентов), самой малообразованной группой являются мусульмане. Самыми богатыми сингапурцами также являются христиане (34,3 процентов) и неверующие (24,2 процентов) [7].

Политические и идеологические конструкторы разработали новую модель сингапурской идентичности – программу "Сингапур XXI", главная идея которой заключается в воспитании активных граждан, утверждении в их сознании и душах чувства принадлежности к государству, эмоциональной лояльности и привязанности к Сингапуру как к родному дому. С другой стороны, Сингапур все больше становится городом-космополитом, принимая на себя своего рода роль межцивилизационного центра, где сосуществуют и взаимодействуют системы ценностей Запада и Востока. Поэтому правительство республики продолжает проводить политику привлечения высокообразованных и талантливых иностранцев в связи с целью развития Сингапура и его превращения в "интеллектуальный остров" [2, 41].

Большинство авторитарных режимов Юго-Восточной Азии выдвинуло идеи гражданского национализма, переплетая их с идеями этнокультурного национализма, чтобы увеличить среди этнических меньшинств легитимность господствующей этнической общности. Например, в Таиланде, различного рода авторитарные режимы "бюрократического государства" узаконили себя, используя тайские монархические структуры, буддизм, и "стандартный тайский" язык как символы гражданского единства государства [6, 59-60]. В Индонезии была применена идеология "панчасила". В Малайзии Мохатхир Мохамад стремился отойти от принципа "малайская Малайзии", ясно формулируя более гражданское видение "объединенной малазийской нации" (общности, связанной единством происхождения) – Бангса Малайзия, в которой малайцев и немалайцев объединяла "общая судьба" [25].

Однако бурное экономическое развитие стран Юго-Восточной Азии способствовало росту нового среднего класса и гражданского общества, которое все активнее требовало уменьшения государственного вмешательства. Таким образом, государство, позиционирующее себя единственным законным выразителем интересов нации, бросало вызов требованиям гражданского общества, согласно которому нация является гетерогенной, а не гомогенной структурой, и что основой нации являются не центральные государственные учреждения, а скорее элементы гражданского общества [30, 167].

В Малайзии с 1990-ых годов политика доминирования бумипутра над китайцами и индийцами отходит на второй план. Демократизация в Таиланде, начиная со студенческих выступлений в Бангкоке 1973 года привела к "новому национализму в Таиланде, ориентированному на вхождение тайской столицы в мировую экономику" [12, 186]. На Филиппинах президент Арройо после прихода к власти обещала создать сильное государство, с эффективными правительственными и админи-

стративными учреждениями, способными сражаться с коррупцией и терроризмом [5]. Однако ни одно из перечисленных государств не решило проблему межэтнического диалога, а тем более сплочения нации.

Политика мультикультурализма в странах Юго-Восточной Азии начинает проявлять себя в 1980-е годы. Во многом понимание этнического плюрализма как серьезной угрозы национальному единству, оправдывало доминирование централизованного авторитарного управления. В определенной степени такие опасения были связаны с высоким уровнем этнических бунтов и этнорегиональных восстаний в 1960-ые и 1970-ые годы. Но с 1980-ых, более и менее ясно, был сформулирован контраргумент – политическая стабильность могла бы быть лучше всего достигнута путем приспособления этнических различий – отходом от политики этнической ассимиляции или доминирования, к созданию договоренностей с этническим меньшинством [34, 326].

К модификации принципов нациестроительства государственными элитами привело изменение в понимании этнических меньшинств (включающие сообщества мигрантов), которые теперь изображались не просто как периферия, но скорее как составляющие элементы мультикультурного государства-нации. В Таиланде, например, "всплеск выражений этнической культуры и идентичности" [21, 18] проявляется в "повторном открытии" китайским населением страны их китайских названий и культуры, провозглашении культур горных племен как компонента общетаиландской культуры (как следствие, растут доходы от так называемого этнотуризма), росте числа носителей мон-кхмерских языков и языков мяо. Переход от централизованной ассимиляции к децентрализованной договоренности был также отражен в изменении отношения к малайцам-мусульманам Патани. Реформы 1990-ых годов привели к увеличению численности малайских мусульман в правительственных учреждениях, сокращению экономических различий между мусульманами и тайцами, преподаванию малайского языка и в школах Патани. Результатом стала "дерадикализация" малайско-мусульманского сепаратизма, хотя сама проблема этносепаратизма еще не решена [36, 397].

Мультикультуралистское видение нации предполагает два варианта: 1) корпоративистская стратегия государства в отношении к этническому плюрализму, посредством чего государство обеспечивает ограниченную этническую автономию через институциональные и идеологические структуры, которые определены государством, и разработаны таким образом, чтобы способствовать кооптации этнических элит и этнических требований; 2) либеральная стратегия, которая подразумевает децентрализацию власти и ресурсов по отношению к этническим меньшинствам через внутренне самоуправляющиеся институты или территориальные области.

Филиппины, вероятно, пошли на самые большие уступки в мультикультуралистском направлении, предложив автономию мусульманам Минданао. В Мьянме перемирие с этническим повстанцами было достигнуто путем соглашений, которые большинство наблюдателей определило как "косметические" (для внешнего антуража), и "многие из этих соглашений представляют собой по существу элитарные пакты между военной хунтой и местными князьками, торговцами наркотиками, и бандитами [22, 167]. В Сингапуре мультикультурализм принял корпоративистские формы – с конца 1980-х годов стали формироваться этнические ассоциации малайцев, тамиллов, китайцев. В Индонезии с 1999 года проводится административная децентрализация, в частности Ачеху [18] и Папуа [20] был предложен статус "особой автономии". В Таиланде стремлению правительства к ведению диалога и возможному компромиссу с малайцами-мусульманами противодействует Джемаах Исламия и в этом отношении деятельность исламских террористических организаций

подрывает принципы мультикультурализма.

В настоящее время ни одна из стратегий национальной политики не является преимущественной. Во многом это происходит по причине того, что этнический фактор принял самодовлеющий характер и государствам Юго-Восточной Азии приходится сталкиваться как с последствиями результатов колониальных правительств, так и с конфликтными проявлениями межэтнического характера, например, такой с проблемой как этноконфессиональный сепаратизм и вооруженные столкновения на межэтнической почве, несущие угрозу безопасности не только самим странам, но и всему региону.

Литература

1. Губер, А.А. Филиппинская республика 1898 г. и американский империализм. М., Наука, 1961. 264 с.
2. Гуревич Э. Политика, экономика. интеграция по-сингапурски // Азия и Африка сегодня, 2002, №9. С. 36-41.
3. Жаров, В.А. Официальные идеологические доктрины Индонезии, Малайзии и Филиппин. М., Наука, 1985. 293 с.
4. Левтонова, Ю.О. История Филиппин: краткий очерк. М., Наука, 1979. 295 с.
5. Макаренко, В. В. Бархатный переворот// Азия и Африка сегодня, 2001, №12. С. 38 – 39.
6. Словесная, Н.Г. Национальный вопрос в Таиланде. М.: Наука, 1985. 116 с.
7. Тульский, М. Портрет "нового китайца" из Сингапура// Независимая газета. 28.11.2000. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/world/2000-11-28/6_korotko.html [Дата обращения: 01.03.2010 г.].
8. Фарукшин, М.Х. Этничность и Федерализм: возможность сочетания или тотальная несовместимость? // Политэкс. Политическая экспертиза, 2008, Т. 4, №2. С. 5-71.
9. Beeson, M. Southeast Asia and the politics of vulnerability // Third World Quarterly, 2002, Volume 23, №3. P. 549-64.
10. Christie, C. J. A Modern History of Southeast Asia: Decolonization, Nationalism and Separatism, London: Tauris, 1996. 256 p.
11. Civilizing the Margins: Southeast Asian Government Policies for the Development of Minorities. Edited by Duncan, C. R. Ithaca: Cornell University Press, 2004. 278 p.
12. Connors, M. K. Democracy and National Identity in Thailand. New-York: Routledge-Curzon, 2003. 239 p.
13. Chua, B. H. Communitarian Ideology and Democracy in Singapore. London: Routledge, 1995. 285 p.
14. Democratization and Identity: Regimes and Ethnicity in East and Southeast Asia. Edited by S. J. Henders. Lexington Books. Revised edition, 2006. P. 276.
15. Ethnic Minorities and Nationalism in Southeast Asia: Festschrift dedicated to Hans Dieter Kubitscheck. Edited by Engelbert, T., Schneider A. Frankfurt, 2000.
16. Ganguly, Sumit, Ethnic Politics and Political Quiescence in Malaysia and Singapore. Hodder and Stoughton Limited, London, 1976. 223 p.
17. George, T. S. Revolt in Mindanao. The Rise of Islam in Philippines. Oxford, 1980. 394 p.

18. Harvey, R. Papua's struggle for independence// [Электронный ресурс]. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/asia-pacific/7942026.stm> [Дата обращения: 01.06.2009 г.]
19. Hefner, R. W. Introduction: Multiculturalism and Citizenship in Malaysia, Singapore, and Indonesia // *The Politics of Multiculturalism*, University of Hawaii Press, Honolulu, 2001. 492 p.
20. Indonesia completes pullout from Aceh. AFP Report, 29 December 2005; EU Monitoring Mission in Aceh. EU Council Secretariat. Factsheet, January 17, 2006.
21. Jory, P. Multiculturalism in Thailand: Cultural and regional resurgence in a diverse Kingdom // *Harvard Asia Pacific Review*, 2000, N4. P. 18-23.
22. Lambrecht, C. W. Oxymoronic Development: The Military as Benefactor in the Border Regions of Burma // *Civilizing the Margins: Southeast Asian Government Policies for the Development of Minorities*. Edited by Duncan, C. R. Ithaca: Cornell University Press, 2004. P. 150-181.
23. Lewis, H. M. Malaysian Ethnoculture and the Chinese-Malay Dilemma // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lewisicropublishing.com/Publications/Hokkien/Hokkien5.htm> [Дата обращения: 10.02.2010 г.]
24. Mahathir, Bin Mohamad. *The Malay Dilemma*. 1st Edition, Singapore, 1970 (Reprinted 2008 with New Preface). 236 p.
25. Mahathir, Bin Mohamad. *The Way Forward. Vision 2020* // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.epr.ipm.my> [Дата обращения: 05.02.2010 г.]
26. McGary, J. Can Federalism Help to Manage Ethnic and National Diversity?// *Federations*, 2005, Vol. 5. N. A-1. P. 13-21.
27. Neher, C. D. *Southeast Asia in the New International Order*, Boulder: Westview, 1994. 320 p.
28. Peoples, J., Bailey, G. *Humanity: An Introduction to Cultural Anthropology* 7th ed. Belmont, CA: Thomson Wadsworth, 2006. 392 p.
29. Reid, A. Colonial Transformation: A Bitter Legacy, Verandah of Violence: The Background to the Aceh Problem, Singapore University Press, 2006. 272 p.
30. Rodan, G. Civil Society and Other Political Possibilities in Southeast Asia// *Journal of Contemporary Asia*, 1997, N27 (2). Pp. 156-179.
31. Siddique, S. *Singaporean Identity*// Singapore. *The Management of Success. The Moulding of Modern Singapore*. Edited by K.S. Sandhu and P. Wheatley. Singapore. Institute of Southeast Asian Studies, 1989. p. 563-577.
32. *Southeast Asian Identities: culture and the politics of representation in Indonesia, Malaysia, Singapore and Thailand*. Edited by J S. Khan. Singapore, Institute of Southeast Asian Studies, 1998. 274p.
33. Tarling, N. *Nations and States in Southeast Asia*, Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 136 p.
34. *The Politics of Multiculturalism in the Asia Pacific*. Edited by David Myers. Darwin: Northern Territory University Press, 1996. 426 p.
35. Turner, K. Utopian Visions and Kinship Divisions // *Harvard Asia Quarterly Online*, 2002. N6(3): Pp. 1-8// [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fas.harvard.edu/asiactr/200203/turner.pdf> [Дата обращения: 11.02.2010 г.]
36. Wan, M. Suria S. *Deradicalization of Minority Dissent: A Case Study of the Malay-Muslim Movement in Southern Thailand 1980-1994*. // *Sama-Sama: Facets of Ethnic Relations in Southeast Asia*. Edited by Miriam C. Ferrer. Queson City. University of Philippines, 1999. 448 p.
37. Winstedt, R.O. *A History of Johore (1365-1941)*. MBRAS Reprint, 1992. 284 p.
38. Young, C. *The Politics of Cultural Pluralism*, Madison: University of Wisconsin Press, 1976. 574 p.

УДК 327

Журбей Е.В.

Внешняя политика и внешнеполитический процесс администрации Дж. Буша-старшего

Foreign policy and foreign political process
of the George H.W. Bush administration

Данная статья посвящена внешнеполитическому процессу республиканской администрации Джорджа Буша-старшего в период 1989 – 1992 годов. Автор уделяет особое внимание технологической стороне работы высшего руководства США и обеспечению международного курса государства. Продуктом функционирования внешнеполитического процесса является – политика, курс, формы поведения во внешней для него сфере, то есть содержание внешней политики. В статье на основе научных моделей принятия решений анализируется внешняя политика США в период республиканской администрации Дж. Буша – старшего.

Ключевые слова: *внешняя политика, внешнеполитический процесс, новый мировой порядок, модель рационального выбора, когнитивная модель, модель группового мышления, модель анализа внутренней политики правительством, модель оценки внутривнутриполитических факторов*

This article focuses on the foreign policy process of the republican administration of George H.W. Bush during the 1989 – 1992 periods. The author pays particular attention to technological aspects of the work of the top U.S. administration and ensures an international course of the state. The product of the functioning of the foreign policy process is – politics, policy, forms of behavior in the outer sphere for it, that is, the content of foreign policy. On the basis of scientific decision-making models the U.S. foreign policy of the republican administration of George H.W. Bush is being analyzed.

Key words: *foreign policy, foreign policy process, the new world order, a model of rational choice, cognitive model, the groupthink, the model analysis of internal government policy, the model estimates the domestic political factors.*

Глобальные изменения в сфере мировой политики в конце 80-х – начале 90-х гг. позволили многим "реальным" политикам (политиче-

ским руководителям, дипломатам, военным и др.) вслед за специалистами по безопасности и представителями академических кругов говорить о грядущей "новой" эре в области международных отношений. "Бархатные революции" в странах Восточной Европы, падение Берлинской стены побудили академическую среду США к поиску обоснования происходящих и предстоящих изменений. В этой связи появляются дискурсы "о новом мировом порядке", "о конце истории" и "столкновении цивилизаций". По мнению французского политолога Д. Биго, появление подобных мифологем является закономерным процессом в силу их жизненной необходимости. Последующий крах биполярной системы выбил почву для "работы" у специалистов по безопасности, которых можно рассматривать в качестве промежуточного "сословия" между "реальными" политиками и представителями академического сообщества. Функции данных деятелей заключались в улавливании стихийных реакций, поступающих от "реальных" политиков и оформление данных реакций в некие теоретические суждения. Наибольшая концентрация подобных специалистов в США наблюдается в первую очередь в Совете Национальной Безопасности (СНБ) и различных внешнеполитических фондах, "обслуживающих" ту или иную американскую партию. Долговременное спокойствие, связанное с эффективным использованием капитала коммунистической угрозы, начиная от Трумэна и заканчивая Рейганом, "на рубеже 90-х гг. подорвало позиции стратегов и акторов сферы безопасности, минимизировало роль специфических знаний в управлении внешней угрозой, которая служила основой их символической власти и социальной легитимности" [1, с. 268]. По мнению того же Д. Биго, одновременное появление множества подобных дискурсов свидетельствует в первую очередь о стремлении сохранения за собой статуса эксперта и советников профессионалов безопасности, способных делать прогнозы в области международных отношений [1, с. 268].

Одной из таких "внешнеполитических мифологем" конца 80-х гг. XX в. стала "мифологема" конца истории американца с японскими корнями Ф. Фукуямы, который занимал должность заместителя директора группы политического планирования Дениса Росса в Государственном департаменте США [3, с. 260]. Фукуяма констатировал "конец истории", а если точнее, то конец ее смысла. Даже в случае продолжения или возникновения каких-то политических, религиозных или этнических конфликтов их потенциал будет в период "новой" эры международных отношений незначительным или даже отсутствовать, по причине отсутствия смысла их продолжения или начала. Смысл потенциальных войн исчезает, так как враждующие стороны должны с наступлением "новой" эры разделять единые принципы сосуществования в мировом пространстве. В качестве таковых принципов должны выступать победившие в острой борьбе с коммунизмом принципы либеральной демократии, которая является идеальной формой человеческого общежития и даже в перспективе не может быть радикально улучшена. В этой связи известное изречение У. Черчилля о том, что "у демократии много недостатков, но у нее есть и одно достоинство, состоящее в том, что до сих пор никто не изобрел ничего лучшего", и в последующие поколения останется актуальным и хрестоматийным.

Распад Советского Союза в декабре 1991 г. был воспринят в качестве идеологической победы. Восприняв должным образом умозаключение по поводу конца смысла истории, и вытекающих из этого последствий специалисты сферы безопасности, а вслед за ними и представители "реальной" политики записали данную глобальную победу либерализма на свой счет. Классическим примером либеральной демократии выступала, несомненно, американская либеральная демократия, а весь историче-

ский опыт развития США должен был свидетельствовать о единственно правильном и единственно возможном пути развития остального мира. Кризис американской экономики, наметившийся в последние годы правления Р. Рейгана и отчетливо проявившийся в годы правления Дж. Буша навевали на республиканскую администрацию явственный пессимизм по поводу ближайшего развития событий. Вовремя подвернувшаяся "глобальная революция" в системе международных отношений и реальная эффективная демонстрация американской военной мощи в ходе удачной кампании в Персидском заливе вернули былую уверенность в специалистов от сферы безопасности.

Глобалистские заключения Ф. Фукуямы, приведенные в его работе "Конец Истории", более характерные для последующих демократов, незаметно вернули к жизни незабвенные лозунги политического реализма Г. Моргентау. Прежде всего, это относится к феномену силы – власти. Современные эпигоны Г. Моргентау от сферы "реальной" политики "рассматривали крах биполярности как американский триумф, и если меньше настаивали на ценностях, то делали акцент на резком изменении в распределении власти в мировом масштабе, в особенности после "войны в Заливе", которая вернула военному измерению новый блеск" [1, с. 281]. Использование появившихся академических дискурсов было единственно возможным в условиях фактического провала деятельности подобных специалистов. Сотрудники СНБ, государственного департамента и аналитики Пентагона и в кошмарном сне не могли представить развал СССР в 1991 г., притом, что вся их деятельность, в конечном счете, замыкалась на эту цель.

Используя определенные настроения, в том числе академической среды, администрация Дж. Буша приступила к оформлению своей внешнеполитической позиции с учетом произошедших и происходящих изменений. При анализе внешней политики периода нахождения старшего Буша у власти не представляется возможным выделить хотя бы пару концептуальных документов, опираясь на которые можно было бы уяснить внешнеполитическую стратегию республиканской администрации Дж. Буша в сфере внешних отношений. В качестве основных источников для подобного анализа можно использовать президентские речи перед различными аудиториями, на которых артикулировались внешнеполитические послания администрации. Уже в первые месяцы нахождения у власти республиканскую администрацию Дж. Буша подвергли жесткой критике за медлительность, нерешительность: "Весной 1989 г. нас критиковали за медлительность стратегического анализа те, кто ожидал, что мы будем просто продолжать тот курс, который унаследован от администрации Рейгана. Пресса почти ежедневно вопрошала, когда у нас будет закончен анализ, и даже высказала предположение, что он не даст никаких результатов... появились статьи о том, что у администрации не было философии, конструктивных идей и стратегии, и она просто плыла по течению" [2, с. 54]. Критика требовала реакции и администрация "разродилась" четырьмя речами президента. Речь Буша от 17 апреля 1989 года в зале муниципалитета провинциального городка Хэмтрэка была посвящена ситуации в Восточной Европе [2, с. 58]. Речь от 12 мая в университете Энн и Мэри в штате Техас посвящалась взаимоотношениям с СССР [2, с. 59]. Третья речь 21 мая в Бостонском университете актуализировала политику США в отношении стран Западной Европы и речь от 24 мая в Академии береговой охраны "в соответствии с местом события была посвящена вопросам внешней стратегии и проблемам контроля над вооружениями в 90-х годах" [2, с. 61]. Речи американского президента в отсутствие концептуальных документов являются уникальными источниками в анализе внешней политики и

процесса формирования данной политики.

Знаковым для нашего исследования является телевизионное обращение президента Буша к американскому Конгрессу 11 сентября 1990 г. Тогда президент не только обратился к конгрессменам за одобрением военной операции против Ирака. Буш и его команда начали формулировать свое принципиально новое видение мира, мира, складывающегося после окончания полувековой холодной войны. Президент в обращении к конгрессменам указал на то, что времена изменились радикально и теперь ни один диктатор в мире не может использовать себе на пользу конфронтацию между Востоком и Западом. "Мы переживаем, – говорил Буш, – уникальный и экстраординарный период зарождения нового партнерства всех народов. Кризис в Персидском заливе дает нам редкую возможность перехода к тому, что является еще одной целью США на данном этапе – новому мировому порядку, который вполне способен родиться на основе преодоления нынешних трудностей". Этот порядок, по словам Буша, будет свободен от боязни террора, но даст возможность установить прочный мир и всеобщую справедливость. Это будет эра, когда каждая нация с востока и запада, с севера и юга получит возможность расцвета и гармоничной жизни, утверждал президент США.

Через полгода (29 января 1991 года) последовало очередное, третье для Буша послание Конгрессу. Американский президент вновь возвращается к своей идее нового мирового порядка. Буш говорил, что уже два столетия Америка борется за свободу и сегодня является мировым лидером на пути к ней. На повестке дня не просто судьба маленькой страны – Ирака, на повестке дня большая идея, идея нового мирового порядка, в рамках которого можно достичь того, к чему всегда стремилось человечество – мира и безопасности, свободы и торжества закона. Такой мир, по словам Джорджа Буша, стоит того, чтобы за него бороться, стоит того, чтобы стать основой будущего мира для наших детей. Мы, уверенно говорил американский президент, можем наконец воспользоваться нынешними возможностями и достичь этого нового мирового порядка, где не будет жестокости, а любая агрессивность будет сталкиваться с коллективным отпором. "Перед нами встает видение нового партнерства наций, перешагнувших порог "холодной войны". Партнерства, основано на консультациях, сотрудничестве и коллективных действиях, особенно через международные и региональные организации. Партнерства, объединенного принципом и властью права и поддерживаемого справедливым распределением расходов и обязанностей. Партнерства, целью которого является приращение демократии, приращение процветания, приращение мира и сокращение вооружений" [4, с. 733]. Последнее высказывание президента США содержит те определяющие принципы, на которых американскому правительству предстоит проводить внешнюю политику, а в более широком смысле это принципы "нового мирового порядка". Во-первых, это верховенство права (законов), в том числе и при разрешении конфликтов; во-вторых, эффективное использование мирных ресурсов в разрешении конфликтов, опираясь на соответствующие международные организации; в-третьих, сокращение вооружений, контроль над ними.

Однако неожиданная победа американской модели демократии сыграла с администрацией Дж. Буша злую шутку. Шутка заключается в неожиданности наступления этой победы. Американские стратеги и теоретики потеряли ориентиры и не могли оперативно отказаться от биполярной системы международных отношений, как некогда немецкие генералы, вынужденные в 1914 г. объявить войну России в силу неспособности изменить подготовленные планы ведения войны на два фронта. Республиканская администрация задумывала "новый мировой порядок"

как концепцию по созданию благоприятной для США инфраструктуры, способствующей распространению растущего влияния после окончания холодной войны на длительный период [9, с. 31]. Первоначальные иллюзии по поводу предстоящего "абсолютного" мира постепенно утрачивались. Администрация Белого дома приходит к пониманию того, что конфликт между Ираком и Кувейтом не последний, который потребует вмешательства мирового сообщества, в том числе и Соединенных Штатов. "Группировка Буша исходила из того, что рост нестабильности в мире угрожает национальной безопасности США, если не сейчас, то в перспективе, и что, следовательно, пользуясь свойственной переходному периоду незавершенностью, подвижностью происходящих процессов, Соединенным Штатам необходимо активно вовлекаться в них, чтобы, по возможности, попытаться задать им отвечающие стратегическим американским интересам параметры" [9, с. 39].

Упомянутые национальные интересы, как концептуальная основа внешней политики, были абсолютной догмой для всех республиканских администраций, как прошлого, так и настоящего. Если теоретическое обоснование подобного наполнения внешней политики представила в середине 20 в. "Школа политического реализма", то одним из первых "реальных" политиков, кто обосновывал зависимость проведения внешней политики от национальных интересов был именно президент США от республиканской партии начала века – Теодор Рузвельт. "Рузвельт был первым президентом, настаивавшим на том, что долг Америки – распространять свое влияние на весь земной шар и строить отношения с миром на основе концепции национальных интересов... Рузвельт основывался на предположении, что США являются такой же державой, как и все прочие, а не уникальным воплощением добродетелей. И если интересы страны сталкиваются с интересами других стран, Америка несет на себе обязательство собственной мощью переломить ситуацию в свою пользу" [4, с. 33]. Указание на схожесть американского государства с другими государствами является знаменательным. "Согласно концепции Рузвельта, Америка должна была стать нацией в ряду прочих наций: могущественнее, чем большинство из них. Но все, же и ей следует подчиняться историческим законам равновесия сил" [4, с. 36]. Именно данной схемы в большей степени придерживались все последующие республиканские администрации, в отличие от демократов, которые как истинные последователи "международного морализма" Вудро Вильсона отводили США особую роль, заключающуюся в исполнении роли путеводного маяка для всего остального человечества. При этом заранее отметим, что те же самые демократы в будущем не раз использовали разработанную Т. Рузвельтом и теоретически обоснованную схему зависимости проведения внешней политики от национальных интересов.

Ведущий теоретик современного американского "республиканизма", внесший значительный вклад во все доктрины республиканских администраций от Никсона до Буша, Генри Киссинджер утверждал, что с окончанием холодной войны настало время для строительства нового мирового порядка, который, как и в прошлом, несмотря ни на что, будет определяться только имеющимися национальными интересами. "Отсутствие всеобъемлющей угрозы как идеологической, так и стратегической, дает нациям свободу ведения внешней политики, во все большей степени базирующейся на сиюминутных национальных интересах. В международной системе, для которой характерно наличие, возможно, пяти или шести великих держав и множества меньших государств, порядок должен возникнуть в основном, как и в прошлые столетия, на базе примирения и балансирования соперничающих национальных интересов" [4, с. 733]. Подвергая резкой критике "международный морализм"

демократов, Генри Киссинджер указывает на то, что, начиная от президента Буша, и последующим поколениям американских политиков придется засучив рукава "формулировать концепцию национальных интересов и объяснить, как обеспечение национальных интересов – в Европе и Азии – служит поддержанию равновесия сил. Америке потребуются партнеры в деле сохранения равновесия в ряде регионов мира, и этих партнеров не всегда придется выбирать из одних лишь моральных соображений. Потому четкое определение национальных интересов потребуется для того, чтобы существенным образом направлять американскую политику" [4, с. 733].

Активное вовлечение США в международные дела, основанное на базе национальных интересов, является центральным положением концепции "нового мирового порядка". В качестве центральных приоритетов своей внешнеполитической стратегии (стратегии национальной безопасности) США рассматривали, во-первых, распространение "победившей" либеральной демократии и ценностей рынка; во-вторых, обеспечение глобальной безопасности [18]. Помимо глобальных целей в 1991 г. в документах Белого дома уже вырисовались контуры подхода к урегулированию потенциальных межнациональных конфликтов и к возможному противоречию в системе международного права, заключающемуся в нерушимости территориальных границ, с одной стороны, и самоопределением и соблюдением прав граждан с другой. Важнейшими составными частями данного подхода являлись: "способствовать предоставлению широких прав национальным меньшинствам; выработать единые критерии признания нарождающихся государственных образований, обращая внимание, прежде всего на их приверженность демократии, согласие с международными стандартами защиты прав человека, уважение существующих границ, гарантирование прав национальных и религиозных меньшинств; определить критерии военного вмешательства в защиту прав человека и национальных меньшинств с учетом того, что традиционный принцип невмешательства во внутренние дела подвергается в современных условиях, определенной корректировки со стороны международного сообщества" [6, с. 29-30].

Анализируя положения представленного подхода, необходимо обратить внимание на утверждение, которое ставит под сомнение один из важнейших принципов международного права – невмешательство во внутренние дела другого государства, полноправного члена мирового сообщества. Чиновники Белого дома сочли данный принцип частично устаревшим и признали необходимость его корректировки. Не менее важным является утверждение о том, что такое вмешательство может быть военным, не просто осуждение, порицание и введение всевозможных санкций, а именно, военная операция. Обозначение подобного положения во внешнеполитических документах США отражает осознание трансформации международных отношений, связанной, прежде всего с крахом биполярной системы. В условиях биполярного противостояния подобное положение в принципе не могло быть осуществлено, например в сфере влияния Советского Союза. Крушение в 1991 г. СССР и политика, проводимая им в последние месяцы своего существования (например, СССР не препятствовал в ООН политике США в отношении Ирака), укоренили в сознании американских политиков выпавший на их долю и время шанс продемонстрировать внешнеполитическое величие собственной страны. "В мире по окончании "холодной войны" Соединенные Штаты остались единственной сверхдержавой, которая обладает возможностью вмешательства в любой части земного шара" [4, с. 733]. Естественно, что в условиях "победившей" модели либеральной демократии приверженность этой самой демократии как критерия возмож-

ности применения вооруженных сил должна определяться самими носителями данной демократии, а кто, кроме США и их союзников, доказали себя ее истинными последователями. Проанализировав постсоветский расклад внешнеполитических сил, в том числе в Совете Безопасности ООН, можно было бы предположить, что, имея практически абсолютную лояльность со стороны Великобритании и Франции и прозападную политику Российской Федерации в лице министра иностранных дел А. Козырева и нежелание Китая вмешиваться в дела, его прямо не затрагивающие, США могли рассчитывать на успешность в реализации своей стратегии национальной безопасности.

При этом американское правительство осознавало, что в продвижении этих целей оно должно нести серьезные материальные издержки. Однако часть обозначенных издержек должна лечь на союзников, которые, по мнению стратегов США, осознавали для себя подобную "участь". Однако проблема и заключается в том, что не все осознавали или желали осознавать свою участь. События последующих лет (Гаити, Сомали, Югославия) показали, что подобные ожидания не всегда оправдывались, а значит, в определенной мере и ожидания, связанные со всей концепцией "нового мирового порядка", в конечном счете, также не оправдывались. Значительная доля стран мирового демократического лагеря была не готова нести материальные, финансовые и людские затраты, а в значительной мере потери в защиту общедемократических завоеваний при отсутствии непосредственной угрозы собственным национальным интересам, которые не распространялись так широко и глобально, как у США. "Мировое сообщество в достаточной степени готово сотрудничать в деле "поддержания мира" – то есть в обеспечении существующих соглашений, не оспариваемых какой-либо из сторон, – но в достаточной мере уклончиво относится к "обеспечению мира", то есть подавлению реальных вызовов мировому порядку. Это неудивительно, ибо даже США до сих пор не выработали ясной концепции того, чему будет противодействовать в одностороннем порядке после окончания "холодной войны" [4, с. 733].

Альтруистические попытки, предпринятые США по установлению "нового мирового порядка", после прохладного отношения со стороны американских союзников, в конечном счете, выливаются в состояние, при котором администрация Дж. Буша была вынуждена пытаться усилиями одного государства (США) добиться "абсолютной" безопасности путем наращивания военной мощи. Наращивание военной мощи и затрат на проведение стратегии национальной безопасности требовали прежде всего увеличения бюджетных ассигнований. Однако годы правления Дж. Буша пришлись на период спада экономической активности и, как следствие, экономический кризис. В этой связи Дж. Буш не смог найти поддержки в оппозиционном "демократическом" Конгрессе и, самое главное, у граждан Америки. "Опросы населения обычно показывали, что если страна не вела войну или не была втянута в кризисную ситуацию, то американцев гораздо больше интересовали проблемы внутренней, а не внешней политики" [7, с. 370-371].

Американцы весьма болезненно относятся к собственному благосостоянию, а при ухудшении последнего их в меньшей степени интересуют внешнеполитические инициативы. "В 1992 – 1994 годах – отношение к внешней политике впервые за несколько десятилетий стало одним из ключевых для американского электората. Если прежде почти не было сомнения в правильности активистской внешней политики, ныне почти столь же ясно, что страна обращается, прежде всего, к внутренним нуждам" [12, с. 24]. Когда перед американцами стоит выбор между собственным экономическим благополучием и распространению демократи-

ческих ценностей, где то в Африке или Азии, то американцы выбирают первое. После того как национальному правительству удастся восстановить данное благосостояние, американский народ более снисходительно относится к глобалистским устремлениям своего руководства. "Американцы, привыкшие к нормальной жизни, не желают жертвовать даже незначительной толикой своего благополучия ради футуристических глобальных проектов. На сегодняшний день подавляющее большинство американского населения стоит на той точке зрения, что руководству страны непозволительно затрачивать столько сил и средств на продвижение идеала демократии и рынка за границей, когда масса вещей требует починки и замены в собственном американском доме" [9, с. 36].

Экономический кризис, поразивший американскую экономику в годы нахождения у власти Дж. Буша, вызвал к жизни пессимистические настроения по поводу возможности проведения столь явно выраженной активистской внешней политики и возможности после краха биполярной системы эффективно выполнять возложенные на себя функции мирового лидера. Подобные пессимистические настроения не возникли неожиданно, они имели место и раньше. Преимущественно американский упадок прогнозировался в сфере экономики и на то имелись опасения. Время появления данных исследований приходится на годы спада экономической активности в 70-е – начало 80-х гг., а также время "кончины рейганомики" в 1987 – 1991 гг. [17; 19]. Наиболее критическими исследованиями по поводу перспектив развития США являлись работы Пола Кеннеди: "Воскрешение и грехопадение великих держав: Экономические изменения и военные конфликты от 1500-2000" и "Готовясь к двадцать первому веку" [15; 16]. Используя статистические данные (экономические, социальные и др.) по поводу развития американского государства, П. Кеннеди пришел к неутешительным выводам и поставил под сомнение утверждение подавляющего числа американских аналитиков по поводу грядущего "Американского века" [10, с. 88-98].

Пессимистические настроения части американской академической среды распространились на широкие массы населения. По результатам многочисленных социологических опросов популярность президента Дж. Буша в начале 90-х гг. если не прогрессивно, но все-таки падала. В декабре 1991 г. популярность Буша впервые за все время пребывания во главе администрации упала ниже отметки 50 %. Как свидетельствуют опубликованные результаты опроса, проведенного по заказу телекомпании Эй-Би-Си и газеты "Вашингтон пост", лишь 47 % американцев выразили общее удовлетворение деятельностью Буша на посту президента, 50 % выставили ему неудовлетворительную оценку" [9, с. 35]. Активное вовлечение США во внешнеполитические вопросы вызывало не только непонимание, но заслуженную критику и осуждение политики республиканской администрации, в том числе и стратегии национальной безопасности. Претензии на наведение "нового мирового порядка" в мире поляризовало американское общественное мнение, резонно полагающее, что сперва стоило навести порядок в самих США [9, с. 35].

Американская политическая элита вслед за населением раскололась условно на лагерь "неоинтервенционалистов" и "неоизоляционистов". При этом заметим, что подобная стратификация американской политической элиты существовала на протяжении всей истории американского государства и особенно проявилась в XX веке. Исторически сложилось так, что республиканцы преимущественно тяготеют к изоляционистскому лагерю, а демократы со времен В. Вильсона к лагерю интервенционалистов. Однако тот же изоляционизм нельзя понимать как абсолютную замкнутость периода XIX – начала XX веков.

Современный американский изоляционизм представлен в видеоиз-

мененной и адаптированной к современным реалиям форме. Несмотря на то, что за четыре года пребывания в Белом доме республиканская администрация Дж. Буша предприняла две крупные военные операции в Панаме и Персидском заливе, мы не можем в сравнении с деятельностью администрации Б. Клинтона отнести действия республиканцев к стойкому интервенционизму или изоляционизму. Действия американцев в Панаме или в Персидском заливе отвечали жизненным интересам США. Операция в Панаме по сохранению контроля над Панамским каналом и операция "Буря в пустыне" отвечала первостепенным политическим и экономическим интересам, заключающимся в недопущении господства враждебной державы в стратегическом регионе земного шара (Панамы) и обеспечении доступа к материальным ресурсам мира (Персидский залив). Весьма четко по этому поводу высказался в своих воспоминаниях республиканский президент Р. Никсон: "Мы не можем позволить себе отстаивать каждую пядь свободного мира. Такая политика быстро истощила бы наши ограниченные возможности. Вместо этого нам следует научиться проводить различия между нашими важными и первоочередными геополитическими интересами. Западная Европа, Япония, Персидский залив, Мексика и Канада – вот те страны, которые находятся в сфере первостепенных интересов Америки... Большинство остальных стран, находящихся в других регионах мира, лишь в незначительной степени влияют на безопасность стран, входящих в круг наших первостепенных и второстепенных интересов, и, соответственно, интересуют нас меньше" [7, с. 373].

В любой из перечисленных ситуаций находящаяся в Белом доме администрация, вне зависимости от партийной принадлежности, предприняла адекватные меры и в Панаме и в Персидском заливе. Отставание жизненных национальных интересов в современной ситуации нельзя рассматривать как проявление интервенционализма в отличие от ситуации, при которой США начинают вовлекаться в разного рода конфликты, которые напрямую не относятся к сфере жизненно важных интересов и условно могут быть отнесены к сфере преходящих периферийных интересов.

Последовательный американский изоляционизм конца XX века заключался "в концентрации внимания на внутренних аспектах развития страны (федеральный долг, бюджетный дефицит, преступность и др.) вместо внешнеполитических" [8, с. 181-182]. В этой связи мы не можем отнести внешнеполитическую позицию администрации Дж. Буша к последовательному изоляционизму, так как успехи данной администрации в политике внутренней, в отличие от внешней, оставляли желать лучшего и, даже более, они практически отсутствовали. Но с другой стороны, явно интервенциалистская внешнеполитическая программа "нового мирового порядка" преимущественно оставалась таковой на бумаге. После того как американские инициативы в сфере внешней политики не нашли живого отклика у своих союзников по причине огромных материальных затрат и натолкнулись на жесткую критику внутри страны, Белый дом снизил свою внешнеполитическую активность, что проявилось в действиях республиканцев на Балканах, когда они передали урегулирование зарождающегося межэтнического конфликта европейцам. При этом подобная первоначальная реакция по поводу ситуации на Балканах отвечала как раз обозначенным национальным интересам США. В этом конфликте, в отличие от Панамского или Персидского не затрагивались жизненные интересы американского государства.

Противоречивость внешней политики США (лабиринты между изоляционистской и интервенционалистской линией поведения) объясняется еще тем обстоятельством, что администрация Буша на протяже-

нии всего своего срока пребывания постоянно находилась под критикой как "демократического" Конгресса так и своих правых "собратьев" по партии. Позиция демократов была скорее конъюнктурной, чем отвечающей идеологическим установкам американских демократов, обозначенных еще В. Вильсоном в своих знаменитых "Четырнадцать пунктов". Демократы на всем протяжении в отличие от республиканцев занимали явно выраженную интервенционалистскую позицию. Их "изоляционистская мимикрия" конца 80-х – начала 90 гг. отвечала конъюнктурным интересам, заключающимся главным образом в том, чтобы после республиканского десятилетия занять президентское кресло в Белом доме. В преследовании данной цели все средства хороши. В этой связи "демократический неоиоляционизм", заключающийся в том, что, в отличие от 1941 г., величайшие вызовы США лежат в пределах ее границ, а не за рубежом, является при учете последующего внешнеполитического поведения администрации Б. Клинтона чрезмерно натянутым [14].

В отличие от ожидаемой демократической критики, критика республиканских правых внешнеполитических начинаний Дж. Буша была для последнего наиболее болезненной. Поражение Дж. Буша на президентских выборах от Б. Клинтона дало почву для разговоров о том, что внутрипартийные разногласия республиканцев не позволили мобилизовать достаточных ресурсов для победы в президентской гонке. Условно Дж. Буша и его окружение можно отнести к "левоцентристскому республиканизму". Еще в 1980 г. Джордж Буш предпринял свою первую президентскую кампанию, в результате первого этапа которой должен был определиться кандидат от республиканской партии. В результате данного этапа обозначились два претендента, одним из них был Дж. Буш, а вторым будущий президент США Р. Рейган. В мае 1980 г. по настоянию своего ближайшего друга, сыгравшего в политической карьере семейства Бушей важную роль, Джеймса Бейкера, Буш прекратил предвыборную борьбу. Тогда Рональд Рейган стал единственным кандидатом от республиканцев, что способствовало предотвращению партийного раскола и мобилизации ресурсов на победу в борьбе с демократами. "Знакомые американские журналисты рассказывали, что в тот момент Буш еще не был морально готов сложить оружие и бросить все силы на помощь своему сопернику Рейгану. Но Бейкер не стал ждать, когда его друг и политический наставник примирится с мыслью о поражении. В конфиденциальном порядке он сообщил нескольким доверенным репортерам, что Джордж Буш выходит из игры... Если бы Буш тогда промедлил со снятием своей кандидатуры, то, по широко распространенному в Вашингтоне мнению, он попросту не получил бы от Рейгана предложение баллотироваться на выборах в качестве "второго номера" – кандидатом в вице-президенты. Говоря иными словами, своевременный совет и решительные действия Бейкера в далекие майские дни 1980 года в известной степени продолжили Бушу дорогу в Белый дом восемь лет спустя. "Джордж никогда этого не признает, но я могу это сделать: вице-президентство было запасным вариантом, – скажет Бейкер после выборов. – Я постоянно об этом думал и при каждой возможности старался приглушить риторику в адрес Рейгана" [3, с. 247].

После победы Буша на выборах 1988 г. и ухода значительной части команды Рейгана "левоцентристский" республиканизм новой администрации стал преобладающим в среде республиканцев, однако это не означало исчезновение оппозиции внутри партии. Выборы 1988 г. в силу договоренностей и в силу устоявшейся традиции, по которой вице-президент предыдущей администрации становится официальным кандидатом от партии, ознаменовались менее заметной борьбой для простых обывателей, но важной для нашего исследования. Одним из оппонентов

от республиканской партии в 1988 г. выступил видный республиканский деятель конгрессмен Боб Доул. Именно он впоследствии стал олицетворять правое крыло республиканской партии, резко критиковавшее политику Буша. После поражения в 1992 г. Буша от Клинтона именно Доул становится лидером республиканского большинства в Конгрессе и лидером партии в целом, отгеснив на второй план техасский клан Бушей. Поправевшая и постаревшая с приходом Доула республиканская партия в сравнении с мобильной и легко адаптирующейся молодой партией демократов проиграла очередную президентскую кампанию 1996 г. Клинтону – Гору. Доул в свое время не доверился совету бывалого республиканца Р. Никсона, данному политикам и проиллюстрированному на примере того же Доула. Никсон советовал меньше доверять опросам общественного мнения и больше слушаться своей внутренней интуиции. "При окончательном анализе самым точным результатом опроса является "чутье" самого кандидата на ход кампании. Боб Доул – великолепный, тонко чувствующий ход кампании политик – промахнулся во время предварительных выборов в 1988 году в Нью-Гэмпшире, доверившись своим специалистам по опросам общественного мнения, а не своей интуиции. Посчитав, что он намного опережает Джорджа Буша, Боб сделал несколько резких выпадов по телевидению и в результате проиграл" [7, с. 302]. Возле Доула не было такого человека, вроде Дж. Бейкера, который мог бы подсказать ему сделать правильный выбор. Вокруг Доула не было той команды единомышленников – профессионалов, которых сумел собрать Буш в 1988 году.

Продолжение следует

Литература

1. Биго Д. Проблемы безопасности: теоретические дискуссии и институциональный контекст // Международные отношения: социологические подходы. / Рук. Авт. колл. Проф. П.А. Цыганков – М.: Гардарики, 1998. 352 с.
2. Буш Дж., Скоукрофт Б. Мир стал другим. Пер. с англ. М.: Международные отношения, 2004. 504 с.
3. Игнатъев И. Джеймс Эддисон Бейкер. "Младший брат" президента / О них говорят. М., 1991
4. Киссинджер Г. Дипломатия. Пер. с англ. В. В. Львова / Послесл. Г.А. Арбатова. М., Ладомир, 1997. 848 с.
5. Кто есть кто в мировой политике / Редкол.: Кравченко Л. П. (отв.ред.) и др. М.: Политиздат, 1990 559 с.
6. Михеев В.С. Новые подходы в Европейской политике Вашингтона. Концепция "нового атлантизма" // США: экономика, политика, идеология. 1993. № 2. С. 23-31.
7. Никсон Р. На арене. Воспоминания о победах, поражениях и возрождении. М.: Новости, 1992. 440 с.
8. Смитиенко Б.М. "Америкоцентризм" и полицентризм в мировой экономике на рубеже 20-21 столетий // США и внешний мир. Материалы 4 научной конференции Ассоциации изучения США. М.: Изд-во МГУ, 1997. 256 с.
9. Спасский Н. Новое мышление по американски: танго без партнера // Мировая экономика и международные отношения. 1992. № 7.
10. Трофименко Г.А. Сверхдержава ли Америка? // США и внешний мир. Материалы 4 научной конференции Ассоциации изучения США. М.: Изд-во

МГУ, 1997. С. 88-97.

11. Устинова Ю. Как правильно начинать войну [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intertrends.ru/seventh/015.htm> [Дата обращения: 30.10.2010 г.]

12. Уткин А.И. Сомнения сверхдержавы // США: экономика, политика, идеология. 1994. № 11.

13. Khong Y.H. Analogies at War: Korea, Munich, Dien Bien Phu, and the Vietnam Decisions of 1965. Princeton University Press. 1992. 304 pp

14. Hyland W. The case for Pragmatism. America and the World 1991-1992 // Foreign Affairs, 1992, January.

15. Kennedy P. The rise and fall of great powers: Economic changes and military conflicts from 1500-2000. N.Y., 1987

16. Kennedy P. Preparing for The Twenty – First Century. N.Y., 1993.

17. Modelsky G. The long cycle of global and the nation state // Comparative studies in society and history. 20. 1978. April, 214-238.

18. National Military Strategy of the USA, January 1992. [Электронный ресурс]. URL: <http://dosfan.lib.uic.edu/dosfan.html>. [Дата обращения: 30.08.2001 г.]

19. Olson M. The Rise and Decline of Nations: Economic Growth, Stagflation, and Social Rigidities. New Haven: Yale University Press, 1982.

20. Yetiv S. Explaining Foreign Policy: U.S. Decision-Making and the Persian Gulf War. Baltimore – London: The Johns Hopkins University Press, 2004. 288 p.

"Studio" (ит. старание, изучение) – это новая рубрика журнала, в которой мы намерены публиковать научные работы студентов, заслуживающие внимания наших читателей. Учреждение этой рубрики, как мы надеемся, станет еще одним шагом на пути решения одной из приоритетных задач "Ойкумены" – поддержки научной активности молодых, тех, кто пополнит ряды профессионального сообщества завтра.

Открывает рубрику статья студента 3-го курса факультета политических наук и социального управления Владивостокского института международных отношений АТР ДВГУ П.Н. Наливайко. Автор представляемой работы приступил к изучению проблематики современных российско-американских отношений не так давно. Тем не менее, работы Н.П. Наливайко (научный руководитель: к.и.н., профессор Г.П. Оврах) уже удостоены призового места на Ежегодной научной конференции студентов и аспирантов ДВГУ 2010 г., а также второго места на X Конкурсе научных стипендий для студентов ДВГУ (по направлению "политические и юридические науки"). Пожелаем молодому исследователю дальнейших успехов!

Редколлегия

УДК 327

Наливайко П.Н.

Российско-американские отношения на современном этапе: произошла ли "перезагрузка"?

Russian-American relations at the present stage: there was a "reboot"?

Главная цель предлагаемой работы состоит в исследовании отношений России и США на современном этапе. Многие факты указывают на то, что с приходом к власти новых лидеров, в российско-американских отношениях настал период потепления и на официальном, и на неофициальном уровне.

Ключевые слова: *Россия, США, российско-американские отношения, "перезагрузка"*

The main purpose of the paper is to investigate the Russian-American relations at the present stage. Many facts indicate that with the advent of the new leaders of the Russian-American relations came during the warming and the formal and informal level.

Key words: *Keywords: Russia, USA, Russian-American relations, "reboot"*

Российско-американские отношения на протяжении многих лет остаются одним из ключевых направлений российской внешней политики. Это обусловлено не только двусторонним характером взаимодействия между Россией и США, но и тем, что сквозь призму этих отношений рассматривается большой перечень других проблем: от ближневосточного мирного процесса до глобального контроля над вооружениями [9]. Столь обширная повестка дня в отношениях двух стран требует от обеих сторон особого внимания – ведь любые недружественные действия могут привести не только к похолоданию в двусторонних отношениях, но и к заморозке урегулирования важнейших мировых конфликтов и проблем.

Именно это наблюдалось в последние годы. Ухудшение общего тона российско-американских отношений не позволило вовремя предотвратить очередной виток арабо-израильского противостояния, сдержать ядерные амбиции Ирана и Северной Кореи, предотвратить нестабильность на Кавказе, выстроить адекватную стратегию противостоянию международному терроризму. Напротив, на неадекватные действия с одной стороны следовали решения другой стороны, также обостряющие международную обстановку.

4 мая 2006 г. вице-президент США, находясь в Вильнюсе, произнёс речь, которую многие теперь называют "Вильнюсской" по примеру "Фултонской" речи Черчилля [9]. По его словам, США не устраивает "использование Россией своих минеральных ресурсов в качестве внешнеполитического оружия давления, нарушение в России прав человека и деструктивные действия России на международной арене". Отказ России от прекращения сотрудничества с Ираном, Сирией, КНДР, Белоруссией и другими государствами, "вызывающими тревогу" у США, приводит к постоянным российско-американским конфликтам в Совете Безопасности ООН.

В начале 2007 г. между США и Россией с новой силой разгорелся конфликт по поводу намерения США разместить в Польше и Чехии элементы своей системы ПРО. По словам руководства США, этот шаг направлен на защиту Европы от северокорейских и иранских ракет. Российское руководство категорически отвергает такое объяснение. 8 февраля 2007 г. министр обороны США Роберт Гейтс заявил, что "Соединённым Штатам Америки следовало бы быть готовыми к возможному вооружённому конфликту с Россией" [8]. В свою очередь, на Мюнхенской конференции по безопасности 10 февраля 2007 г. Владимир Путин с жёсткой критикой обрушился на внешнюю политику США.

В августе 2008 года новому витку противостояния России и США способствовало вторжение грузинских войск в Южную Осетию. Российские войска очистили территорию почти полностью захваченной непризнанной республики от грузинской армии и в течение нескольких дней продолжали бомбардировки военных объектов на всей территории Грузии, после чего Россия официально признала Южную Осетию и Абхазию независимыми государствами. Под вопросом оказалось дальнейшее существование Совета Россия – НАТО [10].

После нескольких лет "откровенной" вражды, трудно было говорить о каких-либо положительных сдвигах в отношениях двух стран. Но, несмотря на все противоречия и конфликты, которые наблюдал весь мир, с приходом к власти в США Барака Обамы, стало очевидно, что новая администрация, не вдаваясь в рассуждения о правых и виноватых, избрала политику "перезагрузки" российско-американских отношений.

Ранее администрация Белого дома неоднократно намекала, что хотела бы улучшить пошатнувшиеся американо-российские отношения. Во время первой встречи министра иностранных дел РФ С. Лаврова с госсекретарем США Хиллари Клинтон последняя даже подарила российскому коллеге большую красную кнопку с надписью "Reset", символизирующую намерение начать отношения с чистого листа. Российская сторона расценила этот жест положительно и также выступила с рядом дружественных шагов. Одним из них стало официальное приглашение президенту США Б. Обаме посетить Москву. Это приглашение прозвучало от Д. Медведева во время первой встречи президентов в Лондоне [5]. После принятия приглашения, стороны понимали, что визит может состояться только в случае достижения существенных договоренностей между сторонами. Напряженная внутриэкономическая обстановка как в США, так и в России не оставляла времени для бесцельных встреч.

Именно поэтому, многие аналитики не были уверены в том, что визит Б. Обамы в Россию состоится спустя лишь полгода после инаугурации американского лидера. За этот полугодовой период стороны проделали большую работу. Были вновь определены ключевые сферы для взаимодействия, где ошибки прошлых лет и промедление больше всего бы отразилось на России, США и остальных странах мира – это продолжение диалога по противоракетной проблематике, укрепление международного режима нераспространения оружия массового уничтожения и средств их доставки, урегулирование региональных конфликтов, взаимодействие по Афганистану, продолжение переговорного процесса по разрешению северокорейской и иранской ядерных проблем, укрепление евро-атлантической и европейской безопасности, противодействие транснациональным угрозам (терроризм, организованная преступность, коррупция, наркотики), придание новой динамики двусторонним экономическим связям, энергобезопасность, расширение контактов по общественной линии.

6-8 июля 2009 г. состоялся рабочий визит Б. Обамы в Москву. Прошли его переговоры с Д.А. Медведевым, состоялась встреча с В.В. Путиным. По итогам саммита подписаны следующие документы: межправительственное соглашение о транзите американского вооружения, военной техники, военного имущества и персонала через территорию России в Афганистан; совместное понимание по вопросу о дальнейших сокращениях и ограничениях СНВ; совместные заявления по Афганистану, по вопросам ПРО и о сотрудничестве в ядерной сфере [8]. Принято решение о создании Российско-Американской Президентской комиссии по развитию сотрудничества (координаторами являются главы внешнеполитических ведомств) и президентский план действий в конкретных областях, осуществлением которого займутся полтора десятка профильных рабочих групп в рамках комиссии – по ядерной энергетике и ядерной безопасности; контролю над вооружениями и международной безопасностью; внешней политике и борьбе с терроризмом; противодействию незаконному обороту наркотиков; развитию деловых связей и торгово-экономическим отношениям; энергетике и окружающей среде; сельскому хозяйству; науке и технологиям; сотрудничеству в космосе; здравоохранению; сотрудничеству в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций; гражданскому обществу; образовательным и культурным обменам. Предусмотрена возможность создания дополнительных подразделений.

Состоялся также обмен нотами относительно задач и полномочий российско-американской комиссии по делам военнопленных и пропавших без вести. На межведомственном уровне подписаны рамочный документ по развитию сотрудничества между вооруженными силами России и США, меморандум об утверждении рабочего плана по совершенствованию военного сотрудничества на 2009 г. и меморандум между министерством здравоохранения и социального развития России и министерством здравоохранения и социальных услуг США.

Особого внимания удостоилась проблематика стратегической стабильности и международной безопасности. Во время визита в Москву Б. Обамы, было подписано "Совместное понимание" по вопросу о дальнейших ограничениях и сокращениях стратегических наступательных вооружений.

Прежде всего, речь идет о проблеме ядерного нераспространения и связанной с ней проблеме сокращения ядерных вооружений в России и США. Достигнув в 60 – 70-х гг. прошлого века паритета по атомным вооружениям и средствам их доставки, Россия и США, осознавая абсурдность глобальной ядерной войны, планомерно идут по пути ограничения

и сокращения ядерных вооружений. Серия договоров ОСВ-1 и ОСВ-2, Соглашение о ракетах средней дальности в Европе, договор СНВ-1 позволили снизить количество ядерных вооружений. Однако их количество, по мнению экспертов, по-прежнему остается достаточным для многократного истребления всего живого на Земле. Именно поэтому, истечение договора СНВ-1 в конце 2009 г. представляло столь большую угрозу для глобального режима нераспространения ядерных вооружений. По словам директора Института США и Канады РАН С. М. Рогова, – "отсутствие альтернативы СНВ-1 подтолкнет мир к "ядерному хаосу" [8].

Переговоры по СНВ шли практически безостановочно с начала ноября 2009 г. С российской стороны переговорщиков возглавлял директор департамента МИД РФ по вопросам безопасности и разоружения Анатолий Антонов, с американской – заместитель госсекретаря США Роус Гетемюллер. Со стороны РФ в состав делегации входили около сорока человек из различных ведомств, со стороны США – порядка пятидесяти.

Несмотря на сжатые сроки (срок действия старого договора о СНВ истек 5 декабря 2009 г.) и целый комплекс проблем, возникших в ходе согласования основных пунктов нового договора, которые касались процедур контроля и проверок, контроля цифровых данных, обмена данными о ракетных испытаниях, предельного количества пусковых установок для ядерного оружия, решения вопроса с "возвратным потенциалом" США, взаимосвязи между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями, права сторон на односторонний выход из СНВ и т.д., стороны продолжали выражать оптимизм по поводу перспектив заключения договора в скором времени.

Подготовка договора происходила в условиях жесточайшей секретности. Ни российская, ни американская сторона, ни разу не нарушили договоренность о конфиденциальном характере переговоров.

8 апреля 2010 года в Праге состоялось подписание нового договора о СНВ. Подписи под документом поставили Дмитрий Медведев и Барак Обама [3].

Как сказал Дмитрий Медведев: "Победили обе стороны, которые упрочили свою безопасность, а с учетом нашей победы – победило все мировое сообщество. Новое соглашение, которое укрепляет глобальную стратегическую стабильность, одновременно способствует переходу на новый, более высокий уровень наших отношений, отношений с Соединенными Штатами Америки" [5]. Президенты России и США подчеркнули, что договор об СНВ – это не только поворотный этап в российско-американских отношениях, но и шаг к безъядерному миру.

Впервые за все время дискуссий по этому вопросу в Москве, американская сторона признала, что вопросы противоракетной обороны должны обсуждаться совместно с вопросами сокращения вооружений, чтобы ни у одной из сторон не оставалось никакого соблазна первой применить ядерное оружие. Относительно уже принятых решений о размещении элементов ПРО США в Чехии и Польше, администрация Б. Обамы приняла решение о проведении дополнительных исследований возможностей новой системы ПРО в предотвращении существующих и потенциальных рисков от запуска ракет.

В настоящее время особенно важно найти компромиссное решение по проблеме ПРО, которое бы отвечало интересам безопасности обеих стран и международного сообщества в целом. В этой связи нельзя не упомянуть слова заместителя госсекретаря США по Евроазиатскому региону Филиппа Гордона, заявившего в начале февраля, что России и США необходимо укрепить взаимное доверие и продолжить продвижение к конструктивному диалогу, особенно в вопросах европейской

безопасности и противоракетной обороны. У новой администрации США есть вполне четкие предложения по совместной работе с Россией в сфере ПРО. Достаточно посмотреть на карту, чтобы понять, что если угроза будет исходить из Ирана, то те радары и другие элементы противоракетной системы, которые находятся на территории России, могли бы помочь остановить ее. Так что здесь мы могли бы работать вместе.

Второй по важности темой совместной повестки дня Россия – США является урегулирование ситуации в Афганистане, сокращение наркотрафика из этого региона и стабилизация экономической ситуации в Афганистане и сопредельных государствах. Продолжающаяся уже более восьми лет операция США и их союзников по НАТО в Афганистане далека до полного завершения. Администрация Б. Обамы провозгласила решение афганской проблемы в качестве приоритета в своей внешней политике. Действительно, после января 2009 г. операция коалиционных войск в Афганистане перешла в новую фазу. Для достижения успеха на этом направлении было сосредоточено максимум усилий. В этом ключе поддержка России в новой стратегии США в Афганистане выглядит крайне значимой [12]. Транзит американских грузов через территорию России позволит американцам значительно снизить риски и затраты на эти перевозки. Россия помимо получения платы за этот транзит, становится обладателем дополнительного взаимосдерживающего механизма в отношении США. Пока для Америки этот транзит слишком важен, чтобы идти на обострение отношений с РФ по другим вопросам [11].

Помимо военно-политических вопросов лидерам двух стран удалось обсудить и экономическое взаимодействие. Президент США Барак Обама недоволен объемами российско-американского торгово-экономического сотрудничества и призывает к его немедленной активизации. "Наши торгово-экономические отношения с Россией не достаточно развиты. Я вынужден констатировать, что по объему они находятся на уровне наших связей с Таиландом, а в России живет в несколько раз больше людей, чем в Таиланде. Мы планируем развивать связи с Россией в области авиации, космоса, автомобильной сферы, то есть в высокотехнологической области" [6].

Американские компании проявляют значительный интерес к развитию торгово-экономического сотрудничества с регионами России. Более 15 лет действует "Российско-американское тихоокеанское партнерство", объединяющее представителей бизнеса, науки, общественных кругов, федеральных и региональных властей Дальнего Востока России и Западного побережья США.

Несколько российских компаний сделали существенные инвестиции в США. "Норильский никель" и "Северсталь" имеют давнюю историю присутствия в Америке. Группа "Мечел" недавно приобрела угольную компанию Bluestone Coal в Западной Вирджинии.

Ещё одним препятствием на пути взаимных инвестиций является визовый режим между двумя странами, который тормозит свободный обмен специалистами между российскими и американскими компаниями, сотрудничающими в рамках совместных предприятий или проектов.

В более широком смысле, одна из главных проблем на пути интеграции России в мировое экономическое сообщество – это то, что Россия не является членом ВТО. Независимо от того будет ли Россия входить в ВТО самостоятельно или в составе таможенного союза с Беларуссией и Казахстаном, ВТО – важное условие для привлечения иностранных инвестиций. Россия пытается стать членом ВТО с 1993 года, тогда как обычно процедура присоединения к организации занимает пять-семь лет.

ВТО была создана с целью либерализации международной торгов-

ли и регулирования торгово-политических отношений, ее членами являются более 150 государств.

"Я согласен с видением президента Медведева России как новой инновационной, модернизированной экономики, и нет никаких серьезных препятствий вступлению России в ВТО", – заявил в свою очередь Обама [6].

Как говорится в совместном заявлении президентов двух стран в поддержку присоединения РФ к ВТО, США готовы оказывать России всяческую поддержку и консультативное содействие в скорейшем завершении процесса вступления РФ в ВТО. Россия со своей стороны предпримет на правительственном уровне усилия для ускоренного приведения нормативно-правового регулирования в соответствие с правилами ВТО и общепризнанными процедурами присоединения к организации, отмечается в документе [2].

Успехи российского технического образования способствуют привлечению инвестиций в Россию в областях высоких технологий, информационных технологий, компьютерных систем, машиностроения, и инфраструктурных проектов, включая освоение новых нефтяных и газовых месторождений. Другая область, куда американские компании могут внести вклад – инвестиции в малый и средний бизнес, которому трудно получить доступ к дешевым кредитам. Предприятия малого и среднего размера традиционно являются инкубаторами инновационных идей и технологий. Однако проблема обеспечения защиты интеллектуальной собственности в России стоит остро. Бизнесмены отмечают, что Россия имеет детальное законодательство по правам интеллектуальной собственности, но реальная защита этих прав налажена слабо.

Очевидно, что Россия и США могли бы сотрудничать и в других сферах экономической деятельности. Наиболее полезным было бы сотрудничество в высокотехнологичных областях и инновационных технологиях. Кроме того, как заявил российский президент, – "чем более устойчивыми будут наши бизнес-контакты, тем проще нам будет общаться по всем другим вопросам, в том числе и по самым сложным вопросам международной повестки дня и наших двусторонних отношений".

Необходимо отметить, что за последний год значительно расширилось взаимодействие Москвы и Вашингтона по атомной проблематике. Россия и США подписали договоры о сокращении стратегических вооружений и утилизации избыточного плутония, продолжают сотрудничать в рамках борьбы с ядерным терроризмом. Значимым является и тот факт, что Москва создала международный резерв ядерного топлива в Ангарске. Это должно стать сигналом другим государствам, и, прежде всего Ирану, полностью отказаться от самостоятельного обогащения урана.

Помимо этого, Барак Обама направил на утверждение конгресса США соглашение о сотрудничестве с Россией в области мирного использования атомной энергии.

Оно закладывает основу юридической базы в области торговли ядерными материалами, а также развития инновационных ядерных технологий. Большинство действующих сегодня договоров Вашингтона с другими странами по мирному атому направлены на то, что стимулировать трансферт американских ядерных технологий. В случае же с договором с Кремлем речь идет в большей степени о внедрении в США российских технологий. Документ был подписан в Москве еще в мае 2008 года. Тогда же его направили для ратификации в конгресс. Но после нападения Грузии на Южную Осетию и принятия Россией симметричных ответных мер, администрация тогдашнего президента Джорджа Буша отозвала документ. Теперь новый глава Белого Дома рассчитывает на одобрение конгрессменами соглашения.

Вступление в силу данного соглашения поможет ученым расширить взаимодействие в рамках данного проекта, поскольку без данного документа, например, американские специалисты не могут ввозить произведенное оборудование на исследование в Россию. У россиян также могут возникать проблемы при ввозе, а затем вывозе своего оборудования в США. И в этой связи, тот шаг, который сделал президент Обама, внося соглашение о сотрудничестве в области ядерной энергетики, можно только приветствовать. Поскольку оно не только открывает путь для практического осуществления нескольких проектов, которые уже сейчас находятся на столе в рамках российско-американских договоров и консультаций, но и создает правовую базу для устойчивого взаимодействия двух стран в ядерной области на перспективу.

В российском внешнеполитическом ведомстве отмечают, что решение Барака Обамы повторно внести на рассмотрение конгресса этот документ свидетельствует о переходе Москвы и Вашингтона от противостояния к сотрудничеству в области взаимовыгодного использования мирного атома. Это шаг в правильном направлении, который необходим двум странам для успешного развития сотрудничества.

В свою очередь, председатель комитета Совета Федерации по международным делам Михаил Маргелов подчеркнул, что "перезагрузка" российско-американских отношений стала наполняться реальным содержанием и это дает основания полагать, что она не ограничится лишь подписанием договора по стратегическим наступательным вооружениям [4]. Важно учитывать и тот факт, что, направляя на утверждение конгресса США соглашение о сотрудничестве с Россией в области мирного использования атомной энергии, Белый Дом фактически показывает, что меняет свою позицию по отношению к кризису на Кавказе в августе 2008 года.

Необходимо отметить, что немало политиков и исследователей сомневаются в реальности перезагрузки отношений России и США. По-прежнему отношения России и США осложняет грузинская проблема, помощь России Ирану в осуществлении ядерной программы, вопросы энергобезопасности, ситуация в Украине и Палестине, а также развёртываемая Соединенными Штатами в Европе система противоракетной обороны. В сфере экономики многие американские компании всё ещё обеспокоены тем, как российские власти обращаются с зарубежными инвесторами. Кроме того, Вашингтону и Москве пока не удалось окончательно преодолеть разногласия по поводу вступления России во Всемирную торговую организацию (ВТО) [1].

Данная точка зрения, скорее отображает тот список проблем, которых, странам ещё не удалось обсудить или осуществить. Естественно, остались разногласия, не все вопросы были решены, но это не значит, что изменений не было. Количество вопросов, по которым мы вместе работаем, стало больше, возросло и число конкретных договоренностей: новый договор по СНВ, соглашение о воздушном транзите американских военных грузов в Афганистан через территорию России и т.д. [7]. Работа, проделанная в течение последних лет, не вызывает сомнений в создании новой атмосферы – атмосферы взаимоуважения, которая не создает иллюзий за счет только личных отношений, а обеспечивает взаимный учет интересов, и самое главное – готовность слушать друг друга. Простая демонстрация готовности к взаимодействию и сотрудничеству уже выглядит хорошим знаком и действительно открывает определенные перспективы восстановления взаимного доверия в областях, представляющих обоюдный интерес.

Сегодня, опираясь на расширяющийся круг общих интересов, Россия и США работают вместе так, как никто не мог себе представить двад-

цать лет назад, и я могу с уверенностью сказать, что перезагрузка ещё не завершилась, но она идет полным ходом!

Литература

1. Вайц, Р. Оценка "перезагрузки" российско-американских отношений. [Электронный ресурс]. URL: http://community.livejournal.com/golos_ameriki/312803.html [Дата обращения: 15.10.10 г.].
2. Ворошилов, Д. Обама хочет активизировать торгово-экономические отношения РФ и США. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rian.ru/economy/20100624/250008178.html> [Дата обращения: 25.09.10 г.].
3. Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений, СНВ 3: заключен в Праге 8 апреля 2010 г. [Электронный ресурс]. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/512 [Дата обращения: 09.04.10].
4. Маргелов, М. Пражская весна [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2010/04/09/margelov.html> [Дата обращения: 11.04.10 г.].
5. Медведев, Д. А. Строя российско-американские отношения [Электронный ресурс] / Д. А. Медведев. [Электронный ресурс]. URL: <http://news.kremlin.ru/news/7396> [Дата обращения: 22.06.10 г.].
6. России дали срок на пути в ВТО. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rian.ru/politics/20100625/250059970.html> [Дата обращения: 20.10.10 г.].
7. Чарап, С. "Перезагрузка" год спустя: достижения и перспективы в российско-американских отношениях [Электронный ресурс]. URL: <http://www.carnegie.ru/events/?fa=2881> [Дата обращения: 30.07.10 г.].
8. Удалов, Д. Перспективы российско-американский отношений в свете визита Б. Обамы в Россию 6 – 7 июля 2009 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.molpalata.ru/opinions/more/?id=14> [Дата обращения: 08.04.10 г.].
9. Gates, R. M. A Balanced Strategy. Reprogramming the Pentagon for a New Age // Foreign Affairs, 2009, January/February, [Electronic resource]. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/63717/robert-m-gates/a-balanced-strategy> [Дата обращения: 08.04.10 г.].
10. Sestanovich S. What has Moscow Done? Rebuilding U.S.-Russian Relations [Electronic resource] // Foreign Affairs, 2008, November/December. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/64603/stephen-sestanovich/what-has-moscow-done> [Дата обращения: 15.04.10 г.].
11. The Right direction for US Policy Toward Russia (Report of bipartisan Commission on U.S. Policy toward Russia) [Electronic resource]. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nixoncenter.org/RussiaReport09.pdf> [Дата обращения: 24.05.10 г.].
12. US and Russia: The Window of Opportunity. Partnership for a Secure America statement [Electronic resource]. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psaonline.org/article.php?id=476> [Дата обращения: 18.05.10 г.].

УДК 327

**Научно-методический семинар
"Трансграничные отношения в Северо-Восточной
Азии в политическом, экономическом и
социокультурном измерениях"**

**Scientific seminar
"Cross-border relations in the North-East Asia in political, economic
and socio-cultural dimensions"**

22 октября 2010 г. в городах Владивостоке и Находке состоялся организованный Находкинским филиалом ВГУЭС и журналом "Ойкумена. Регионоведческие исследования" научно-методический семинар по теме "Трансграничные отношения в Северо-Восточной Азии в политическом, экономическом и социокультурном измерениях". Целью, поставленной перед семинаром его организаторами, было ознакомление научного и образовательного сообщества Приморского края с современными проблемами трансграничных отношений в СВА, направленное на адаптацию его профессиональной культуры к работе в условиях растущей транснационализации развития РДВ. Исходя из заявленной цели, перед участниками были поставлены три основные задачи:

- ◆ Комплексный, междисциплинарный анализ текущего состояния трансграничных отношений в СВА и места в них РДВ;
- ◆ Выявление насущных и вероятных в среднесрочной перспективе проблем, связанных с участием РДВ в трансграничных отношениях;
- ◆ Определение целевых параметров развития РДВ и Приморского края в условиях интенсификации трансграничного взаимодействия и соответствующих им знаний и навыков профессиональной деятельности в научно-педагогической сфере.

В работе семинара, проходившей в соединенных видеосвязью аудиториях головного ВГУЭС и его филиала в г. Находке, приняли участие преподаватели, аспиранты и студенты различных приморских

вузов. Участниками семинара во Владивостоке стали д.ф.н., профессор С.Е. Ячин (ДВГТУ), д.и.н., профессор Г.И. Каневская, д.и.н., профессор А.Е. Кожевников, д.и.н., профессор А.М. Кузнецов (ДВГУ), к.и.н., доцент Я.А. Барбенко, к. полит. н., доцент Л.Е. Козлов, к.и.н., доцент Н.В. Котляр, к.и.н., доцент О.И. Шестак (ВГУЭС), к.и.н., доцент Л.Б. Биниконский, к. полит. н., доцент И.Н. Золотухин, к. полит. н., доцент А.А. Киреев, к. полит. н., доцент А.Л. Лукин, к.и.н., доцент Т.Г. Троякова (ДВГУ), к.ф.н., доцент Д.В. Конончук (ТГЭУ), аспирант Т.В. Плишанков (ТГЭУ), студенты И.А. Карклин, Т.Л. Кокарева, Д.Е. Кондратьев, В.А. Матвиенко, А.А. Тимошек (ТГЭУ). Роль ведущего выполнял к. полит. н., доцент ВГУЭС В.А. Бурлаков.

В Находке участие в работе семинара приняли к.и.н., доцент, директор филиала ВГУЭС в г. Находке Т.Г. Римская, д.г.н., доцент Ю.А. Наумов (ВГУЭС), к.ф.н., доцент Е.М. Власова (ДВГТУ), помощник директора филиала ДВГУ в г. Находке В.А. Островская, к.х.н., доцент Л.М. Долгалева (ИТиБ), к.полит.н., доцент Е.Н. Давыборец, к.х.н., доцент Э.Ш. Мухтарова, (ТГЭУ), ст. преподаватель Т.М. Войстрик, ст. преподаватель Н.О. Живогляд, ст. преподаватель И.В. Михалева, ст. преподаватель Я.С. Нарута, ассистент В.С. Милкин, ассистент Е.А. Полищук, ассистент Ю.С. Чистюхина, ассистент А.А. Шингарева (ВГУЭС), а также аспиранты и студенты филиала ВГУЭС в г. Находке. Вела семинар со стороны Находки зам. директора Находкинского филиала ВГУЭС, к. полит.н., доцент М.А. Калугина.

Открыла научно-методический семинар главный редактор журнала "Ойкумена. Регионоведческие исследования", директор филиала ВГУЭС в г. Находке, доцент Т.Г. Римская. В своем приветственном слове к собравшимся она кратко рассказала о развитии и деятельности журнала "Ойкумена" и выразила надежду на то, что проводимый семинар будет первым шагом в ряду целого цикла научных мероприятий, осуществление которых планируется журналом.

Программа научно-методического семинара включала в себя обсуждение четырех докладов, посвященных различным аспектам многомерной проблематики трансграничного взаимодействия. Доклады семинара были подготовлены С.Е. Ячиным, А.М. Кузнецовым, А.Л. Лукиным и О.И. Шестак¹.

Выступивший на семинаре С.Е. Ячин представил доклад по теме: **"Состояние метакультуры: эффект встречи на границах культурных сред"**:

"В своем докладе я хочу представить некоторые результаты нашего коллективного исследования "Метакультурный потенциал сотрудничества России со странами СВА в условиях глобализации". Коллектив исполнителей в основном состоит из преподавателей факультета культурной антропологии ДВГТУ, и само исследование ведется на условиях гранта в рамках программы Министерства образования и науки "Развития научного потенциала высшей школы". Результаты изложены в более чем 20-ти статьях и одной монографии². Я являюсь руководителем

¹ На момент сдачи номера в печать редакция не располагала текстом доклада О.И. Шестак.

² Россия в метакультурном диалоге со странами АТР. Сб. научных статей. – Владивосток, 2009; Ячин С.Е. Состояние метакультуры (монография). Владивосток: "Дальнаука", 2010; Ячин С.Е. Метакультура – место творчества личности на границе культурных сред // Личность. Культура. Общество. (Международный журнал социальных и гуманитарных наук). 2010, т. 12. Вып.1 (№ 53-54). С.108-116.; Пчелкина С.Ю. Апории религиозного сознания "русского буддизма"// Этносоциум и межнациональная культура. 2009. № 8; Ломова Т.Е., Тимошенко Е.Д., Ячин С.Е. Трансформация ценностных ориентаций рос-

этого исследовательского проекта.

Наше внимание привлекли процессы, происходящие на границах культурных сред. В принципе понятие культурной среды и сопутствующих ей границ носит очень широкий характер – оно имеет в виду не только "среды" национальных культур, но и профессиональные, корпоративные, дисциплинарные и субкультурные. Фактор *границы сред* определяет сходство многих процессов независимо от "природы" самой среды. Одно из самых сильных по своей эвристике утверждений синергетики состоит в том, что *всякое* развитие происходит только на границе сред. Отсюда познавательный и проектный принципы: видите интенсивные и качественные изменения – ищите порождающие их границы, хотите качественных изменений – конструируйте границы¹. Такова наша общая методологическая позиция.

От этого общего положения перейдем к предмету исследования, которым является собственно процессы, происходящие на границах национальных культур (национальных культурных сред) в США. То, что придает особую актуальность исследованию в этой предметной области, заключается в известном обстоятельстве: трудно найти мировой регион, в котором культурные различия на границах сред были бы столь значительны. Здесь культурные различия носят межцивилизационный характер.

Соответственно две главные проблемы межкультурных коммуникаций в этом регионе обретают особую остроту. Во-первых, это проблема человека, который оказался в положении выбора между различными (и даже взаимоисключающими) культурными образцами (антропологи называют такие образцы "паттернами поведения"). Во-вторых, проблема взаимовлияния и взаимопонимания культур, доступность для каждой из них глубинных смыслов соседствующих культур.

Сначала о пограничной ситуации человека. Сегодня она получает все большее распространение. Множество молодых людей едут на учебу и на работу в страны, культура которых значительно отличается от родной. Мы накопили значительное количество данных о психологических, культурных и житейских проблемах, которые возникают перед такими людьми. Если схематически обобщить проблему, то она предстанет в виде поиска выхода из ситуации сдавливания человека "тисками" норм (образцов поведения, мышления, переживания), имеющих разное культурное происхождение.

В принципе в этой проблемной ситуации для человека возможно четыре выхода или четыре модели поведения. Они носят "идеальный" характер: на практике поведение человека может сочетать несколько моделей. Первый – когда человек меняет паттерны поведения в зависимости от ситуации. Например: дом – работа. По некоторым сведениям эта модель поведения характерна для гонконгцев (пример билингвистической культуры), которые на работе подчиняются евро-американским нормам и образцам, а дома сохраняют более или менее традиционный китайский уклад. Вторая модель – человек "выдавливается" в некоторую усредненную массовую культуру, в образцах поведения и ценностях которой стерта всякая национальная специфика. Носителями этих образцов являются разного рода ТВ-программы, сериалы, шопинг и другое, смысл чего прост и понятен представителю любой культуры. Третья модель – человек ищет выход в чем-то "третьем", некоем собственном

сийской и китайской студенческой молодежи в условиях глобализации // Вестник ДВО РАН. 2009. № 1. С.81-90. И др.

¹ Простым примером конструирования границы является использование ресурса соревнования или конкуренции путем разделения организации или коллектива на соперничающие группы.

хобби, которое позволяет ему "отдыхать" от постоянного стресса выбора альтернатив. Реальный тому пример. Один наш стажер рассказывает о том, как он изучает японский язык в самой Японии (владеет им на достаточно высоком уровне). При этом японский и русский языки имеют различную психолингвистическую основу, предполагают разный способ думанья. В итоге стажер чувствует, что его сознание раскалывается, и он находит выход – начинает изучать ... португальский язык (в качестве хобби). И, наконец, четвертая модель – "метакультурная", когда человек выходит "вверх" и становится в позицию *творческой внеаходимости* относительно родной культуры. Об этом варианте подробнее.

Если посмотреть на любую национальную культуру с точки зрения ее смыслового содержания или просто – "содержимого", то она предстанет в виде совокупного вклада гениев рода: ее писателей, художников, ученых, педагогов, реформаторов и проч. Чем была бы русская культура без творческих вкладов Пушкина, Карамзина, Ломоносова и других ее гениев? Точно так же собирается "содержимое" любой другой культуры, которая осознает свою самобытность и устойчиво воспроизводит себя в истории. Обратим внимание на следующее фактическое, а в данном случае – биографическое обстоятельство: все "гении рода" по тем или иным причинам находились на границе культурных сред (получили образование за рубежом, как Ломоносов; или находились сразу в лоне двух культур, как Пушкин; или оказались на границе культурных эпох, что в целом характерно для "золотого века" русской литературы). Из указанного обобщения не следует, что всякий оказавшийся на границе культур внесет весомый творческий вклад в одну или другую культуру, но он неизбежно будет вынужден занять новаторскую позицию относительно установленных культурных образцов, ценностей или "паттернов поведения". Психологически, вполне достоверно, что как только человек оказывается на границе культурных сред, когда он лишается возможности использовать традицию (обычай, норму) – в качестве способа решения насущных задач, он вынужден проявить "инновационную" самостоятельность, которая в формальном смысле есть творчество.

Не будучи достаточным, выход за пределы норм своей родной культуры является необходимым для того, чтобы внести в нее свой творческий вклад. Иначе говоря, используя для этого идею и термин М. Бахтина, личность как минимум должна занять позицию *творческой внеаходимости* относительно родной культуры, чтобы сделать ей свой творческий дар. Принцип внеаходимости, кстати, объясняет, почему гении национальной культуры, как правило, являются и гениями всего человеческого рода.

Этим условиям вклада в культуру буквально соответствует термин мета-культура. "Мета" – указывает на источник развития культуры, который находится *за пределами* самой культуры в творческом потенциале личности.

Даниил Андреев, благодаря которому термин "метакультура" получил широкое хождение (это тема его известного произведения "Роза мира"), примерно в этом смысле его и использует. Метакультура это та *вертикаль*, которая позволяет человеку творить и создать культурные произведения, тиражируемые далее в *горизонтале* обычной культуры.

В ключе первой из обозначенных проблем мы определяем метакультуру как особое состояние культуры, возникающее на границах культурных сред, при котором проявляется зависимость развития культуры от творческого потенциала личности.

Вопрос взаимовлияния (и взаимопонимания) культур мы ставим применительно к условиям глобализирующегося мира. Обратим внимание на амбивалентность тенденций, связанных с процессами куль-

турной глобализации. С одной стороны – происходит интенсификация межкультурных взаимодействий и так, что большая часть людей сдвигается к границам других культур и, казалось бы, что результатом должен стать рост творческого потенциала личностей, но, с другой стороны, происходит прямо обратное: интенсификация межкультурных контактов приводит к стиранию культурных границ, к массовому распространению усредненных культурных образцов, не имеющих прямого отношения ни к одной национальной культуре. И неизбежное следствие – тотальное снижение творческого потенциала личности, проявляющееся в шаблонности, стереотипности, мозаичности мышления, в атрофии творческого воображения, в снижении качественной насыщенности существования личности и др. Видя эту опасность, которая обычно связывается с глобальной массовой культурой, международные организации демонстрируют всемерную заботу о сохранении культурного разнообразия и наследия. В первых рядах идет ЮНЕСКО¹. Эту заботу нельзя не приветствовать, но стоит заметить некоторую односторонность в культурной политике этой международной организации. Среди многочисленных программ нет таких, которые были бы направлены на развитие творчества личности, а без этого декларации о взаимообогащении культур – остаются призывами. На практике забота о сохранении культурного разнообразия выглядит как сохранение традиционных масок или просто как дрящущийся маскарад.

Метакультура выступает и представляет себя в качестве альтернативы этой тенденции стирания культурных границ. В этом отношении и со своей методической стороны метакультуру можно представить как *искусство установления границ* между культурными средами, где граница обозначает себя не в качестве барьера, но как *место встречи* культур. И чем большим является различие встречающихся культур по своим архетипам или базовым ценностям, тем больший метакультурный эффект следует ожидать.

В аспекте взаимовлияния культур *состояние метакультуры* определяется следующим образом. Это способность одной культуры *использовать достижения другой для своего творческого развития*. Хотя это "использование" идет через творчество отдельных личностей, но логика процесса определяется не ими, но факторами смыслового содержания культур: с одной стороны – недостаточностью отдельных культур, а с другой – их взаимной комплементарностью (взаимодополнительностью).

Нет национальных культур, которые бы реализовали все смысловые возможности мира. Это касается и тех воображаемых миров, которые создает искусство, и тех метафизических моделей мира, которые возникают в рамках философии, это справедливо относительно их этических систем и религиозных воззрений. Собственная ограниченность становится особенно заметной, когда одна культура видит себя в зеркале иной культуры. Но именно собственная ограниченность порождает потребность в Другом, формирует важнейшее качество культуры – ее открытость. Как в личностном, как в культурном плане представление о своей завершенности и совершенстве является смертельным. Личность и культура существуют только общении с Иным.

Есть основания полагать, что восточные (даосско-конфуцианско-буддийские) и западные (христианские) культуры находятся в отношениях взаимодополнительности, т.е. реализуют две стороны смысловой

---

¹ Принимая в 2001 г. Всеобщую декларацию о культурном разнообразии, государства-члены ЮНЕСКО подтвердили свою приверженность культурному разнообразию – источнику развития, "столь же необходимому для человечества, как биологическое разнообразие для живой природы". Действуя в этом направлении ЮНЕСКО создает Глобальный альянс за культурное разнообразие.

целостности мира. Не только специалистам известны трудности перевода смысла заложенного в тексте восточной культуры в западную и обратно. Относительно этих культур говорят даже о разных типах сапиентности, цитируя, в этом случае, Р.Киплинга: "Запад есть Запад, Восток есть Восток – не встретиться им никогда". Поэт, наверное, прав только в том, что встреча еще не произошла. Вплоть до сегодняшнего дня (либо в форме "вторжений", либо "инвестиций"). Встреча не произошла, поскольку до сих пор так и не определена смысловая граница, разделяющая две мировые культуры. Как не покажется странным, но именно прямые переводы текстов (и смыслов) из одной культуры в другую, без определения сущности самой границы, приводят к взаимному непониманию. Каждая из культур вынуждена "по своему" понимать другую. Так история западной философии, начиная с Лейбница, полна примеров очень своеобразных истолкований восточных учений.

Идея метакультуры не оспаривает эвристики подобных влияний (Лейбниц, например, открыл бинарный способ исчисления под влиянием китайской нумерологии), но считает такого рода творческие инвестиции малыми и недостаточными в силу неопределенности смысловой границы между культурами".

Первым из участников семинара свои вопросы С.Е. Ячину задал А.М. Кузнецов. Прежде всего, он попросил автора доклада разъяснить противоречие между высказанным утверждением о том, что нахождение на границах поднимает взаимодействующие стороны на метакультурный уровень, и указанием на то, что китайцы воспринимают русскую культуру поверхностно и глубинного взаимопонимания в ходе контактов с ними не происходит. Отвечая на вопрос, С.Е. Ячин напомнил, что, по его мнению, ситуация контакта представителей разных культур может иметь четыре возможных исхода, и метакультурный вариант является среди них не самым вероятным. Второй вопрос А.М. Кузнецова касался игнорирования докладчиком при рассмотрении метакультурных и диффузионистских механизмов взаимодействия таких введенных Б. Андерсоном терминов как "креолизация" и "гибридизация". С.Е. Ячин указал, что содержание данных понятий и понятия "метакультурность" совпадает лишь частично. Метакультурность возникает на базе креолизации тогда, когда появляется инновационная составляющая, когда от человека требуется творческое отношение к своему делу. Именно тогда он начинает двигаться "вверх", к метакультурному уровню.

О.И. Шестаков поставил вопрос о том, может ли личность быть вне культуры, если она является ее продуктом. С.Е. Ячин высказал возражение против того, чтобы понятие личности сводилось к культурному. По его мнению, культура сама по себе не способна порождать творческие идеи и творческих личностей, "гениев рода", таких как Пушкин или Достоевский. Культура служит почвой, на которой вырастает человек, но идеи приходят к нему свыше.

Л.Б. Биниконский поинтересовался у автора доклада, следует ли считать способность к "перевариванию" иных культурных традиций национальным достоинством китайцев, и почему представители нашего общества не могут освоить китайскую культуру. С точки зрения С.Е. Ячина, эта способность действительно является достоинством, но мы не можем "переваривать" внешние влияния также. Нам необходимо искать свой путь. Ситуация метакультуры состоит в том, чтобы, посмотрев, что есть у других, взять что-то себе. Однако мы должны взять это не в идентичном виде, но приспособив к своим культурным основаниям.

М.А. Калугина обратилась к докладчику с вопросом о том, может

ли Дальний Восток рассматриваться как территория метакультурных отношений Запада и Востока. По словам С.Е. Ячина, метакультурный потенциал в России убывает по мере удаления от границы, поскольку его величина зависит от того, насколько близким и частым является взаимодействие с представителями других культур. В связи с этим, наш регион действительно обладает мощным метакультурным потенциалом. Однако этим потенциалом нужно уметь воспользоваться. Для этого мы должны думать не о строительстве зданий и сооружений, но о метакультурных проектах.

В.А. Бурлаков задал вопрос о том, насколько сами китайцы настроены на метакультурный потенциал жителей российского Дальнего Востока. Докладчик выразил мнение, что сегодня китайцы настроены на трансграничность, но не метакультурность.

В.С. Милкин адресовал С.Е. Ячину два вопроса: во-первых, одинаково ли японцы, китайцы и русские подвергаются давлению культурного пресса, или же это больше характерно для русских, а, во-вторых, что именно вызывает это культурное давление – сами культурные различия или то, что человек не прилагает необходимых усилий к изучению другой культуры. С.Е. Ячин указал, что тема культурной адаптации еще не достаточно изучена. Тем не менее, на основе данных, полученных в ходе исследования, проводимого под его руководством, можно утверждать, что пребывающие в нашей стране японцы также испытывают культурный шок. Однако известные примеры такого рода нуждаются в обобщении и дополнительном изучении. Касаясь второго вопроса, С.Е. Ячин отметил, что освоение чужой культуры это всегда риск. Если человек хочет изучать другую культуру, ему необходимо обладать хорошим психическим здоровьем. Переходить же в иную культуру следует к крайней осторожностью, в противном случае это может привести к неустойчивости психики.

И.В. Михалева задала вопрос о том, какова вероятность возникновения при межкультурных контактах культурного шока. По словам С.Е. Ячина, культурный шок, как правило, сопровождает любую межкультурную встречу. Когда же человек глубинно входит в другую культуру, он совершенно неизбежен.

Ю.А. Наумов поинтересовался мнением автора доклада о том, почему в нашем обществе, в отличие от других стран, не сложилось экологической культуры. С.Е. Ячин связал это с нашей культурной ментальностью. Если японец привык считаться с другими людьми, то в русской ментальности сокрыта опасность считаться только с самим собой. Однако эта особенность является оборотной стороной креативного характера русской культуры. Поэтому над экологической культурой необходимо работать и для ее развития есть перспективы, но сама по себе она не сложится.

Д.Е. Кондратьев спросил профессора С.Е. Ячина, откуда возникает массовая культура, и почему в докладе это понятие носит такую негативную окраску. Профессор не согласился с тем, что данное понятие используется им в негативном ключе. Отношение к массовой культуре – это дело личного выбора. Но тот, кто становится адептом массовой культуры, жертвует своим творческим потенциалом. Массовая культура включает в себя такие культурные образцы, которые доступны любому пониманию. При этом общедоступность ценностей массовой культуры хорошо способствует взаимопониманию.

Исходя из темы доклада, В.А. Бурлаков предложил его автору дать ответ на вопрос о том, где проходит граница между Востоком и Западом. С.Е. Ячин подчеркнул, что граница в данном случае это не географическое, но качественное понятие, фиксирующее момент перехода человека

из одного культурного состояния в другое. Граница между культурными средами утопична, однако она обнаруживает себя в диалоге.

Т.В. Плишанков, приводя в качестве примера общества, возникшего на стыке культур, Америку, поставил вопрос о том, не грозит ли метакультурность усреднением, торжеством массовой культуры. Как отметил, С.Е. Ячин, по его наблюдениям, духовный кризис Америки связан с тем, что ей пришлось решать проблему мультикультурного котла. Для того, что бы привить гражданам способность к совместной жизни, в США была создана, во-первых, очень жесткая политическая структура, а, во-вторых, массовая культура, понятная всем этносам. Однако за это они вынуждены платить.

Следующий доклад семинара, подготовленный **А.М. Кузнецовым**, был посвящен теме **"Этнический фактор в трансграничных взаимодействиях в Северо-Восточной Азии"**¹:

"Несколько методологических замечаний. Обращение к сколько-нибудь значимой теме сегодня настоятельно требует четкого представления и обоснования исходных посылок, на основе которых будет построено ее исследование. Уклонение от этого требования, несмотря на самые благие (чаще всего позитивистские) намерения в его мотивации, может повлечь за собой слишком далеко идущие последствия. Нельзя забывать, что кардинальные перемены в существующем миропорядке, произошедшие после Второй мировой войны, связанные с новой волной демократического транзита, достижениями научно-технической революцией, революцией прав человека и т.д., определили также радикальные сдвиги в общественном сознании. Фиксация происходящих трансформаций, получивших наиболее общее определение как вступление в новую глобальную эпоху – *постмодерн*, позволяет, с одной стороны, отметить, например, значение *постмодернистского вызова*, серьезно подорвавшего в конце 1960-х гг. прежние устои социально-гуманитарных наук. Но с другой стороны, не менее заметной становится асинхронность проявления новых тенденций и процессов и их осмысления в разных регионах. В результате некоторые актуальные для ведущих научных центров проблемы, та же *легитимизация* знания, еще не стали предметом обсуждения в периферийных зонах мировой науки. Платой за подобную нерасторопность становится даже не столько отставание от переднего фронта развития науки, сколько заведомая обреченность попыток "поверения" противоречивой и вдобавок слишком динамичной реальности явно не очень адекватными ей средствами. Понятно, на какого рода результаты можно рассчитывать в подобном случае. Но с подобными же рисками связано и механическое перенесение новейших разработок, созданных в одних социально-политических контекстах, например, того же мультикультурализма, в совершенно другие условия.

Оценивая общее состояние социально-политической науки в (но не о) Северо-Восточной, или, может быть, Восточной, опять же Большой Восточной Азии, можно констатировать, что она в своих базовых установках во многом остается еще на допостмодернистской стадии развития. Вместе с тем, знакомство с получившими признание на Западе идеями и их внедрение в собственную практику уже привело к озвучиванию и в нашем регионе ряда соответствующих требованиям постмодерна клише (взгляд из России, взгляд с Востока и т.д.). Однако, "постмодернистская чувствительность" все же предполагает нечто другое: *глубокую саморефлексию* по отношению к *процедуре исследования*, характеристике *познающего субъекта*, учету влияющих на него факторов, – а не только

¹ Работа выполнена в рамках Аналитической ведомственной целевой программы Развитие научного потенциала Высшей школы. Проект № 1940

озабоченность по поводу поиска заказчика, сбора первичных данных и придания наиболее привлекательного облика полученным результатам для их дальнейшего "пристраивания". Поэтому, несмотря на достаточное количество разного рода "экспертных оценок" по наиболее актуальным вопросам той же Северо-Восточной Азии, не приходится говорить о достижении прорыва в их реальном осмыслении и предлагаемых средствах для эффективного разрешения. Одной из причин, ответственных за существующее положение дел в научной сфере региона, можно назвать сохраняющуюся практику представления оценок, выводов и рекомендаций без должного обоснования и верификации оснований, условий и путей их формулирования. Другая причина часто наблюдаемой неспособности различных региональных институций от науки дать реальные ответы на прежние и вновь появившиеся выводы мне представляется в сохраняющейся традиции анализа определенных проблем в рамках узко дисциплинарных подходов: экономического, политического, международного и др., которые в свою очередь, дополнительно редуцируются уровнем конкретности конкретных специализированных.

У теоретиков постмодернизма, сосредоточивших свои усилия на критике оснований социально-гуманитарного знания, реализовавшейся в том числе и в идее дискурса, мы не найдем ответа на вопрос: как вести себя в сложившейся ситуации. Поиском выхода из тупика, на который они раскрыли нам глаза, занялись уже специалисты пост/постмодернистского направления современной науки. Например, недавно известный исследователь Н. Фергюсон показал на примере активно обсуждаемого концепта империя, что его содержание, а тем более обозначаемая им реальность могут быть адекватно осмыслены только в том случае, если мы отнесем их к категории сложных явлений. Разработкой методологии анализа проблем подобного уровня успешно занимается системная теория, в рамках которой еще ранее было предложено различать класс сложных систем. При всех различиях в определении критериев принадлежности к данному классу, вполне очевидно, что сложность предполагает выход за рамки конкретно дисциплинарных подходов. К сожалению, под влиянием постмодернистского вызова и собственных неудач системная теория не пользуется теперь особым признанием в ряде направлений российской и зарубежной социальных наук. В свое время, как известно, Г. Алмонд попытался выправить слишком механистичный вариант теории политической системы Д. Истона с помощью категории политической культура. Но его попытка также не помогла переломить ситуацию. Тем не менее, реальной альтернативы системной теории в исследовании сложных проблем так и не было предложено. Эвристический же потенциал последней был расширен, например, в результате исследований чилийский нейробиологов У. Матураны и Ф. Варелы. Они, в частности, показали необходимость учета механизмов аутопоэзиса (самовоспроизводства), сознания и значимость фигуры наблюдателя уже при работе с биологическими системами. Как представляется, категория сложного и связанный с ней современный междисциплинарный вариант системной методологии могут быть плодотворно использованы при исследовании социально-политических проблем Северо-Восточной Азии, в частности, темы, вынесенной на наш семинар.

Этнический феномен как уже известная и новая область исследований. В своем докладе я хотел бы привлечь внимание к этническому явлению. Делаю это, во-первых, потому, что признание его значимости еще только начинает утверждаться в политической науке, ее отрасли, занимающейся международными отношениями, и других областях социально-гуманитарного знания. Поэтому анализ данного явления действительно выводит нас на передний край науки, а не просто

является воспроизведением уже известных результатов. Дело в том, что, несмотря на длительную историю своего существования, этнический феномен заявил о себе в полной мере только с середины прошлого века сначала различными проявлениями "бунтующей этничности", а затем и вызовом этнонационализма. Сохранение актуальности исследования данного явления в новом веке обусловлено неподготовленностью науки и общественно-политической практики, долгое время занятых классовыми боями и идеологическим противостоянием, к произошедшему "этническому возрождению". Не случайно, до настоящего времени не известно даже сколько-нибудь убедительного объяснения причин "взбунтовавшейся этничности".

Во-вторых, этнический феномен представляет интерес как одно из *сложных явлений*, работа с которым может сыграть свою роль в создании теории и методологии исследования других явлений и составляющих их компонентов. На начальной стадии изучения сложилось твердое убеждение, что этот феномен является объектом таких дисциплин, как этнография, этнология, социально-культурная антропология. Затем стало очевидно, что для его анализа требуется также потенциал социальных и политических наук. Так что теперь специалисты из разных областей знания заняты проблемами этнических конфликтов, этнонационализма, мониторингом трансграничных миграций и изучением мигрантских диаспор, Особое значение для Северо-Восточной Азии приобрела также проблема "разделенных наций", имеющая прямое отношение к рассматриваемому явлению. К сожалению, все эти исследования проводятся в отрыве друг от друга, они чаще всего следуют за уже произошедшими событиями или остаются в режиме мониторинга. При всей значимости процедуры получения или фиксации первичных данных сведение к ней всей процедуры исследования проблем, т.е. ее "заэмпирированность", лишает нас возможности понять наш предмет исследования в его сущностном выражении и реальности связей контекстов, в которых он существует. Поэтому обсуждение разнообразных этнических проблем будет иметь смысл только тогда, когда мы учитываем многообразие их проявления, подходим к ним на междисциплинарном уровне и работаем с ними с учетом присущей им сложности. Обеспечить выполнение всех указанных требований можно в том случае, если у нас есть *сильная*, т.е. по настоящему эффективная теория этнического феномена.

Вынужденный или стихийный характер вхождения многих узких специалистов в этническую проблематику уже сопровождается попытками предложить определенные ее интерпретации. Среди них хотелось бы отметить очень распространенную в настоящее время идею *межкультурной коммуникации*. Идущая в основном от лингвистов, эта идея по-своему пытается "отформатировать" ситуацию межэтнического взаимодействия. Попытка же придать ей более широкое значение, чем достижение близкого взаимопонимания участвующих в акте вербальной/текстовой коммуникации субъектов, вызывает возражение по методологическим основаниям. Прежде всего, потому, что *самобытность культуры*, хотя и является одним из важных признаков этнического, но не сводит к ней все содержание данного явления. Попытка вывести культурную проблематику на некий *метауровень* также не меняет положения дел. Слишком уж неопределенной стала сегодня сама категория культуры. Ставка на нее может быть оправдана в рамках конкретного дисциплинарного дискурса, *редуцирующего* этнический феномен к одной его составляющей, притом, что существуют еще и другие: социальная, производственная, психоментальная и т.д. Понятно, что сам язык при подобных обстоятельствах, несмотря на всю свою бесспорную важность, оказывается еще менее значим, чем пресловутая культура.

К сожалению, приходится констатировать: и сами специалисты по этническому пока не очень преуспели в разработке содержательной теории. Они еще сомневаются, действительно ли значим феномен этнического многообразия, так как ставка на методологический индивидуализм и радикальный конструктивизм повышает ставки альтернативного концепта – *идентичности*. Продолжающиеся дискуссии примордиалистов и конструктивистов, объективистов и процессуалистов, реалистов и символистов и т.д. не позволили сформулировать приемлемую позицию по данной проблеме и предложить четкие критерии собственно этнических общностей.

Очень показательно, что большинство специалистов и экспертов по проблемам Северо-Восточной Азии готовы поставить в повестку дня обсуждение экономических, политических, международных, экологических и т.д. вопросов, но реже – культурных, а тем более этнических. Однако многие программы и проекты, основанные на подобных представлениях о приоритетах, уже столкнулись с неучтенным препятствием в лице того же национализма. Не без влияния разного рода этнических барьеров пришлось заговорить не только о *глобализации*, но и *глокализации*. Реальные обстоятельства и практика их изучения все настойчивее заставляют разных исследователей изменить свое отношения к этническому феномену. Так, в ходе новой волны демократического транзита обнаружилось неожиданное трудности с внедрением универсальных, как многие полагали, западных моделей в другие части света. С близкими проблемами столкнулись и специалисты-международники, которым нужно было найти объяснение казусу Косово и последовавшими за ним событиями на Кавказе. Теперь стало труднее спорить с авторами (У. Коннор), отстаивающими точку зрения о том, что существующие *международные отношения* на самом деле являются всего лишь *межгосударственными*. В результате под критическим прицелом снова оказались представления о единстве *гражданской нации* и пришлось признать, что "... большинство западных Т[еорий] М[еждународных] О[тношений] являются принципиально этноцентричными..., несмотря на то, что подобный этноцентризм в основном остается непризнанным или упрятанным под рассуждениями об универсализме"¹. Ведь даже на уровне буквальной интерпретации концепта *этнос* как *народа* становится очевидным, что только незначительная часть современных государств (менее 20, включая обе Кореи и Японию) характеризуется *однородным в этническом плане* составом населения. В то же время подавляющее их большинство (более 170), в том числе: Россия, Австралия, Бразилия, Индия, Индонезия, Китай, Малайзия, Сингапур, Филиппины – являются *полиэтническими образованиями*. Новый фокус оценки своего внутреннего положения и ряд событий последнего времени, как-то: распад Советского Союза, Союзной Югославии, Чехословакии; квебекский референдум о независимости 1995 г., рост этносепаратистских настроений и др. – заставили правительства многих государств более серьезно отнестись к вопросу управления своим этническим многообразием. Однако при этом со всей определенностью обозначилась другая проблема: что же такое *этническая*?

В существующем массиве литературы можно найти лишь спектр взаимоисключающих друг друга интерпретаций рассматриваемого явления. Здесь присутствуют и универсальные, и маргинальные, и специфические, и другие трактовки. Наиболее же эвристичной представляется теория этноса выдающегося российского исследователя С.М. Широкого-

¹ См. Acharya A., Buzan B. Conclusion // Non-Western International Relations Theory. Perspectives on and beyond Asia / Ed. by A. Archarya, B. Buzan. L., NY.: Routledge, 2010. p. 223

рова (1887 – 1939). Он предложил различать собственно *этнос* – процесс существования этнических общностей и саму *этническую общность*, являющуюся устойчиво динамическим на основе принципа равновесия объединением людей, обеспечивающим их существование. Общность подобного рода имеет определенный уровень социально-культурной организации, занимается хозяйственной деятельностью, создает материальную культуру и оригинальный *психоментальный комплекс*, участвуя в то же время в обмене достижениями с другими этническими общностями. Включение разных этнических общностей в определенные государственные образования оказывает существенное влияние на сам *этнос*, который в зависимости от конкретных условий и проводимой политики может принимать *центробежный или центростремительный характер*. В результате же у нас сохраняются, распадаются или возникают конкретные этнические общности.

Являясь одним из видов социально-культурных объединений, возникающих еще на догосударственной стадии развития, этнический феномен со временем оказывался оттесненным на периферию политической, экономической, религиозными и другими более поздними явлениями и обусловленными ими интересами. Однако, несмотря на свою "неявность" он не ушел в небытие, и, будучи тесно связанным с другими обстоятельствами современной реальности, может заявить о себе, *неучтенными последствиями решений*, принимаемых по тем же экономическим и политическим вопросам. В силу своего современного положения этнический феномен непросто распознать и проанализировать, так как он часто репрезентируется через другие явления, те же политические, культурные, конфессиональные и т.д. По этой причине для его "выявления" и последующего исследования необходима методология системного характера, а не познавательные средства отдельных дисциплин. Но в то же время, будучи откровенно проигнорированным, он может поставить государства на грань кризиса.

Таким образом, этнический феномен – это, прежде всего, реальность этнического многообразия человечества. В настоящее время специалисты считают возможным выделять от 5 до 7 тыс. различных этнических общностей. Теперь все это многообразие оказалось "втиснутым" в границы ограниченного количества государств, которые своей политикой и взаимодействиями в значительной степени замкнули на себя всю общественную жизнь. Однако не столь явные этнические общности и их механизмы оказывает значительное влияние на формирование наших образов и представлений об окружающем мире, в том числе, как показали те же постмодернисты, и на наши сугубо научные теории и концепции. Ведь даже в полиэтнических государствах, как правило, можно зафиксировать государствообразующую этническую общность ("лидирующий этнос" по Широкогорову), которая формирует соответствующие институты и идеи на основе своих базовых представлений. Поэтому даже в условиях разворачивающегося процесса роста "проницаемости" государственных границ, несмотря на разрушение разных стен и других видимых барьеров, сохраняются другие – невидимые, во многом символические, но от этого не менее значимые границы. Реальность, фиксируемую границами подобного рода, мы пока готовы рассматривать в большей степени как культурную. Но самом деле она является более сложной по своей природе – этнической. Так что в современных условиях мы все чаще оказываемся в ситуациях активных межэтнических взаимодействий, а этнический фактор оказывает заметное влияние на другие виды отношений, прежде всего трансграничных. Конечно, с началом глобализации, активизировавшей все процессы, этнический феномен претерпевает определенные трансформации. Явление "креолиза-

ции" и этнической дисперсности становятся такими же реалиями, как и существование самих этнических общностей. Однако при всей своей значимости эти новые тенденции придают лишь новые конфигурации продолжающимся этносам.

Роль этнического фактора в современной Северо-Восточной Азии. Какое конкретное значение этнический феномен, превращаясь в этнический фактор, имеет для Северо-Восточной Азии можно показать на следующих примерах. Значительное влияние на ситуацию в регионе и даже на более глобальном уровне оказывают корейская и тайваньская проблемы. Они широко обсуждаются в уже привычных рамках безопасности, политического, военного, экономического, международного и т.д. взаимодействия. Обозначены они также и как ситуация разделенных наций. Однако остается неясным, какие новые возможности открывает для нас подобный подход. Между тем, как уже показал опыт объединенной Германии, невзирая на исходное культурное и другое единство общностей, разделенных на полвека и более между разными государствами, в силу действия в них разных этносов, эти общности приобретают свои специфические особенности, в том числе уже и этнического характера. Игнорирование этого обстоятельства в предпринимаемых попытках решения данных проблем может снова привести к нежелательным последствиям.

Для Дальнего Востока России одной из активно обсуждаемых тем по-прежнему остается миграция из стран Ближнего и Дальнего Зарубежья. Следует понимать, что мигрантские диаспоры, оставаясь в значительной степени носителями определенной *этничности*, все же отличаются от своих исходных этнических общностей. В зависимости от новых условий диаспоры могут обнаружить тенденцию к обособлению от принимающей общности (общностей), либо готовность интегрироваться в нее. Опыт политики мультикультурализма в Канаде и некоторых странах Западной Европы позволяет утверждать, что установки на культуру как основное средство ускоренного включения мигрантов в принимающее общество не оправдали себя в полной мере. Это не удивительно, так как разработчикам этой политики следовало учесть действие ряда этнических механизмов, оказывающих воздействие на векторы этносов, в которые включены мигрантские диаспоры. Поэтому нам важно не повторять уже сделанные ошибки.

Подобный перечень конкретных обстоятельств проявления действия этнического феномена можно еще продолжить. Но, если мы уже способны его зафиксировать, понять, то даже в современных динамичных обстановках сможем учесть влияние, которое он оказывает на процессы в регионе Северо-Восточной Азии и входящих в него странах".

Ряд вопросов автору доклада был задан М.А. Калугиной. Первый из них касался того, может ли этнический фактор считаться определяющим в трансграничных отношениях. Во втором вопросе докладчику было предложено оценить роль в трансграничных отношениях политических решений. Кроме того, М.А. Калугина поставила вопрос о том, не является ли трансграничность естественным состоянием межкультурного взаимодействия. Отвечая на третий вопрос, А.М. Кузнецов указал на то, что воспринимавшиеся по началу с энтузиазмом процессы глобализации вскоре натолкнулись на серьезные препятствия. Глобализация неожиданно привела к глокализации, которая обнаружила ранее не замечавшиеся идентичности и локальные особенности. Проблема преодоления этих барьеров на пути глубинного взаимопонимания между обществами не решена, над ней еще предстоит работать. Говоря об этническом факторе, А.М. Кузнецов заметил, что он не является ведущим в трансгранич-

ных отношениях, более важные позиции здесь занимают политический и экономический факторы. В частности, как показывают исследования, в нашей стране этнический фактор действует не сам по себе. Его проявление обычно провоцируют другие обстоятельства. Но если этнический фактор не учитывают, то он, как правило, впоследствии сам заставляет обратить на себя внимание неучтенными последствиями принимаемых решений. Что же касается политического фактора, то интересы, существующие в этой сфере, безусловно, значимы, но они должны быть увязаны с иными факторами.

В.А. Бурлаков высказал мнение, что в Европе этничность позволяла находить странам общий язык, а в Азии скорее тормозила интеграционные процессы. Он попросил докладчика объяснить такое разное воздействие этнического фактора, либо связать этот феномен с влиянием других факторов. А.М. Кузнецов обратил внимание на то, что не только в марксизме, но и в либеральной традиции этнос рассматривался как вторичный и второстепенный фактор. Поэтому в процессе строительства Евросоюза он недооценивался, и это сегодня во многом сказывается на европейской интеграции. Этнические противоречия сыграли свою роль не только в подготовке обеих мировых войн. Такие проблемы продолжают существовать и в послевоенной Европе. Об этом говорит хотя бы пример Венгрии: треть этнических венгров оказалась за границами этого государства. Поэтому и в Европе этнический фактор остается фактором, влияющим на интеграционные процессы. Тем не менее, в ЕС эти процессы идут все же достаточно успешно, о чем свидетельствует ставшее уже нормой явление, когда средний европейский студент владеет одновременно, как минимум, тремя языками.

Е.Н. Давыборец, указывая на противоречия, существующие между культурами сегодня, спросила докладчика о том, какие факторы могут способствовать межкультурному общению и объединению культур в будущем. А.М. Кузнецов подчеркнул, что он не использует понятие культуры. По его мнению, обсуждения культурных проблем как таковых бессмысленно, поскольку культура является лишь одной из составляющих этнических и трансэтнических феноменов.

Доклад по теме "Демографический фактор и его влияние на геополитические процессы в Северо-Восточной Азии" был представлен собравшимся **А.Л. Лукиным**:

"Сейчас активно формируется особое научное направление – "стратегическая демография", которая изучает влияние демографических процессов на геополитику и проблемы международной безопасности. В этом докладе мы сначала сосредоточимся на том, как динамика народонаселения влияет на международную безопасность в Северо-Восточной Азии. Затем будет проанализирована ситуация на российском Дальнем Востоке.

Судя по всему, период быстрого увеличения численности населения планеты завершается. Половина людей уже живет в странах, где коэффициент рождаемости опустился ниже уровня, требующегося для простого воспроизводства населения. И таких стран становится все больше. В силу целого ряда причин стареющие государства, вероятнее всего, будут вести себя менее активно в вопросах международной безопасности. Совокупное экономическое давление сокращающейся рабочей силы и растущего бремени содержания стариков заставит их тратить меньше средств на военный потенциал. А неготовность проливать кровь "единственных сыновей", подкрепленная консервативностью пожилых и их боязнью рисковать, заставит "седеющие" государства все реже использовать даже тот стратегический арсенал, который у них имеется.

Северо-Восточная Азия примечательна тем, что все ее государства уже имеют низкую или сверхнизкую рождаемость и сталкиваются с проблемой старения (Таблица 1). Многие авторитетные эксперты называют резкое падение темпов роста населения и его старение в числе основных "мегатрендов" ситуации в регионе. Даже Китай, которого мы привыкли считать демографическим колоссом, в недалеком будущем столкнется с серьезными проблемами, связанными с сокращением количества молодого и трудоспособного населения при одновременном резком увеличении доли стариков.

Динамика народонаселения – это далеко не единственный, но очень существенный фактор, который влияет и на социально-экономические, и на политические процессы. Старение населения на фоне замедления его роста или даже абсолютного сокращения уменьшит как материальные возможности, так и социально-психологическую склонность "пожилых" государств к проведению силовой внешней политики. В каком-то смысле можно говорить о формировании предпосылок для "демографического мира". Представляется, что идея демографического мира ничуть не менее обоснована, чем широко известная теория "демократического мира", постулирующая миролюбие либеральных демократий.

В целом, старение будет скорее стабилизирующим фактором международных отношений в СВА, уменьшая риск межгосударственных конфликтов и войн. Прежде всего, это коснется двух центральных региональных акторов – Японии и Китая. Япония уже сейчас сталкивается с серьезными финансовыми проблемами вследствие роста доли пожилого населения, что существенно ограничивает ее возможности по наращиванию военно-стратегического потенциала и фактически снимает с повестки дня вопрос о возможной ремилитаризации страны. Кроме того, масштабы демографического кризиса могут привести к тому, что Япония вообще утратит статус (и амбиции) великой державы. Это в значительной степени снимет еще сохраняющиеся в Китае и Корее опасения по поводу латентных имперских устремлений Токио.

Примерно с 2020 года значительные демографические трудности начнет испытывать и Китай, что ослабит его наступательный геополитический потенциал. Кроме того, стареющее и сокращающееся население сделает менее актуальной задачу обеспечения доступа к природным ресурсам "любой ценой" – мотив китайской внешней политики, который сегодня вызывает у многих беспокойство.

Старение изменит внешнеполитическую ментальность государств СВА. Эта тенденция уже ярко проявляется в Японии – стране, первой вступившей в "серебряную эпоху". Пожилые страны, очевидно, будут выказывать меньше агрессивности и напористости, но зато больше миролюбия и стремления к компромиссам. Они во все большей степени будут поглощены своими внутренними социально-экономическими проблемами, а приоритетность внешней политики для них относительно снизится.

Россия переживает беспрецедентный для невоюющей страны кризис депопуляции. Из всех российских регионов демографический кризис наиболее сильно ударил по Дальнему Востоку. Здесь уже с 1991 г. отмечалось сокращение населения в связи с его начавшейся миграцией в регионы страны к западу от Урала. А с 1993 г. к миграционному оттоку прибавилась общая для России естественная убыль населения. В результате Дальневосточный федеральный округ потерял с начала 1990-х годов четверть населения.

Без мощного миграционного притока население российского Дальнего Востока будет неумолимо уменьшаться. В качестве главного потенциального источника миграции обычно рассматривается соседний

Китай. Однако нет никаких признаков того, чтобы китайцы стремились осесть на российском Дальнем Востоке. Более того, с 2000 г. зафиксировано уменьшение количества въезжающих на территорию России китайцев. Российский Дальний Восток не привлекателен для подавляющего большинства китайцев в качестве постоянного места жительства. Необходимо учитывать и то, что Китай в недалеком будущем сам столкнется с нехваткой рабочей силы, особенно молодых возрастов. Миграция за рубеж – это, прежде всего, удел молодых, активных и мобильных, а именно они будут в Китае во всё большем дефиците. Население Китая в возрасте 15 – 24 лет уже достигло своего пика и начало постепенно сокращаться. Другим важным фактором, тормозящим китайскую трудовую миграцию за рубеж, стало повышение стоимости рабочей силы в Китае как закономерное следствие его стремительного экономического развития: китайские гастарбайтеры будут все менее охотно соглашаться на труд в чужой и холодной России, поскольку у них появляется больше возможностей для приличного заработка у себя дома.

Таким образом, можно с достаточной долей уверенности констатировать, что ни сейчас, ни в обозримом будущем Китай не захочет и не сможет быть генератором по-настоящему масштабных миграционных потоков на российский Дальний Восток. Какие же страны в таком случае могут сыграть роль главных миграционных доноров для Дальнего Востока? Очевидно, что в ближнесрочной перспективе такую функцию могут выполнять только страны Центральной Азии – бывшие советские республики Узбекистан, Киргизия и Таджикистан. Уже сегодня на улицах Владивостока выходцев из Центральной Азии заметно больше, чем китайцев и корейцев.

В отличие от китайской трудовой миграции феномен центральноазиатских мигрантов на российском Дальнем Востоке изучен пока весьма слабо. Нет достоверных данных даже об их численности. Отсутствуют хотя бы приблизительные оценки того, какой процент среднеазиатских мигрантов рассматривает свое пребывание в России как временное, а какое количество хотело бы здесь остаться на постоянной основе и т.п. Такая ситуация неведения нуждается в как можно более быстром исправлении.

Некоторые специалисты-демографы считают, что даже Средняя Азия не в состоянии будет обеспечить все возрастающие потребности Рос-

Таблица 1. Демографические показатели стран Северо-Восточной Азии и Индии

2010 год

Страна	Темпы роста, %	Фертильность	Медианный возраст	Доля населения старше 60 лет, %	Численность населения (млн. чел.)
Китай	0,61	1,79	34,2	12,3	1354
Япония	-0,19	1,27	44,7	30,5	126,9
Северная Корея	0,34	1,85	34	14,3	23,9
Южная Корея	0,27	1,26	37,9	15,6	48,5
Россия	-0,34	1,46	38,1	18,1	140,3
США	0,90	2,02	36,6	18,2	317,6
Индия	1,27	2,52	25,0	7,5	1214

2020 год (прогноз)

Страна	Темпы роста, %	Фертильность	Медианный возраст	Доля населения старше 60 лет, %	Численность населения (млн. чел.)
Китай	0,31	1,85	37,1	16,7	1431
Япония	-0,47	1,35	48,6	34,5	123,6
Северная Корея	0,26	1,85	35,8	15,1	24,8
Южная Корея	0,00	1,34	43,2	22,8	49,4
Россия	-0,46	1,58	40,0	22,5	135,4
США	0,71	1,88	37,9	22,3	346,1
Индия	0,92	2,12	28,1	9,8	1367

2030 год (прогноз)

Страна	Темпы роста, %	Фертильность	Медианный возраст	Доля населения старше 60 лет, %	Численность населения (млн. чел.)
Китай	-0,00	1,85	41,1	23,4	1462
Япония	-0,64	1,45	53,5	37,9	117,4
Северная Корея	-0,00	1,85	38,4	19,9	25,3
Южная Корея	-0,30	1,44	47,6	31,1	49,1
Россия	-0,55	1,68	43,5	25,0	128,8
США	0,53	1,85	39,5	25,3	369,9
Индия	0,58	1,86	31,7	12,4	1484

2050 год (прогноз)

Страна	Темпы роста, %	Фертильность	Медианный возраст	Доля населения старше 60 лет, %	Численность населения (млн. чел.)
Китай	-0,33	1,85	45,2	31,1	1417
Япония	-0,79	1,60	55,1	44,2	101,6
Северная Корея	-0,27	1,85	41,9	24,7	24,5
Южная Корея	-0,77	1,59	53,7	40,8	44,0
Россия	-0,51	1,83	44,0	31,7	116,0
США	0,36	1,85	41,7	27,4	403,9
Индия	0,25	1,85	38,4	19,6	1613

Источник: Population Division of the Department of Economic and Social Affairs of the United Nations Secretariat, World Population Prospects: The 2008 Revision. [Электронный ресурс]. URL: <http://esa.un.org/unpp>

сии и ее Дальнего Востока в зарубежных мигрантах. В этой связи нужно задуматься о диверсификации источников миграции. Может быть, есть

смысл обратить внимание на таких пока экзотичных для России поставщиков человеческих ресурсов, как Бангладеш, Индия, Филиппины и некоторые другие государства Юго-Восточной и Южной Азии".

По окончании доклада М.А. Калугина задала вопрос, не кажется ли докладчику, что проблемы демографии и старения населения при-сути индустриальным и постиндустриальным обществам. А.Л. Лукин ответил, что не вполне согласен с этим утверждением. Так, Китай еще не только не постиндустриальное, но и даже отчасти аграрное общество. Между тем, как говорят цифры, Китай сталкивается с подобными проблемами. Таким образом, демографические проблемы, в том числе связанные со старением общества, имеют значение и для некоторых развивающихся и бедных стран.

Л.Е. Козлов, напомнив тезис докладчика о том, что стареющие общества склонны ориентироваться на внутренние проблемы, спросил, следует ли, исходя из этого, ожидать, что трансграничные связи в СВА в дальнейшем будут сокращаться. На взгляд А.Л. Лукина, это вполне вероятно, поскольку миграция – дело молодых. Хотя значительного сворачивания объективно обусловленных трансграничных связей ожидать не следует, свое угнетающее воздействие на них этот процесс окажет. Кроме того, старшее поколение менее открыто для иных культур.

Т.В. Плишанков высказал сомнение в том, что в стареющих обществах средства на социальное обеспечение будут заимствоваться из военных бюджетов, поскольку ту же проблему можно решить за счет увеличения налогового бремени. Кроме того, Т.В. Плишанков заметил, что в последнее пятилетие военные расходы Китая значительно выросли, и, таким образом, цифры говорят об обратном процессе. А.Л. Лукин согласился с наличием возможности решать проблему за счет налогов, но бесконечно повышать налоги нельзя, поэтому, на его взгляд, это может быть только временной мерой. Отвечая на второй вопрос, он признал факт роста китайских военных расходов, но указал на то, что сейчас Китай находится в нормальной демографической ситуации. А.Л. Лукин предложил посмотреть на то, какой будет политика этой страны после 2020 г., когда она столкнется с большими проблемами в данной области.

В.А. Бурлаков заметил, что участники семинара подходят к Китаю как к европейской стране, тогда как китайское государство способно просто отказать выходящим на пенсию в каких-либо выплатах. По мнению А.Л. Лукина, китайское правительство могло бы поступить так еще 20 лет назад, когда китайские семьи были многочисленны и о родителях заботились их дети. Однако теперь один ребенок в семье вынужден заботиться о двух родителях и четырех бабушках и дедушках. В подобной ситуации отказ в выплатах может привести к голоду и бунтам, и китайское правительство вряд ли будет играть с огнем. В.А. Бурлаков возразил, что сейчас китайское правительство не платит пенсий половине пенсионеров страны. А.Л. Лукин отметил, что это связано с тем, что пока молодежи хватает, но когда ее станет мало, государству придется тратить собственные средства, в т.ч. извлеченные из военного бюджета.

Напомнив докладчику его утверждение о том, что старение способствует повышению замкнутости обществ, Т.Г. Троякова указала на то, что существующие данные свидетельствуют, тем не менее, об увеличении международной миграции. В связи с этим, ее интересует, может ли увеличение миграции оказать положительное влияние на процесс старения населения. Примером такого пути решения проблемы может служить Япония, несколько лет назад начавшая проводить политику открытости для мигрантов. А.Л. Лукин высказал убеждение, что другой альтернативы такой политике просто нет. Если рождаемость недостаточно высока, то стране нужны внешние мигранты. В частности, для

РДВ средством решения этой проблемы могли бы стать мигранты из Центральной Азии.

В.А. Бурлаков выразил сомнение в том, что Центральная Азия, демографические ресурсы которой ограничены, может занять по отношению к нашему региону место Китая. А.Л. Лукин ответил, что в таком случае необходимо искать дополнительные рынки импорта рабочей силы, например в Южной и Юго-Восточной Азии. В.А. Бурлаков предложил докладчику оценить масштабы реальной потребности Приморского края в рабочей силе, с учетом того, что в регионе все еще существует безработица, в т.ч. скрытая. А.Л. Лукин заметил, что он, не будучи экономистом, не располагает такими данными, но убежден, что без такого основного богатства как люди край не способен развиваться.

Е.Н. Давыборец указала автору доклада, что негативная оценка им низкой рождаемости противоречит распространенному мнению о том, что перенаселенность Земли входит в число глобальных проблем современности. Исходя из этого, она предположила, что сокращение рождаемости может рассматриваться как способ решения проблемы избытка населения. А.Л. Лукин согласился с существованием двух различных парадигм рассмотрения данной проблемы. При этом себя он отнес к сторонникам той парадигмы, в соответствии с которой, говоря словами Ж. Бодена, "нет большего богатства, чем люди". По мнению А.Л. Лукина, роста численности населения не стоит опасаться, т.к. люди в состоянии решить проблему недостатка необходимых им ресурсов.

Напомнив идею докладчика о том, что сокращение населения в странах СВА приведет к демографическому миру, В.С. Милкин высказал опасение, не обернется ли этот процесс в действительности демографической экспансией. Ведь занять данные территории может население других регионов, включая Северную и Южную Америку, а также Юго-Восточную Азию. А.Л. Лукин подчеркнул, что сокращение населения не приведет, однако, к вакууму. Кроме того, другие регионы, пусть и позднее, также столкнутся с этой проблемой, поэтому страхи такого рода несколько преувеличены. В.С. Милкин заметил, что Дальний Восток очень богат ресурсами, и маловероятно, что другие страны пройдут мимо подобной "кладовой", которую никто не охраняет. А.Л. Лукин выразил убежденность в том, что пока у России есть ядерное оружие, несмотря на сокращение населения региона, внешнее вторжение ему не грозит.

Ю.А. Наумов подчеркнул, что в условиях демографического спада, категорично исключать возможность внешней экспансии нельзя. На это А.Л. Лукин возразил, что он говорил только о тенденциях, и не претендует на точный прогноз. В своем исследовании он рассматривал один из факторов, тогда как проблемы будущего, безусловно, заслуживают комплексного, системного рассмотрения.

В.А. Бурлаков поинтересовался у автора доклада, существуют ли прогнозы, оценивающие вероятность изменения качественных характеристик населения в будущем, например в плане увеличения его трудоспособного возраста. По мнению докладчика, такие изменения возможны, однако мы должны исходить из худшего сценария. В любом случае, медицинское обслуживание пожилого человека и в будущем будет стоить дороже, чем обслуживание молодого.

С заключительным словом по итогам работы семинара выступил Л.Е. Козлов. Он отметил, что на состоявшемся не так давно в той же аудитории российско-корейском симпозиуме также рассматривался вопрос о потенциале трансграничного сотрудничества в регионе. Тогда было высказано мнение, что основные интересы стран СВА направлены все же не на регион Японского моря. На самом деле интересы России, Японии, Южной Кореи и Китая ориентированы на Европу и США. Итоги

сегодняшнего обсуждения также наводят на пессимистический прогноз, заставляя ожидать, что территория, где мы живем, в ближайшие 20 – 30 лет будет оставаться своего рода "задним двором" Северо-Восточной Азии.

Ведущий семинара со стороны Владивостока В.А. Бурлаков отметил, что поднятая тема актуальна, поэтому проведение подобных научных мероприятий представляется крайне важным. В связи с этим, он предложил сделать данный семинар регулярным.

Ведущая семинара со стороны Находки М.А. Калугина поддержала идею продолжения такого рода семинаров с возможным разворачиванием их в формат научно-практической конференции. При этом она предложила конкретизировать круг выносимых на них вопросов.

УДК 343.4

Жерновой М.В.

Проблемы обеспечения личной безопасности граждан в Приморском крае

**Security of the person in the Primorye Territory:
problems of providing**

Статья посвящена оценке сравнительного уровня безопасности личности в Приморской крае на базе анализа данных массовых опросов. Автор представляет методику построения интегрального индекса безопасности личности от криминальных посягательств.

Ключевые слова: *безопасность, правоохранительные органы, преступления против личности, Приморский край, индекс*

The article is devoted to assessing the comparative level of personal security in the Primorye Territory on the basis of analysis of data polls. The author presents the methodology for constructing the integral index of human security from criminal attacks.

Key words: *security, law enforcement, crimes against persons, Primorsky Krai, index*

Эффективность деятельности органов внутренних дел по обеспечению безопасности личности и укреплению правопорядка непосредственно зависит от того, как эта деятельность и ее результаты воспринимаются гражданами. Чем больше у населения претензий к правоохранительным органам, чем меньше оно доверяет им, тем реже потерпевшие от различных преступных посягательств обращаются в ОВД. Соответственно повышается коэффициент латентности преступности, что затрудняет реальную борьбу с ней, хотя и "благодарно" отражается на статистических показателях. В этой связи систематическое изучение общественного мнения, призванное обеспечивать органы внутренних дел адекватным

пониманием меняющегося социального контекста их профессиональной деятельности, фактически является необходимой предпосылкой результативной работы по повышению безопасности личности.

При этом наибольший практический интерес представляют несколько аспектов проблематики безопасности. Во-первых, важно знать, каков уровень криминологической тревоги: и общего беспокойства по поводу масштабов преступности, и более "конкретных" опасений граждан относительно возможных посягательств на их жизнь, здоровье, имущество.

Во-вторых, важно исследовать виктимный опыт граждан. Это позволяет более или менее достоверно выявлять коэффициент латентности по различным видам преступлений в разных регионах страны.

В-третьих, необходимо отчетливо представлять, как потерпевшие взаимодействуют с органами внутренних дел (когда они обращаются к ним), какие впечатления выносят из этих контактов. С другой стороны, не менее важно понимать и мотивы граждан, которые, подвергшись тем или иным преступным посягательствам, предпочитают в милицию не обращаться.

В-четвертых, важно следить за тем, как оценивается всеми гражданами – и сталкивавшимися с преступностью лично, и не подвергавшимися криминальным посягательствам – деятельность ОВД и иных структур, отвечающих за обеспечение правопорядка.

В июле 2009 г. Фондом "Общественное мнение" по заказу ФГУ "ВНИИ" МВД России было проведено масштабное социологическое исследование об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел. В ходе исследования был проведен количественный опрос населения в 83 субъектах РФ. При этом использовалась территориальная трехступенчатая стратифицированная выборка домохозяйств. На первом этапе отбирались административные районы субъектов РФ, на втором – населенные пункты, на третьем – домохозяйства. Интервьюирование проводилось по месту жительства респондентов. В опросе участвовало взрослое население от 18 лет, граждане Российской Федерации, лица без гражданства и иностранные граждане, проживающие на территории субъектов РФ. Общий размер выборки составил 33 200 респондентов, по 400 респондентов в каждом субъекте РФ.

В Дальневосточном федеральном округе (ДФО) было опрошено 3,5 тыс. респондентов, в том числе 400 – в Приморском крае. Статистическая погрешность для ДФО не превышает 2,6%, а для субъекта – 5,9%.

В результате проведенного исследования выявлен уровень криминологической тревоги по стране в целом и во всех субъектах РФ, собрана и систематизирована информация о виктимности населения по различным видам преступлений, о взаимодействии потерпевших с органами внутренних дел, изучены представления граждан об уровне их защищенности и качестве работы милиции.

Одним из наиболее значимых индикаторов криминогенной ситуации в российских регионах и в стране в целом, безусловно, является уровень криминологической тревоги. По данным опроса, сильно обеспокоены проблемой криминализации общества, преступностью 69% приморцев, наркоманией (алкоголизмом) – 74%, распространением порнографии и проституцией – 55%.

Не более трети приморцев чувствуют себя защищенными от преступных посягательств на жизнь, здоровье, имущество. По этому показателю край занимает 59-е место.

На вопрос о том, как изменилось ощущение личной безопасности за последние годы, лишь 20% приморцев ответили, что чувствуют себя более защищенными. По этому показателю край занимает 23-е место.

При этом менее защищенными себя чувствуют более 36% респондентов.

Следует отметить, что всего треть приморцев считает, что в обеспечении личной безопасности им поможет милиция (65-е место).

Менее 40% приморцев положительно оценили деятельность милиции по охране их личных и имущественных интересов. По этому показателю край занимает 44-е место. В свою очередь отрицательно их деятельность оценили треть респондентов (71 место).

На вопрос об эффективности деятельности милиции лишь около 40% приморцев дали утвердительный ответ (52-е место), а отрицательный – 26% (73-е место).

Как показал опрос, около 27% приморцев приходилось наблюдать нарушения прав граждан со стороны сотрудников милиции (21-е место).

Более трети приморцев при обращении в органы внутренних дел испытывают тревогу беспокойство (68-е место).

Судя по данным опроса, в целом российским гражданам присуща установка на сотрудничество с милицией. Всего 30% приморцев полагают, что милиции помогать не следует (38 место).

Большинство российских граждан считают, что закон нельзя нарушать ни при каких обстоятельствах. Менее 22% приморцев придерживаются противоположной точки зрения (72-е место). Наиболее законопослушны (по крайней мере, на уровне декларируемых установок) люди, не имеющие никаких личных контактов с сотрудниками милиции. Близкое знакомство со структурами, призванными защищать закон, побуждают к более "оппортунистическому" отношению к действующему законодательству.

Представление о работе милиции у большинства приморцев (60%) формируется под влиянием личного опыта и бесед (62-е место), в то время как у 50% – под влияние СМИ. Наиболее востребованным источником информации о деятельности органов внутренних дел выступают радио и телевидение. При этом менее 25% приморцев полагают, что работа милиции в СМИ освещается объективно (73-е место), а что приукрашивается – 35%. Убеждение в том, что СМИ "лакируют" действительность, чаще других высказывали те, кто в последнее время становился жертвой преступления.

Любопытно, что у 40% приморцев криминальные репортажи и публикации в печатных СМИ чаще всего вызывают страх (28-е место).

Большинство потерпевших от криминальных посягательств различного типа не считают, что допустили какие-либо ошибки, способствовавшие тому, что они стали жертвами преступников.

Подавляющее большинство россиян считают, что вероятность стать жертвой преступников у всех одинакова и от личностных особенностей потенциальных жертв совершенно не зависит. Базовый виктимологический постулат о предрасположенности некоторых людей к тому, чтобы стать потерпевшим, разделяют 20% приморцев (63-е место). Чаще прочих – люди с высоким уровнем образования и относительно высокими доходами.

К числу черт характера и особенностей поведения, определяющих человека в "группу риска", участники опроса чаще всего относят доверчивость, легковерие; беспечность, легкомыслие; слабохарактерность, робость.

В качестве первоочередных мер, направленных на повышение эффективности деятельности милиции, 50% приморцев назвали борьбу с коррупцией, а 51% – повышение качества отбора сотрудников.

Одна из задач проведенного исследования состояла в том, чтобы получить "на выходе" единый, обобщающий индикатор, который позво-

Рис. 1. Интегральный индекс безопасности личности от криминальных посягательств

лил бы оценивать уровень безопасности личности от криминальных посягательств как по РФ в целом, так и в отдельных регионах. Такой индикатор необходим и для "статичных" межрегиональных сопоставлений, и для нужд мониторинга – для отслеживания позитивных и негативных изменений.

Сообразно этой логике конструируется иерархическая структура индексов, в которой искомым индикатор – *интегральный индекс безопасности личности от криминальных посягательств* – строится на основе трех индексов. Эти три индекса в свою очередь обобщают информацию по каждому из указанных аспектов проблемы безопасности, содержащуюся в распределениях ответов на отдельные вопросы анкеты (Рисунок 1).

Основные принципы построения индексов:

Значения индексов измеряются в баллах. Как и распределения ответов на отдельные вопросы анкеты, они могут рассчитываться не только для всех участников опроса, но и для той или иной части опрошенных.

Индексы нижнего уровня рассчитываются как средневзвешенная сумма таких ответов на определенные вопросы анкеты, которые негативно характеризуют разные аспекты криминогенной ситуации¹. Индексы верхнего уровня рассчитываются как средневзвешенная сумма индексов нижнего уровня. Индексы измеряются по 100-балльной шкале².

¹ Соответственно, перед построением индекса бинарные вопросы перекодируются так, чтобы "0" отражал положительное, а "1" – отрицательное событие или мнение о деятельности ОВД. Шкальные и номинальные вопросы преобразуются так, что 0 баллов соответствует самому положительному, а 100 баллов – самому отрицательному событию или мнению о деятельности ОВД. Промежуточные значения определяются методом категориального анализа главных компонент.

² Исключение составляет вычисляемый лишь в аналитических целях индекс криминогенной концентрации, который не может превышать 24. Методика расчета этого индекса будет описана ниже.

Каждый индекс отражает одну из скрытых (латентных) переменных, различия в значениях которой проявляются в дифференциации распределений ответов на определенные вопросы анкеты – по регионам страны, социально-демографическим и типологическим группам.

Для поиска латентных переменных использовался один из методов факторного анализа (классический метод главных компонент) или один из методов оптимального шкалирования (категориальный метод главных компонент) – в зависимости от того, применялись ли при построении конкретного индекса наряду с бинарными и интервальными (количественными) еще и номинальные или ранговые (порядковые) переменные. Формула для расчета каждого индекса представляет собой линейную комбинацию исходных переменных или индексов более низкого уровня. Сумма весовых коэффициентов в этой линейной комбинации равняется единице.

Приведем (Таблица 1) значения всех индексов, образующих описанную выше иерархическую систему¹, для разных регионов, входящих в ДФО.

Исходя из значений *Интегрального индекса безопасности личности от противоправных посягательств*, субъекты РФ были разделены на четыре группы (с очень низким, низким, высоким и очень высоким значением индекса). Классификация была осуществлена по той же схеме, которая применялась в исследовании, проведенном в 2008 г.

Вначале все регионы были разделены на те, где интегральный индекс ниже, чем в среднем по стране (32,8 балла), и те, где он выше. Затем по тому же принципу была разбиты на две подгруппы каждая из этих групп: были рассчитаны средние значения индекса для регионов, где он выше среднего по стране (35 баллов) и ниже среднего по стране (30,3 балла). В итоге были выделены регионы с очень низким, низким, высоким и очень высоким значением интегрального индекса. А поскольку аналогичная классификация производилась и в 2008 г., стало возможным (с оговорками, связанными с корректировкой методики) судить о том, что изменилось за год. Следует отметить, что речь здесь идет не о динамике ситуации внутри каждого региона, а лишь о переменах в их "иерархии": о том, какие из них по уровню безопасности личности стали выглядеть на общероссийском фоне лучше, а какие – хуже, чем год назад.

В результате сравнительного анализа полученных данных оказалось, что, как и в 2008 г., Приморский край по-прежнему входит в число регионов с высоким значением интегрального индекса (от 32,8 до 35 балла).

¹ Жирным шрифтом выделен итоговый индекс и индексы верхнего уровня.

Таблица 1
Значения индексов в разных регионах Российской Федерации

Регионы	Индекс страха перед преступниками и криминальными группами	Индекс ситуационного беспокойства	Индекс беспокойства в транспорте, на дороге	Индекс незащищенности	Индекс безопасности проблемами правопорядка	Индекс криминологической тревоги	Индекс криминологической концентрации	Индекс криминогенности	Индекс восприятия ОВД деятельности	Интегральный индекс безопасности личности от противоправных посягательств
Россия в целом	58,6	7,7	11,7	36,3	42,7	25,3	1,8	13,8	43,5	32,8
Дальневосточный ФО	53,3	9,0	11,5	36,3	40,5	24,6	2,1	16,5	44,4	33,6
Республика Саха (Якутия)	53,3	10,2	11,7	30,9	38,1	23,8	1,6	20,2	48,4	36,4
Приморский край	52,9	10,9	14,7	41,2	44,9	27,2	2,5	15,5	42,7	33,3
Хабаровский край	53,1	8,1	8,0	38,0	40,1	23,7	1,9	15,5	44,5	33,3
Амурская область	53,1	6,6	7,9	32,3	37,2	21,9	2,5	18,7	45,6	34,1
Магаданская область	50,3	14,4	11,3	24,1	38,5	23,4	1,9	4,3	38,0	27,5
Сахалинская область	57,7	8,3	13,4	34,2	35,3	24,5	2,0	19,2	43,7	33,8
Еврейская автономная область	54,8	7,8	13,2	38,2	44,4	25,6	2,0	14,8	42,3	32,5
Чукотский автономный округ	44,5	5,9	5,6	29,5	35,0	19,0	1,9	11,5	37,4	27,4
Камчатский край	51,7	4,3	12,0	34,8	39,9	22,6	1,9	13,3	44,9	32,8

УДК 37.02

Голобоков А.С.

КНР и военные контакты в рамках Шанхайской организации сотрудничества

China and military contacts in the Shanghai cooperation Organization

---

Интерес КНР к военно-политическому потенциалу Шанхайской Организации сотрудничества (ШОС) вполне очевиден. Его можно найти и в совместных заявлениях КНР с другими участниками в рамках ежегодных совещаний министров обороны стран ШОС, и в повышенном внимании китайского руководства к антитеррористическим маневрам в рамках организации, и в демонстрации китайцами новых видов вооружений и военной техники остальным участникам ШОС. Стоит ли опасаться такого явного интереса? Какие аспекты военного сотрудничества стран ШОС в Китае видят наиболее приоритетными?

Ключевые слова: *Китай, Шанхайская Организация сотрудничества, вооруженные силы, антитерроризм, безопасность, военные учения, "Мирная Миссия".*

China is truly interesting in military-political potential of Shanghai Cooperation organization (SCO). This interest can be found in joint statements of SCO defense ministers' annual meetings, in CPR high attitude to SCO's antiterrorist exercises, and in the demonstration of new armaments and techniques to the rest of SCO's members. Is this interest dangerous to the organization? What aspects of military contacts are in priority to China?

Key words: *China, Shanghai Cooperation organization, armed forces, antiterrorism, security, military exercises, "Peace Mission"*

Военное сотрудничество в рамках ШОС является одним из наиболее противоречивых аспектов в деятельности организации. С одной стороны, среди основных приоритетов Шанхайской организации такое сотрудничество не значится. С другой – оно представляет большой практический интерес для всех стран-участниц, в первую очередь России и Китая. Одна-

ко в России военные контакты на обширном постсоветском пространстве больше связывают с ОДКБ, уже имеющем для этих целей Коллективные силы оперативного реагирования. В Китае же военные связи с Россией и центрально-азиатскими республиками на коллективном уровне реализуются, в основном, с использованием потенциала ШОС.

Стоит заметить, что специальных структур, занимающихся военным планированием и управлением вооруженных сил, в составе ШОС нет. На сегодняшний день это прерогатива различных консультаций и совещаний министерств обороны и секретарей безопасности стран ШОС. Практической стороной такого сотрудничества выступает подготовка и проведение командно-штабных и оперативно-тактических учений, проводимых, как минимум один раз в год под эгидой Региональной антитеррористической структуры (РАТС) ШОС. В КНР к таким учениям подходят с большим энтузиазмом, который нетрудно увидеть, если проследить их эволюцию.

Так, еще в октябре 2002 г. Китай и Киргизия в рамках ШОС провели подобные учения на двусторонней основе. В августе 2003 г. на территории Китая под эгидой ШОС было проведено уже многостороннее антитеррористическое учение "Взаимодействие", а в 2005 г. в рамках ШОС в Северо-Восточном Китае состоялись российско-китайские военные учения "Мирная миссия – 2005". При этом учение 2005 г. не просто было первым двусторонним учением вооруженных сил России и КНР, но и впервые было реализовано с обширным применением военно-морской компоненты, к которой китайские специалисты проявили большой интерес.

В августе 2007 г. на территории Челябинской области прошли полномасштабные шестисторонние учения стран-членов ШОС, получившие название "Мирная миссия – 2007". На сегодняшний день это наиболее крупные военные маневры ШОС, на которых лично присутствовали главы государств и министры обороны всех шести стран. Китайской стороне, несмотря на ограничение по военной технике, удалось продемонстрировать на учениях новые истребители-бомбардировщики JH-7 "Летающий леопард" и некоторые другие виды вооружений [3].

Продолжением двусторонних военных контактов России и КНР в ШОС следует считать учение "Мирная миссия – 2009", которое прошло на территории Китая в июле 2009 г. и также посвящено антитеррористической тематике. В отличие от предыдущих маневров, на "Мирной Миссии" 2009 года китайскими военными были впервые задействованы танковые подразделения.

Последние на сегодняшний день, седьмые по счету совместные учения ШОС, "Мирная Миссия – 2010", прошли с 13 по 21 сентября 2010 г на полигоне Матыбулак в Казахстане. На них китайская сторона задействовала истребители четвертого поколения "Чэнду" J-10 и новые основные танки тип 99 [1].

Можно увидеть, что по характеру и масштабам применяемых сил и средств, учения в рамках ШОС заметно выходят за рамки антитеррористических операций. Для справедливости стоит сказать, что в современном мире учения любого масштаба, будь то в Китае, России или даже в рамках НАТО, всегда носят ссылку о противодействии терроризму. Вполне естественно, что учения с привлечением большого количества личного состава и боевой техники всегда ориентированы на отработку более серьезных и глубоких задач.

Применительно к Китаю на учениях ШОС можно выделить несколько таких задач. Наряду с оттачиванием методов противодействия терроризму, Народно-освободительная армия Китая (НОАК) отрабатывает переброску на большое расстояние подразделений быстрого реагирования, проверяет боеготовность новых видов вооружения, изучает бое-

вой опыт соседних государств.

Одной из основных задач Китая на учениях выступает демонстрация растущих технических и финансовых возможностей НОАК. К примеру, основные организационные и финансовые расходы на учениях "Мирная Миссия" 2003 и 2005 гг. понесла китайская сторона. Учения 2005 года были проведены на базе Цзинаньского военного округа Китая, который является одной из главных мобилизационных баз страны. [2, с. 2-17]. Очевидно, что таким образом Пекин повысил статус своего участия в учениях и одновременно проявил готовность показать самую современную боевую технику, которая стоит у него на вооружении.

На учениях ШОС Китай также проявляет живой интерес к технике других участников, главным образом – к российским вооружениям. Несмотря на некоторое уменьшение доли российской оборонной промышленности на китайском рынке в последние годы, в Пекине по-прежнему видят в России "важный военно-технический ресурс", так как основой вооружения НОАК остается российская или скопированная с российских образцов техника. Китайцам, ориентирующимся на российские тактические нормативы и военную технику, особенно важно наглядно сравнить эксплуатационные возможности сходных систем, находящихся в разных руках [4, с. 67].

Иными словами, военные контакты в ШОС выступают для Китая источником новых контрактов на поставку военной техники и оживляют сотрудничество в этой сфере. Одновременно, российская и китайская армии учатся взаимодействовать не только параллельно, но и на уровне технических стандартов.

Участие в подобных учениях в Китае считают важным и при обмене опытом военных представителей НОАК с представителями вооруженных сил других стран, в рамках отработки боевого взаимодействия между частями и подразделениями. Сюда можно отнести и отработку практических действий специальных органов во взаимодействии с регулярными частями вооруженных сил. В качестве примера можно привести заинтересованность военно-политического руководства Китая серией локальных командно-штабных учений. Так, с 2006 года на территориях поочередно всех стран ШОС проводились совместные командно-штабные учения "Восток-Антитеррор-2006", "Тянь-Шань-2006", "Иссык-Куль-Антитеррор-2007", "Волгоград-Антитеррор-2008", учение компетентных органов государств-членов ШОС "Норак-Антитеррор-2009" [5].

Следует отметить, что в Китае достаточно серьезно относятся к перспективам военного сотрудничества ШОС. Так, на совещаниях и консультациях в период учений китайской стороной предлагались варианты дальнейшего развития такого сотрудничества, с использованием потенциала Китая: Например, достаточно перспективным шагом здесь видится подготовка военных кадров на специальных курсах. Она может проводиться с целью углубления взаимопонимания, а также развития общевоинской, языковой и специальной подготовки в совместных действиях.

В качестве примера можно сказать, что в 2006 – 2008 годах совместными усилиями министерств обороны России и Китая проводились двухнедельные стажировки курсантов языковых специальностей Военного Университета Министерства Обороны РФ в ряд высших учебных заведений Китая. Они вполне могли бы стать основой подобных учебных обменов в рамках вооруженных сил стран ШОС в будущем.

Нельзя не упомянуть, что военные учения ШОС оказывают прямое влияние и на ход военного строительства в Китае. Как результат, правительством КНР значительное внимание уделяется вопросам увеличения ассигнований на НИОКР в военной области. То есть, Китай также заинтересован в развитии сотрудничества в области военно-научных ис-

следований. Оно предполагает субсидирование армейских научных институтов стран ШОС, обмен делегациями научных военных групп, проведение конференций и семинаров по наиболее значимым проблемам военно-научных исследований [7, с. 54].

Наконец, наиболее целесообразным решением на направлении военного сотрудничества в рамках ШОС в перспективе китайские специалисты предлагают создание объединенного штаба командования вооруженных сил стран-участников, прежде всего НОАК и Вооруженных сил РФ, которое наиболее четко координировало бы действия национальных армий при решении совместных задач на различных уровнях. [6, с. 102]

Таким образом, задачу военных контактов ШОС в Китае представляют более широкой, чем просто демонстрацию возможностей своих вооруженных сил. Поскольку задача использования вооруженных сил для борьбы с терроризмом, не стоит в числе приоритетных, хотя и также ставится, наиболее важным аспектом таких связей в ШОС, в Китае видят достижение взаимопонимания в многостороннем планировании и взаимодействии. Отчасти это связано с тем, что вопросы противодействия терроризму, возникающие в проблемных регионах Китая, пока считаются китайским руководством прерогативой внутренней политики, а не военных подразделений стран ШОС.

Одновременно, в проводимых военных учениях ШОС главным является, прежде всего, дать понять, что при принятии руководством конкретного государства политического решения военная организация любой страны-участницы может по согласованию с остальными участниками направить войска в регион возникшей угрозы. В этом и заключается основная практическая задача отношений стран ШОС по линии оборонных ведомств

Литература

1. Каштанов В. Китай впервые направит истребители J-10 и танки тип 99 на совместные военные учения. [Электронный ресурс]. URL: http://www.periscope2.ru/?digest_id=21257. Время обращения: [13.09.2010 г.]
2. Клименко А. Ф. Эволюция военной политики и военной доктрины Китая // Военная мысль. 2005. № 4. С. 2-17.
3. Куприянова Е. "Мирная миссия – 2007" прошла мирно и успешно. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.smi.ru/text/07/08/17/907930008.html>. Время обращения: [13.09.2010 г.]
4. Смирнов С. М. АТР и западная модель коллективной безопасности. Владивосток, 2009. – С. 67.
5. Субанов М. На переднем крае борьбы с "тремя силами зла". [Электронный ресурс]. URL: <http://www.infoshos.ru/ru/?idn=4120>. Время обращения: [12.09.2010 г.]
6. Чжан Вэньвэй. Чжун э лянго цзай шанхай хэцзо цзуджи чжун чжаньлюэ лиюн фэньси. Чжунго вайцзяо сюэюань. // Пекин: Бэйцзин чубаньшэ, 2002, 210 с.
7. Чжан Вэньвэй. Шанхай хэцзо цзуджи чэнцзо цзихуй юй. Чжунго вайцзяо сюэюань. // Пекин: Бэйцзин чубаньшэ, 2004. 78 с.

Барбенко Я.А.

Антология экономической мысли на Дальнем Востоке

The Anthology of Economic Thought in the Far East

Статья посвящена обзору двух выпусков серии "Антология экономической мысли на Дальнем Востоке". Ценность этого издания обусловлена тем, что оно возвращает в научный оборот сочинения, значимые с теоретической и методологической точки зрения.

Ключевые слова: *колонизация, переселение, социальные науки, экономическая мысль, региональное развитие, Дальний Восток России*

The paper reviews two volumes of "The Anthology of Economic Thought in the Far East" series. This series returns to the scientific sphere writings, which have theoretical and methodological value.

Key words: *colonization, resettlement, social sciences, economic thought, regional development, Russian Far East*

Один из признаков зрелости мысли – стремление к самопознанию, изучению собственного опыта, собственных достижений и ошибок. Представляемая в данной заметке "Антология экономической науки на Дальнем Востоке" [1, 2], несомненно, относится именно к такому образу самопознания, самопознания через обращение к "инобытию" современного знания – его историческому опыту. Авторы-составители Антологии поставили перед собой и перед читателем задачу актуализации методологических достижений дореволюционной экономической мысли на Дальнем Востоке². Задача это непростая, во-первых, потому, что мы об-

---

Статья подготовлена в рамках аналитической ведомственной целевой программы Рособразования "Развитие научного потенциала высшей школы", проект № 2.1.3/6074.

² Автору известна работа сотрудников ИЭИ ДВО РАН "Экономические исследования на Дальнем Востоке" [12]. Если она лежит в основе обсуждаемой Антологии, то хронологические рамки следует, безусловно, расширить.

ращаемся к опыту столетней давности – несмотря на провозглашаемые время от времени кризисы, социальное знание развивается динамично, а значит, мы должны бы давно миновать фронтير местной науки рубежа XIX – XX веков; во-вторых, (а это уже вопрос политический) поскольку поиск "мысли" (а значит – "самостоятельности") в дальневосточной науке, на протяжении минувшего столетия идущей в русле науки общероссийской, уже сам по себе есть действие провокационное.

Итак, рассмотрению подлежат два первых выпуска Антологии: "Колонизационные процессы в Приамурском крае на рубеже XIX – XX веков" [1] и "Исследование сельской экономики Приамурского края между русско-японской и Первой мировой" [2]. Первый выпуск Антологии включает откомментированные фрагменты работ Н.А. Крюкова "Опыт описания землепользования у крестьян-переселенцев Амурской и Приморской областей" [6], А.А. Риттиха "Переселенческое и крестьянское дело в Южно-Уссурийском крае" [13], "Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом" [8] канцелярии Кабинета министров, сочинений А.А. Кауфмана – "Материалы по вопросу колонизационной емкости Приамурского края" [3], и "Переселение и колонизация" [4]. Второй выпуск целиком посвящён разбору пяти томов "Материалов по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области" [7; 8; 9; 10; 11], в первую очередь связанных с именем А.А. Меньщикова.

Авторы-составители, назвав свой труд красивым словом "антология", избрали для него жанр хрестоматии, который по указанным в начале заметки причинам кажется оптимальным, сочетая в себе компактность изложения и возможность комментировать исследуемые в "Антологии" тексты – сосредоточить внимание читателя на самом важном в цитируемых работах. Композиция первого и второго выпусков Антологии разнится, что отражает развитие научной мысли: от отдельно взятых работ в первом выпуске к тематической разбивке текстов, принадлежащих одному проекту. Каждый выпуск снабжён развитым аппаратом, включающим предисловие, раскрывающее принципы подготовки и основные задачи выпуска, введение, ориентирующее читателя в контексте проблем, затрагиваемых в работе, комментарии к цитируемым трудам, список литературы, именной и предметный указатели.

Как уже отмечалось, серия "Антология экономической мысли на Дальнем Востоке" посвящена попытке обратить внимание исследовательского сообщества, надо надеяться – не только экономистов, на достижения социальных наук дореволюционной России; разрыв преемственности развития социально-гуманитарного знания в связи с нетерпимостью новой власти заставляет нас сегодня не только пересматривать теоретическое наследие советского времени, но и напрямую обращаться за вдохновением к работам, долгое время используемым в качестве источника данных, и только.

Обосновывая нижнюю хронологическую планку исследования (работа Н.А. Крюкова опубликована в 1896 году), авторы введения проводят границу "научного" изучения экономики Дальнего Востока по 90 годам XIX века как времени начала "систематического изучения со стороны исследователей", а также времени подготовки научного осмысления практики русской колонизации Дальнего Востока [1, с. 9]. Введение к первому выпуску Антологии включает очень интересный очерк изучения колонизации в России на рубеже XIX – XX вв., плавный перетекающий в обзор использованных в выпуске исследований. Отдавая должное авторам этого текста, отмечу, что обсуждая особенности изучения колонизации в России, дать законченное понятие колонизации они так и не смогли. Начав с метафорических положений П. Леруа-Болье, дальше обсуждение этого вопроса составители не повели, оставив в стороне вопрос

определения понятий, перешли к очерку исследований. И это при том, что отсутствие альтернативы Больева понятия колонизации соседствует с указанием на то, что работа Леруа-Болье существенного влияния на русскую традицию изучения колонизации не оказала [1, с. 10]. Таким образом, во введении даётся такое определение, которое не сыграло существенной роли в русской традиции исследования колонизации. Определение колонизации присутствует в предметном указателе, где заявлен прикладной подход к колонизации, конкретизирующий очень общие положения Леруа-Болье [1, с. 203].

Завершается введение первого выпуска удачной логической цепочкой, демонстрирующей естественность и необходимость научного изучения Приамурья на рубеже прошлого века: административно-политическое обособление Дальнего Востока от Восточной Сибири, взгляд на Дальний Восток как на мост в АТР,

рост экономической роли Дальнего Востока в русской политике в Азии и на Тихом океане, трансформация транспортной инфраструктуры и вслед за ней – экономики Дальнего Востока, научные изыскания как закономерный этап динамичного развития дальневосточных территорий [1, с. 14-15].

Основная часть выпуска открывается работой Н. А. Крюкова "Опыт описания земледользования у крестьян-переселенцев Амурской и Приморской областей" [6]. Представленные фрагменты данного сочинения, посвящённого развитию крестьянского хозяйства, достаточно представительны для всей работы. Составители, пожалуй, переоценивают методологический уровень данной публикации Николая Абрамовича, находя здесь прогноз развития крестьянского хозяйства в Приамурье: средний пятилетний срок водворения, диверсифицированность хозяйства, деморализация крестьянства в условиях избытка ресурсов [1, с. 45]. На мой взгляд историка, в данном случае мы имеем дело не с прогнозом, а с фиксацией существующего положения дел, которая может быть использована как прогноз, но не является таковым с необходимостью. Известно, что средние сроки утверждения хозяйства менялись в разные периоды истории Приамурья, завися от степени развития территории и состояния самих переселенцев; подлинная диверсификация хозяйства, как и в других регионах, была уделом зажиточных крестьян; деморализация крестьянства зависела от избытка ресурсов – насыщение рынка рабочих рук, земельная теснота или приватизация наделов (всё это так или иначе предусматривалось правительством и местной администрацией)

должны были в будущем отрезать неразумных.

Используя прогрессивные методы исследования, Крюков приходит в целом к негативной оценке итогов и перспектив крестьянской колонизации Дальнего Востока, контрастируя в этом отношении с А. А. Риттихом, который в своём сочинении "Переселенческое и крестьянское дело в Южно-Уссурийском крае" [13], отмечая близкие к указанным выше тенденции, более уверенно смотрит в будущее аграрной колонизации Приамурья. В связи с данной работой вызывает недоумение пассаж составителей в отношении мнения Риттиха о необходимости скорейшего введения "самоуправления в форме земства" [1, с. 80], ссылаясь на мысль автора о том, что рост крестьянского населения делает "желательным скорейшее введение крестьянских учреждений" [13, с. 102]. Во-первых, очевидно несоответствие между земством и крестьянскими учреждениями, во-вторых, на рубеже XX века в Приамурье планировалось введение института крестьянских начальников, на возможность которого и указывал Александр Александрович: "проектированное введение крестьянских чиновников или же возложение их обязанностей на переселенческих чиновников с увеличением... их числа, было бы весьма благотворно для крестьянской жизни" [6, с. 72]. Таким образом, под "крестьянскими учреждениями" следует понимать не демократические земские институты, но авторитарных крестьянских начальников, аналогичных по своим функциям и полномочиям земским начальникам Европейской России, учреждённым ещё в эпоху Александра III [15, с. 107].

Роль следующего номера – "Колонизации Сибири в связи с общим переселенческим вопросом" [8] в общем замысле данного выпуска Антологии неоднозначна. С одной стороны, это явно компилятивный труд, составленный по имеющимся документам в недрах правительства: содержательно этот раздел очень часто [1, с. 110-117] пересекается с предыдущим (сочинением Риттиха); с другой стороны, имеет значение то, что это издание представляет официальный взгляд на проблемы русской колонизации Дальнего Востока и является элементом системы пропаганды крайнего Востока русской империи, направленной как внутрь страны, так и за её пределы.

Финалом и вершиной подборки текстов, вошедших в первый выпуск Антологии стали сочинения А.А. Кауфмана. Первое из них, "Материалы по вопросу о колонизационной емкости Приамурского края" [3], фиксирует результаты русской аграрной колонизации на 1901 год. Эта

работа, по уровню обобщения, по выводам, по используемым методам вполне соотносима с предыдущими сочинениями, комментарий к ней построен составителями главным образом на использовании позднейших работ данного автора. Несмотря на то, что сама по себе данная публикация для меня как историка представляет интерес, сколько она вносит в общий план Антологии?

Второе сочинение Александра Аркадьевича, "Переселение и колонизация" [4], является, безусловно, достижением русского социального знания начала XX века. Опыт, горизонт мышления и эрудиция автора позволили ему дать общую картину колонизационного дела в России, дать оценку колонизации разных регионов страны, широкое сравнение позволяет Кауфману делать неочевидные выводы. Составители Антологии указывают и на то, что автор прослеживает и эволюцию региональной политики, сочетая анализ нормативных актов и фактов действительности в авторской концепции, объясняющей причины переселений, и обеспечивающей научно обоснованный прогноз колонизационных процессов и их последствий для экономики и России, и отдельных её районов [1, с. 183].

Основной тезис, отстаиваемый автором "Переселения и колонизации" – неэффективность переселений на окраины страны как средства решения экономических проблем её центра. Связано это и с ущербом местам выхода переселенцев, лишаящимся подчас дельных рабочих рук, и с ненужными трудностями колонистов на новых местах. В связи с последним хотелось бы отметить, что А.А. Кауфман негативно оценивает опыт русской колонизации Приамурья, указывая на "культурное бессилие, находящее себе выражение и в неумении приспособлять хозяйство к категорическим требованиям времени и места" [1, с. 177-178]. Видимо, автор слишком строго судит русских, ведь в отношении азиатов он говорит о "многовековом приспособлении к местным условиям культуры" [1, с. 180].

Завершая обзор первого выпуска, хотел бы отметить отсутствие заключения, которое позволило бы читателю увидеть в сжатом виде достижения русской экономической мысли на Дальнем Востоке рубежа XIX – XX вв., а составителям – наметить план второго выпуска как продолжения первого.

Второй выпуск посвящён исследованию сельской экономики Приамурского края между русско-японской и Первой мировой войнами [2]. Составители продолжают курс на исследование подходов авторов прошлого к решению теоретических и практических задач исследования хозяйственного развития разного масштаба – от отдельного хозяйства до целого региона [2, с. 11-12].

Если введение первой части выводит дальневосточную экономическую мысль из мирового общественнознания, то во введении ко второй части, составители Антологии демонстрируют возможности местной, дальневосточной, науки, как организационные, так и исследовательские. Содержательно второй выпуск включает материалы обследования крестьянских хозяйств Приморской области, проведённого в 1910 – 1913 годах. Это исследование, как показано во вводной статье, было не только плодом усилий группы энтузиастов, но было порождено социально-экономической ситуацией, в которой находилось Приамурье в те годы, будучи в процессе формирования нового хозяйственного района с быстро растущей экономикой [1, с. 16]. Таким образом, можно видеть, что дальневосточная наука в те годы была на острие развития региона, отвечая на актуальные вопросы современности.

Наконец, следует отметить большой, по сравнению с первым выпуском, публицистический задор выпуска второго, особенно его вводной

части. Авторы введения обращаются к современности, её научным, хозяйственным, организационным особенностям, чтобы показать, какими средствами решения разных проблем располагала наука столетней давности.

Интересна структура основной части второго выпуска Антологии. В фокусе внимания составителей пять томов обследования крестьян, проводившегося в два приёма: в 1910 – 1911 гг. (четыре тома результатов обследования хозяйства крестьян-старожилов) и в 1912 – 1913 гг. (том результатов обследования хозяйства крестьян-новосёлов). Итак, мы имеем два автономных исследования, проводимых по сходной программе, это позволяет составителям сформировать для основной части выпуска три раздела: "О методологии и методике исследования сельской экономики", в котором представлены тексты из вводных (так сказать – теоретических) блоков обоих исследований; "Состояние и пути реформирования сельской экономики Приамурского края", в котором представлены описание и анализ хозяйства старожилов и новосёлов Приморской области накануне империалистической войны; "Опыт качественного исследования сельской экономики", в которой частично, насколько позволяет жанр издания, отражены результаты социоприродного районирования Приморской области – даны наиболее характерные для данного района описания селений: условий хозяйствования, особенностей демографического и культурного развития, эффективности труда.

Комментируя методологическую часть, составители самостоятельно формулируют теоретические положения проведённого А. Меньщиковым сотоварищи исследования, поскольку "в самих Материалах практически отсутствует систематическое изложение этих теоретических конструкций" [2, с. 69]. Следует отметить, что в процессе реконструкции использовался широкий хронологический диапазон исследований – от 90-х годов XIX века до 20-х годов XX. Учитывая, что развитие методологии, методики и общих подходов для составителей Антологии имеет значение, такое смешение эпох снижает познавательную ценность проведённой работы. Среди основных положений теории крестьянского хозяйства были отмечены следующие: 1) учёт ситуативности крестьянского хозяйства, его жёсткой связи с конкретными условиями существования; 2) системный характер хозяйства, а значит – и системность как необходимое условие его научного изучения; 3) учёт территориальной составляющей крестьянского хозяйства [2, с. 71-72]. Эти теоретические положения актуальны для крестьяноведения до сих пор [14]. Наконец, безусловное методическое достоинство исследования А. Меньщикова – его полевой характер [2, с. 86].

Растущая по мере развития социально-экономического знания концептуальность исследований сказывается в том, что и комментарии к описательным частям "Материалов по обследованию крестьянских хозяйств..." всё более посвящены методологической стороне исследования. В частности, прослеживается связь между существованием двух групп факторов, определяющих развитие хозяйства крестьян-старожилов (внешних и внутренних причин), и двух экономических районов (промышленного и земледельческого), а многообразие среды влечёт за собой многообразие типов хозяйства [2, с. 115-116]. В соответствии с методологией крестьяноведческих исследований, составители второго выпуска Антологии отмечают, что прежде чем выносить суждение о состоянии хозяйства новосёлов, опираясь на новые нормы наделения землёй, необходимо рассмотреть все факторы, оказывающие влияние на новосельское хозяйство¹. И тут оказывается, что во многих отношениях

¹ Верну читателя страницей выше, к тому месту в тексте, где указывается на несправедливость реконструкции теоретических положений исследования 1910 – 1913 годов

новосёлы оказываются в лучшем положении, чем старожилы – имеется ввиду наличие в "новосельческую эпоху" хозяйственной инфраструктуры, хозяйственного опыта, накопленного старожилыми, наконец, сами переселенцы-новосёлы не были строго замотивированы на земледелие, а значит одной величиной надела их положение и поведение адекватно не объяснить [2, с. 189-194].

Опыт качественного исследования крестьянской экономики, по мнению составителей второго выпуска Антологии, остаётся актуальным до сих пор по крайней мере для исследователей, добротная методика столетней давности, по причине сохранения объекта изучения (сельских поселений), может быть использована для проведения ретроспективного анализа, при разработке региональных стратегий [2, с. 259].

Второй выпуск Антологии обрывается также внезапно, как и первый – по причине отсутствия заключения, сводящего все линии рассуждения авторов цитируемых текстов и их комментаторов. Видимо заключение следует ждать в последнем выпуске данной серии, однако ожидание это может оказаться долгим, учитывая годовой цикл подготовки и издания каждого нового выпуска.

Итак, несмотря на высказанные замечания, и авторов-составителей, и всё исследовательское сообщество Дальнего Востока можно поздравить с новым изданием. Заслуга коллектива Антологии состоит в том, что он по-другому смотрит на уже известные тексты: то, что раньше представлялось как источник исторической информации, а в своё время – как объект снисходительной критики, оказалось современным, вполне актуальным, применимым в сегодняшних условиях знанием, способным обогатить не только сведениями о прошлом Дальнего Востока, но и принести новые идеи. Думаю, что после адаптации это издание можно использовать в качестве учебного пособия по истории методологии для студентов, общающихся по программам социально-гуманитарного профиля.

Литература

1. Антология экономической мысли на Дальнем Востоке. Выпуск 1. Колонизационные процессы в Приамурском крае на рубеже XIX – XX веков / отв. ред. П.А. Минакир; Росс. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т экон. исследований. Хабаровск: РИОТИП, 2008. 208 с.

2. Антология экономической мысли на Дальнем Востоке. Выпуск 2. Исследование сельской экономики Приамурского края между русско-японской и Первой мировой / отв. ред. П. А. Минакир; Росс. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т экон. исследований. – Хабаровск: РИОТИП, 2009. 288 с.

3. Кауфман А. А. Материалы по вопросу о колонизационной емкости Приамурского края. Отчет члена Ученого Комитета Министерства Земледелия и Государственных Имуществ А. А. Кауфмана в Приамурский край летом 1901 г. СПб.: б. и., 1901.

4. Кауфман А. А. Переселение и колонизация. – СПб.: издание журнала "Общественная польза", 1905.

5. Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. – СПб.: б. и., 1900.

при опоре на исследования 20 х годов! Видимо, системная методология в начале века не была настолько широко распространена среди крестьяноведов и аграрников.

6. Крюков Н. А. Опыт описания землепользования у крестьян-переселенцев Амурской и Приморской областей // Записки Приамурского отдела Императорского Русского Географического Общества. Т. II. Вып. II. М., 1896.
7. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Т. I. Старожилы-стодесятичники. (Таблицы) / Сост. А. Меньщиков, под ред. А.А. Татищева. Саратов: б. и., 1911.
8. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Т. II. Старожилы-стодесятичники. (Таблицы) / Сост. А. Меньщиков, под ред. А.А. Татищева. Саратов: б. и., 1911.
9. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Т. III. Старожилы-стодесятичники. (Текст) / Сост. А. Меньщиков, под ред. А. А. Татищева. Саратов: б. и., 1912.
10. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Т. IV. Старожилы-стодесятичники. (Описание селений) / Собр. и разраб. под руководством А. Меньщиков, под ред. А.А. Татищева. Саратов: б. и., 1912.
11. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Т. V. Новоселы, наделенные по душевой норме. (Таблицы и текст) / Сост. А. Меньщиков, под ред. Б.Н. Клепинина. Владивосток: б. и., 1914.
12. Минакир П.А., Демьяненко Н.А., Рензин О.М., Шейнгауз А.С. Экономические исследования на Дальнем Востоке России // Пространственная экономика. 2006. № 3. С. 7-33; № 4. С. 7-33.
13. Риттих А. А. Переселенческое и крестьянское дело в Южно-Уссурийском крае. СПб.: б. и., 1899.
14. Шанин Т. Понятие крестьянства // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире / Сост. Т. Шанин. – М.: Издательская группа "Прогресс", "Прогресс-Академия", 1992. С. 8-20.
15. Яргаев М. Х. Институт крестьянских начальников в Забайкалье и на Дальнем Востоке (1901 – 1917) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2004. № 2. С. 107-113.

Каневская Г.И.

Третья международная конференция "Нансеновские чтения, 2009"

The Third International Conference "Nansen Reading, 2009"

Международные конференции "Нансеновские чтения" проводятся в Санкт-Петербурге с 2007 г. Их особенностью, определившей успех этого проекта в научном сообществе, является постановка ключевых проблем русского зарубежья, ежегодное изменение основной темы и привлечение новых участников. В 2007 г. центральной темой конференции были проблемы адаптации русской эмиграции к иноязычному, иноконфессиональному и инокультурному окружению. В 2008 г. обсуждались проблемы взаимодействия русской эмиграции и Советского Союза. Третья международная научная конференция "Нансеновские чтения, 2009" состоялась 17–19 ноября прошлого года.

2009 г. – год 70-тилетия с начала Второй мировой войны – события, которое привело к огромным социальным и политическим потрясениям во всем мире. Война вызвала глубокие изменения в жизни русского зарубежья, результатом ее была новая волна русской эмиграции. Анализ влияния Второй мировой войны на русское зарубежье и стал целью "Нансеновский чтений, 2009".

Организаторами конференции были Комитет по внешним связям Санкт-Петербурга, Санкт-Петербургский ГУ "Санкт-Петербургский Дом национальностей", Региональная общественная организация информационно-культурный центр "Русская эмиграция" и Санкт-Петербургский институт истории РАН. Конференция проводилась в рамках Программы по реализации государственной политики РФ в отношении соотечественников за рубежом на 2008 – 2010 годы, утвержденной Правительством Санкт-Петербурга 8 июля 2008 г.

"Нансеновские чтения, 2009" открыл председатель комитета по внешним связям Санкт-Петербурга А.В. Прохоренко, который отметил возросший в современном обществе интерес к изучению истории русской эмиграции. С приветствиями к участникам конференции обратились

председатель оргкомитета конференции, директор Санкт-Петербургский институт истории РАН В.Н. Плешков и заместитель председателя, научный руководитель проекта "Нансеновские чтения" М.Н. Толстой.

В "Нансеновских чтениях, 2009" приняли участие более сорока исследователей из 13 городов РФ (от Калининграда до Владивостока), а также из стран ближнего и дальнего зарубежья (Белоруссии, Бельгии, Италии, Польши, США, Чехии).

Основными темами конференции были: положение русской эмиграции в разных странах накануне и в годы Второй мировой войны; политическое расслоение в ее среде, вызванное войной, отношение к фашизму и к СССР; причины, предпосылки и особенности формирования послевоенной волны русской эмиграции и характеристика различных категорий эмигрантов, из числа которых пополнилось русское зарубежье; культурная жизнь эмиграции в военное и послевоенное время; война и судьбы эмигрантов.

Положение эмиграции – проблема многоаспектная. В каждой отдельной стране русского рассеяния оно имело свою специфику, что и подчеркнули в своих докладах д.и.н. М.В. Шкаровский (Санкт-Петербург), к.и.н. Л.Н. Семенова (Минск) и д.и.н. Г.И. Каневская (Владивосток) на примере (соответственно) Италии, Канады, и Австралии. Дальневосточной ветви русской эмиграции были посвящены доклады д.и.н. Н.Е. Абловой (Минск), к.и.н. Е.Н. Наземцевой (Барнаул) и к.и.н. М.В. Кротовой (Санкт-Петербург).

Центральной темой конференции стал анализ политических взглядов различных слоев русской эмиграции и их позиций в преддверии и в годы Второй мировой войны по отношению к исторической родине и нацистской Германии. К.и.н. Т.М. Симонова (Москва) обратила внимание на воззрения военной эмиграции, а к.и.н. В.Ю. Волошина (Омск) и к.и.н. Т.П. Тетеревлева (Архангельск) на настроения в молодежной среде и конфликт поколений. Проблемы коллаборационизма и патриотизма стали предметом исследования в докладах к.и.н. М.Г. Шендерюк (Калининград) и С.А. Манькова (Санкт-Петербург). Пражские дискуссии об оборончестве и позиция партии "Крестьянская Россия" нашли отражение в докладе журналиста Радио Свобода М.В. Соколова (Москва). К.и.н. Е.М. Миронова (Москва) проследила эволюцию взглядов русских дипломатов в лице Совета послов от критики политики Сталина до признания недопустимости участия русских эмигрантов в иноземном вторжении в СССР. О помощи соотечественникам в годы войны со стороны русской колонии г. Сан-Пауло (Бразилия) речь шла в докладе к.и.н. М.Н. Мосейкиной (Москва). К.и.н. А.В. Урядова (Ярославль) затронула такую мало изученную тему, как отношение русского зарубежья к "Зимней войне". Представления русской эмиграции о советских людях изложила в своем докладе к.и.н. Е.И. Белова (Санкт-Петербург).

Большой интерес со стороны участников конференции и дискуссию вызвало обсуждение проблемы формирования послевоенной волны русской эмиграции. Непосредственно этой теме были посвящены доклады д.и.н. Э.С. Бочаровой (Москва), к.и.н. К.М. Александрова и д.и.н. П.Н. Базанова (оба из Санкт-Петербурга). Авторы поставили и попытались разрешить ключевые вопросы, характеризующие послевоенную волну: ее хронологические рамки, причины, численность, социальный состав, характер, особенности, значение и др. Судьба военнопленных и жизнь лагерей для перемещенных лиц нашли отражение в докладах отечественных (П.Н. Базанов, к.и.н. Н.А. Родионова из Москвы, к.и.н. В.Ю. Черняев из Санкт-Петербурга) и зарубежных участников конференции: библиографа и литературоведа, директора Вашингтонского отделения Конгресса русских американцев Л.А. Фостер (США), заведую-

щего отделом русских зарубежных собраний Гуверовского института войны, революции и мира А.В. Шмелева (США) и журналиста из Рима Джузеппе Меле (Италия).

Первым послевоенным годам русского зарубежья и деятельности новых эмигрантов были посвящены доклады к.и.н. А.В. Антошина из Екатеринбургa (эволюция повседневности) и редактора русской службы Радио Свобода И.Н. Толстого (Чехия), рассказавшего о предыстории создания этой организации. Доктор филологических наук И.В. Обухова-Зелинская (Польша) представила анализ выходящей в Париже газеты "Советский патриот" за 1945 – 1947 гг.

Содержание докладов, объединенных рубрикой "Культурная жизнь эмиграции в военное и послевоенное время", позволяет утверждать, что эмигранты оставили заметный след не только в истории русской, но и зарубежных культур. Доктор биологических наук Т.И. Ульянкина (Москва) осветила акции Беженского университета и Толстовского фонда (США) по спасению от нацизма европейских ученых и преподавателей высшей школы. Деятельность русских учебных заведений в Европе рассмотрела к.и.н. Е.Е. Седова (Воронеж). Перипетии непростой истории русского заграничного архива в Праге в 1938 – 1945 гг. предстали в докладе заведующей архивохранилищем ГАРФ Л.И. Петрушевой. Художественная литература и поэзия послевоенной эмиграции нашла отражение в выступлениях московских исследователей кандидатов филологических наук М.Е. Бабичевой и Т.В. Гордиенко. Судьба русской эмигрантской и православной культуры в Польше оказалась предметом исследования кандидата культурологии Е.В. Федюкиной (Москва). Живой интерес вызвал доклад о русских художниках в Бельгии кандидата искусствоведения Н.А. Авдюшевой-Лекомт (Брюссель), поставившей вопрос оценки творческой деятельности русских в оккупированных странах: взаимодействие культур или интеллектуальный коллаборационизм?

Большой блок составили доклады о судьбах отдельных представителей русской эмиграции. В них проявилась необычайная многоликость русского зарубежья, и в то же время высветились наиболее характерные черты, присущие русской эмиграции в рассматриваемый период ее истории. Докладчики представили персоналии: адмирала Ю.К. Старка (доктор филологических наук В.П. Старк, Санкт-Петербург), судостроителя В.И. Юркевича (к.и.н. Ю.В. Бельчич, Москва), начальника личной канцелярии генерала Власова К.Г. Кромиади (А.С. Кручинин, Москва), князей Мещерских (кандидат географических наук И.В. Сахаров, Санкт-Петербург) и Голицыных (Е.В. Конохова, Санкт-Петербург), историка Д.Н. Федотова-Уайта (д.и.н. Е.В. Петров, Санкт-Петербург), моряка Г.В. Чехова (к.и.н. Н.А. Кузнецов, Санкт-Петербург). С историей офицерского корпуса генерал-лейтенанта А.А. Власова и отдельных его участников познакомил К.М. Александров, на основе подготовленного им биографического справочника [1].

В ходе "Нансеновских чтений, 2009" состоялись ряд презентаций. Член оргкомитета, кандидат биологических наук М.Д. Чернышева представила издания Информационно-культурного центра "Русская эмиграция": сборник материалов прошедшей в 2008 г. конференции [4] и последний выпуск журнала "Берега" [3]. Д.и.н. П.Н. Базанов познакомил участников конференции со своей монографией [2], а доктор филологических наук В.М. Акимов (Санкт-Петербург) представил тетралогию писателя-репатрианта Ю.Г. Слепухина об эмигрантах и перемещенных лицах [6].

Прошедшая конференция собрала исследователей (историков, филологов, искусствоведов, культурологов и др.), близких по своим научным интересам, что обеспечило многоплановый, творческий диалог

ученых, вызванный, впрочем, не только знакомством с проблематикой и постановкой острых проблем, но и новизной использованных материалов из крупнейших архивов мира. Конференция свидетельствует о расширении масштабов изучения истории русской эмиграции и позволяет поддержать утверждение о появлении эмигрантоведения, как нового направления в отечественной гуманитаристике [5].

Подробно с содержанием докладов участников конференции можно будет познакомиться в сборник материалов "Нансеновских чтений, 2009", который выйдет к IV Международной конференции "Нансеновские чтения 2010". Конференция состоится в конце ноября 2010 г., тема ее – "Русская эмиграция. Первая половина XX века. Итоги изучения".

Литература

1. Александров К.М. Офицерский корпус армии генерала-лейтенанта А.А. Власова. 1944 – 1945: биографический справочник. Издательство "Посев", 2009.
2. Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917 – 1988 гг.): изд., испр. и доп. СПб., 2008.
3. Берега. Информационно-аналитический сборник о русском зарубежье. СПб. 2009. Выпуск 11-12.
4. Нансеновские чтения 2008. СПб., 2009.
5. Пронин А.А. Российская эмиграция и Российское зарубежье в отечественных диссертационных исследованиях 1980 – 2005 годов (библиометрический анализ) // Библиотековедение. 2009. № 3. С. 73.
6. Слепухин Ю.Г. Избранное в 5 т. Т.1. СПб., 2005; Т. 2. Спб., 2006.

Караман В.Н.

IX Российско-японский форум

IX Russian-Japan forum

20 и 21 сентября 2010 года в г. Владивостоке в рамках акции "Дни мира на Тихом океане" под эгидой Дальневосточного отделения Российской комиссии по делам ЮНЕСКО и Молодежного совета ШОС проходил IX Российско-японский форум "Японское море – мирное море", посвященный международному дню мира и 15-летию юбилею создания памятника Мира и Дружбы. Организаторами которого были: Приморское краевое общество дружбы с Японией, Приморское краевое отделение Российского комитета защиты мира, Общество "Россия-Япония", Японское общество "Япония – страны Евразии". Это ежегодные форумы, которые проводятся в разных городах стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Целью форума было заявлено раскрытие путей укрепления дружеских связей между Россией и Японией на уровне народной дипломатии. На форуме обсуждались вопросы укрепления дружбы и добрососедства между Россией и Японией, история взаимоотношений двух стран, роль городов-побратимов и учреждений культуры в установлении дружеских связей между странами, проблемы туризма, изучения японского и русского языков и эсперанто. Научная программа форума включала два рабочих дня 20 и 21 сентября 2010 года. Вся работа была организована в формате пленарного заседания. Заседания проходили последовательно в Приморском Государственном объединенном музее имени В.К. Арсеньева и Морском государственном университете имени адмирала Г.И. Невельского.

В работе форума приняли участие: Соколов В.Н. – директор музея им. В.К. Арсеньева, член "Общества дружбы с Японией"; Кононов В.М. – советник ректора МГУ им. Г.И. Невельского; Такэда Масанао – президент ОЯСЕ; Араки Эико – вице-президент ОЯСЕ; Ямаути Исао – постоянный член правления ОЯСЕ; Бурая В.Г. – председатель ПКОО "Общество дружбы с Японией"; Миямото Татиэ – зам.председателя правления ОЯСЕ; Сапрыкин В.Г. – начальник Управления международных отношений и туризма г. Владивостока; Такасуги Томохико – директор международного музея мира при университете Рицумэикан г. Киото; Моргун З.Ф. – к.и.н., профессор ДВГУ; Гапоненко В.С. – проректор по международным связям МГУ им. Г.И. Невельского и другие.

Государственные и общественные деятели говорили в основном о перспективах мирного развития Азиатско-Тихоокеанского региона ("Укрепление дружеских отношений по линии народной дипломатии", "Южно-Курильская зона – зона парка мира" "О дружеских связях между

Участники IX Российско-японского форума. 20 сентября 2010 г.

побратимами" и др.); ученые об истории взаимоотношения двух стран и их народов (К истории создания сборника "Японские военнопленные в Приморье", "Японские военнопленные на строительстве БАМ в 1940-е годы", "Японцы во Владивостоке. 1860 – 2000 гг.", "Русские в Японии" и др.).

В рамках форума японская делегация впервые в России продемонстрировала мультфильм "Нагасаки. Колокол Анжелеса, 1945" – о японском враче, пострадавшем от радиации в результате атомного взрыва, но выжившем и отчаянно пытавшемся спасти как можно больше пациентов. После пленарного заседания 20 сентября в здании музея им. В.К. Арсеньева прошли мастер-классы, на которых учащиеся владивостокских школ (организационную сторону взял на себя музей им. В.К. Арсеньева), в том числе те, кто обучается по программе углубленного изучения японского языка, смогли ближе познакомиться с культурой Японии. Ребята попробовали свои силы в оригами, поучаствовали в чайной церемонии, послушали японские барабаны и больше узнали о традиционном японском боевом искусстве – каратэ.

Главным же итогом форума, пожалуй следует считать, то, что его участники продемонстрировали, что "народная дипломатия" не просто случайный и начавший уже подзабываться термин, а один из тех рычагов (если конечно им пользоваться), который может снимать в определенной степени политическую напряженность в мире.

Кондратенко Г.В.

Фестиваль науки во Владивостоке

Science Festival in Vladivostok

16 октября 2010 г. в Институте Биологии Моря ДВО РАН (ИБМ) прошёл IV фестиваль науки "Окно в науку". Это мероприятие, объединяющее все Институты Дальневосточного отделения РАН, нацелено на популяризацию науки. С одной стороны, школьники и их родители в открытой и познавательной форме знакомятся с достижениями, открытиями дальневосточной науки, и могут не только увидеть, но и, что называется, потрогать руками, с другой – учёные чувствуют интерес общества, особенно со стороны юного поколения, ведь Фестиваль науки предназначен именно для школьников всех возрастов.

Фестивали науки – интереснейшие формы взаимодействия науки и общества, в Европе такие мероприятия проводятся уже 175 лет. Первый в России фестиваль науки прошёл в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова в октябре 2006 года. Ректор МГУ выразил надежду, что этот фестиваль не только поможет познакомить всех интересующихся с прекрасным миром науки, но и привлечет в науку молодежь, которой предстоит сделать жизненный выбор, а также что эта традиция будет поддержана и другими научными и образовательными центрами нашей страны. Пожелание ректора МГУ было услышано в регионах – например, во Владивостоке проводятся ежегодно два фестиваля – на базе ДВГУ и на базе ДВО РАН, причём последний привлекает школьников со всего Приморского края.

В фестивале "Окно в науку" приняло участие 670 посетителей и 130 участников-организаторов этого праздника. Больше всего было школьников средних и начальных классов. Это связано тем, что в программе появилось больше мероприятий, рассчитанных на эту аудиторию. А выставки с демонстрациями и активным вовлечением зрителей были понятны и интересны разным возрастам. Чтобы наука была открыта для всех, аспирантами Академии экологии, морской биологии и биотехнологии (АЭМББТ) ДВГУ и ИБМ специально была организована площадка для малышей-дошкольников, которые могли посмотреть спектакли, демонстрации некоторых экспериментов, а также порисовать.

Для школьников старших классов было прочитано несколько лекций – "Что может рассказать история Дальнего Востока о его будущем", "Восток – дело тонкое: проблемы и перспективы Тихоокеанской России", лекции о спутниковом радиолокационном исследовании Мирового океана, о синергетике и математических методах исследований.

Школьникам средних классов было показано несколько фильмов об особенностях климата Приморского края в разные времена года, рас-

сказано о геологических характеристиках Приморья и о роли Океана в жизни планеты и человека¹ [2].

Все лекции и фильмы дополнялись великолепными выставками и демонстрациями. Больше всего внимание школьников привлекали две демонстрации – "Химический иллюзион" и "Биомедицинский конвейер". Каждый час в течение 20 минут сотрудники Института химии проводили опыты с металлами – горение металлов, их испарение и окрашивание. "Искусственный вулкан", "Сад кристаллов", "Черная змея", а также "Крио-представление". Каждый опыт вызывал бурный восторг у юных зрителей и просьбы повторить опыт ещё раз. На выставке "Биомедицинский конвейер" Малой академии морской биологии можно было проследить путь разработки лекарства на основе полезных веществ из морских животных: от идеи, какое вещество можно использовать и из какого животного, через разработку методов получения этого вещества и изготовления из него лекарства до испытания лекарства на лабораторных животных, которым огромное количество людей обязано здоровьем и даже жизнью. Кроме того, можно было покормить улитку кусочком огурца, потрогать живого морского ежа и подержать в руках маленького белого мышонка. А напротив этой выставки можно было рассмотреть водоросли, медуз и другие морские организмы под микроскопом.

Среди необычных мероприятий можно отметить несколько мини-спектаклей – "Кушай травку" – зрители познакомились с лекарственными и пищевыми дикорастущими растениями Приморского края, узнали об их особенностях и о том, как их использовать; "Клетка как она есть" – игровой спектакль – зарисовка о жизнедеятельности клетки.

В холле первого этажа ИБМ и в Музее ИБМ проходило множество мастер-классов, на которых дети знакомились с декоративно-прикладным искусством народов Дальнего Востока, учились изготавливать орнаменты и вырезать ритуальные фигурки из дерева, а также писать иероглифы кисточками и тушью (Институт Истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока). Слушали, как ботаники изучают растения и делали поделки из листьев (Ботанический сад-институт). Школьники слушали, как пагубно влияет на морские организмы загрязнение бытовыми органическими веществами и нефтепродуктами и какие существуют способы очищать море от этих вредных веществ, узнавали, как работает Геммологическая лаборатория Института геологии и как проверяется качество и подлинность драгоценных камней (Дальневосточный геологический институт). В Музее ИБМ школьникам рассказывали, как стать биологом и какими разными бывают биологические специальности (АЭМББТ ДВГУ). Им раскрывали секреты решения задач прикладной математики и показывали, как математика помогает экономике (Институт прикладной математики), знакомили с методами химических исследований морской воды (Тихоокеанский океанологический институт), объясняли, чем киты отличаются от рыб и что такое синергетика, фракталы и аттракторы (ИБМ). Показывали Музей и рассказывали о морских исследованиях, морских животных и о том, как строились отношения человека и моря тысячелетия назад и как строятся сейчас².

Фестиваль науки для молодёжи – безусловно нужное и важное дело, остаётся только пожелать слияния разных фестивалей и привлечения сюда большего числа научных и образовательных учреждений.

¹ См. Фестиваль Дальневосточной науки – 2010 "Окно в науку" [Электронный документ]. [Электронный ресурс]. URL: <http://museumimb.ru/fest2010.html>

² См. Очень научный праздник [Электронный документ]. [Электронный ресурс]. URL: <http://museumimb.ru/festival2010.html>

К читателям

Редакция извещает читателей о возможности подписки на журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования".

Подписка принимается во всех почтовых отделениях.

Информацию о стоимости и условиях подписки Вы можете найти в Объединенном каталоге "Пресса России" (том 1. Газеты и журналы).

Подписной индекс журнала – **42354**.

Кроме того, подписка на журнал может быть оформлена в сети Интернет. Для того чтобы оформить подписку через Интернет, Вы можете зайти на начальную страницу сайта "Ойкумены" (www.ojkum.ru) и воспользоваться ссылкой в разделе "Новости".

Сокращения

- ГАКХ** – Государственный архив Хабаровского края
НАРТ – Национальный архив Республики Татарстан
ЦГИА РФ – Центральный исторический архив Российской Федерации

Наши авторы

Аргудяева Юлия Викторовна, д.и.н., профессор, главный научный сотрудник (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток). **E-mail:** argudiaeva@mail.ru

Барбенко Ярослав Александрович, к.и.н., доцент кафедры государственного и муниципального управления (Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, г. Владивосток). **E-mail:** prohist@narod.ru

Ващук Ангелина Сергеевна, д.и.н., профессор, заведующая Отделом социально-политических исследований (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток). **E-mail:** va_lina@mail.ru

Голобоков Андрей Сергеевич, аспирант кафедры регионоведения (Дальневосточный государственный университет, г. Владивосток). **E-mail:** spell440@yandex.ru

Жерновой Михаил Васильевич, к.ю.н., доцент, начальник филиала по Приморскому краю (Всероссийский научно-исследовательский институт МВД РФ, г. Владивосток). **E-mail:** primvnii@mail.ru

Журбей Евгений Викторович, к.и.н., доцент (Дальневосточный государственный технический университет (филиал в г. Находке), г. Находка). **E-mail:** cpr2001@rambler.ru

Золотухин Иван Николаевич, к.полит.н., доцент кафедры международных отношений (Дальневосточный государственный университет, г. Владивосток). **E-mail:** zolivnik@mail.ru

Исхаков Рафаиль Лутфуллович, к.фил.н., доцент кафедры периодической печати (Уральский государственный университет им. А.М. Горького, г. Екатеринбург). **E-mail:** rafa-iskhakov@yandex.ru

Каневская Галина Ивановна, д.и.н., профессор регионоведения (Дальневосточный государственный университет, г. Владивосток). **E-mail:** gkanevskaya@mail.primorye.ru

Караман Вадим Николаевич, к.и.н., старший научный сотрудник (Приморский государственный объединенный музей им. В.К. Арсеньева, г. Владивосток). **E-mail:** karaman@mail.primorye.ru

Кондратенко Галина Викторовна, старший лаборант (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток). **E-mail:** prohist@narod.ru

Кузнецов Анатолий Михайлович, д.и.н., профессор кафедры социальной и политической антропологии (Дальневосточный государственный университет, г. Владивосток). **E-mail:** akuzn@vimo.dvgu.ru

Латушко Юрий Викторович, к.и.н., научный сотрудник центра политической антропологии (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток). **E-mail:** latushko@mail.ru

Лукин Артем Леонидович, к.полит.н., доцент кафедры международных отношений (Дальневосточный государственный университет, г. Владивосток). **E-mail:** artlukin@mail.ru

Наливайко Павел Николаевич, студент факультета политических наук и социального управления (Дальневосточный государственный университет, г. Владивосток). **E-mail:** nuclies@mail.ru

Постников Валерий Валентинович, зав. методическим кабинетом кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Тихоокеанского военно-морского института им. С.О. Макарова. г. Владивосток). **E-mail:** postnikoff@mail.ru

- Солодовник Инга Владимировна**, редактор информационного отдела (Приморский государственный объединенный музей имени В.К. Арсеньева, г. Владивосток). **E-mail:** solodovnik_inga4@mail.ru
- Ставров Иван Валерьевич**, к.и.н., научный сотрудник (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток). **E-mail:** stavivan@mail.ru
- Хисамутдинов Амир Александрович**, д.и.н., профессор кафедры восточных языков Восточного института (Дальневосточный государственный технический университет, г. Владивосток). **E-mail:** khisamut@hawaii.edu
- Шугайло Татьяна Сергеевна**, аспирант (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток), **E-mail:** randy-t@rambler.ru
- Ячин Сергей Евгеньевич**, д.ф.н., профессор кафедры философии (Дальневосточный государственный технический университет, г. Владивосток). **E-mail:** yachin@land.ru

Сведения о членах редакционной коллегии

- Римская Татьяна Григорьевна** (*главный редактор*) – кандидат исторических наук, доцент, директор филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка
- Бурлаков Виктор Алексеевич** – кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*)
- Ганопольский Михаил Григорьевич** – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института проблем освоения Севера СО РАН (*г. Тюмень*)
- Демьяненко Александр Николаевич** – доктор географических наук, профессор, заведующий сектором экономического районирования Института экономических исследований ДВО РАН (*г. Хабаровск*)
- Журбей Евгений Викторович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры социальных технологий филиала Дальневосточного государственного технического университета в г. Находка
- Золотухин Иван Николаевич** – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений, декан факультета международных отношений Дальневосточного государственного университета (*г. Владивосток*)
- Калугина Марина Альбертовна** – кандидат политических наук, заместитель директора по науке филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка
- Караман Вадим Николаевич** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Приморского государственного объединенного музея им. В.К. Арсеньева (*г. Владивосток*)
- Киреев Антон Александрович** (*ответственный редактор*) – кандидат политических наук, доцент кафедры теории и истории политики Дальневосточного государственного университета (*г. Владивосток*)
- Кирсанова Лидия Игнатьевна** – доктор философских наук, профессор кафедры философии и психологии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*)
- Кожевников Владимир Васильевич** – кандидат исторических наук, профессор кафедры страноведения Дальневосточного государственного университета (*г. Владивосток*)
- Кузнецов Анатолий Михайлович** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и политической антропологии Дальневосточного государственного университета (*г. Владивосток*)
- Латушко Юрий Викторович** – кандидат исторических наук, научный сотрудник центра политической антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (*г. Владивосток*)
- Лукин Артем Леонидович** – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Владивостокского института международных отношений Дальневосточного государственного университета (*г. Владивосток*)
- Литошенко Денис Александрович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*)
- Лобода Оксана Витальевна** – кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*)

Наумов Юрий Анатольевич – кандидат геолого-минералогических наук, доктор географических наук, член-корреспондент Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности, доцент филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка

Севастьянов Сергей Витальевич – д.полит.н., профессор кафедры мировой экономики и экономической теории Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*)

Чой Нак Джун – Ph.D., приватный доцент кафедры русского языка и литературы института литературы и лингвистики университета Санг Мёнг (*г. Чхонан, Республика Корея*)

Шестак Ольга Игоревна – кандидат исторических наук, доцент кафедры менеджмента, руководитель центра социологических и маркетинговых исследований Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*)

Уважаемые авторы!

С декабря 2006 года выходит в свет научно-теоретический журнал «Ойкумена. Регионоведческие исследования». Редколлегия журнала приглашает преподавателей вузов, сотрудников академических учреждений Приморского края и дальневосточного региона, а также заинтересованных исследователей опубликовать свои статьи, материалы и методические разработки на страницах нашего издания.

Журнал будет включать в себя следующие тематические рубрики:

- ◆ Теория и методология регионоведческих исследований
- ◆ Регион в ракурсе предметного анализа: структуры и процессы
- ◆ Мировая система и межрегиональные отношения
- ◆ Междисциплинарные и системные исследования региона
- ◆ Эмпирика
- ◆ Аналитика
- ◆ Прагматика
- ◆ Науковедение
- ◆ Регион в документах и свидетельствах
- ◆ Научная жизнь
- ◆ Рецензии и обзоры
- ◆ Программы учебных курсов
- ◆ Методические разработки

Тематика статей, принимаемых к публикации в журнале «Ойкумена. Регионоведческие исследования», соответствует следующим разделам рубриката ГРНТИ:

00.00.00	Общественные науки в целом
03.00.00	История. Исторические науки
04.00.00	Социология
11.00.00	Политика. Политические науки
13.00.00	Культура. Культурология
23.00.00	Комплексное изучение отдельных стран и регионов

Требования к объему и оформлению предоставляемых в редакцию материалов

1. Формат файла txt, MS Word, OO Writer.
2. Файл не должен содержать сложных стилей и форматирования. В заголовках не применять ПРОПИСНЫЕ символы.
3. Шрифт Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
4. Поля: верхнее и нижнее – 2 см., правое – 1,5 см., левое – 2,5 см.
5. Порядок оформления статьи: УДК, Ф. И. О. автора (авторов), название статьи, аннотация, ключевые слова (не менее 5-ти на русском и английском языках), текст статьи, список литературы.
6. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведенной цитаты. Например: [2, с. 5]. Ссылка на неопубликованный архивный документ помещается только в тексте самой статьи в круглых скобках. Например: (ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4-5).
7. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учета соавторов и хронологии. В списке сначала указывается литература на кириллице, затем на латинице, и после на других системах письма. Библиографическое описание должно включать полное наименование книги или статьи, место издания, издательство, год, общее количество страниц (для статьи – страницы, на которых она помещена). Ссылка на Интернет в списке литературы оформляется следующим образом: Название материала, [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ojkum.ru/> [Дата обращения: 01.01.2010 г.]
8. Объем – 0,5 п. л. (20 тыс. зн. с пробелами).
9. Рисунки, карты, графики и т.п. принимаются в наиболее распространенных (cdr, eps, ai, jpeg, bmp, tif) форматах отдельными файлами.
10. Ввиду черно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. по возможности не должна содержать более трех цветов (черный, белый, серый 50%).
11. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации. **E-mail: oikomene@rambler.ru; ojkum@rambler.ru**
12. Текст статьи, сведения об авторе (Ф. И. О., ученая степень, ученое звание, место работы и должность, рабочий (домашний) телефон, e-mail), аннотацию (6 – 8 строк) на русском и английском языках, а также название статьи на английском языке и написание своей фамилии латиницей присылать в одном файле.
13. Присылаемому файлу следует присваивать только имя (фамилию) автора.
14. К публикации в журнале принимаются, как правило, работы, ранее не публиковавшиеся в русскоязычных изданиях.

**Статьи проходят обязательное рецензирование.
Редакция оставляет за собой право отбора публикаций.
Файлы, подготовленные с нарушением требований,
не рассматриваются.**

Ойкумена. Регионоведческие исследования:
научно-теоретический журнал.

2010 № 4 (15)

Изд. лиц. ИД № 05497 от 01. 08. 2001 г.
Подписано к печати 07. 06. 2010 г. формат 70x108/16
Усл. п. л. 15,4. Уч. -изд. л. 14,67. Тираж 200 экз. Заказ 130
Цена свободная
Отпечатано в типографии ФГУП Издательство
"Дальнаука" ДВО РАН
690041, г. Владивосток, ул. Радио, 7

<http://www.ojkum.ru/>

